

ПРАВО И ПОЛИТИКА

научный юридический журнал

www.aurora-group.eu

www.nbpublish.com

AURORA Group s.r.o.

nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-04-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Даниленко Денис Васильевич, доктор права (Франция),
danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2454-0706

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-04-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Danilenko Denis Vasil'evich, doktor prava (Frantsiya), danilenko_d@mail.ru

ISSN: 2454-0706

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Сыченко Елена Вячеславовна – PhD (Университет Катании, Италия), доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, г. Санкт-Петербург, 22 линия В.О., 7. e.sychenko@mail.ru

Нарутто Светлана Васильевна – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993. г. Москва, ул. Садовая-Кудринская 9, svetanarutto@yandex.ru

Толстолицкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права, конституционного права Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, Новосибирская обл., г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, kravigor@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Пешкова Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент заведующая кафедрой гражданского, процессуального права, Центральный филиал Российского государственного университета правосудия, 394006, ул. 20-летия Октября, 95, Воронеж Peshkova1@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. 1-я Линия, 26, оф. 509

Гладышева Ольга Владимировна – доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет, кафедра уголовного процесса, 350900, Россия, г. Краснодар, ул. В.Ткачева, 141

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133

Бадинтер Робер - доктор юридических наук, профессор Университета Париж-I (Пантеон-Сорбонна), член Сената Франции, экс-председатель Конституционного Совета Франции, экс-министр юстиции Франции. 1, rue Thenard, 75005, Paris. France.

Волох Владимир Александрович - доктор политических наук, профессор кафедры

государственного управления и политических технологий Института государственного управления и права Государственного университета управления. Рязанский проспект, 99, г. Москва, Россия, 109542; E-mail: v.volokh@yandex.ru

Даниленко Денис Васильевич – доктор права, Университет Экс-Марсель (Aix-Marseille Universite, France) главный редактор журнала «Международное право и международные организации» и журнала «Право и политика», исполнительный директор Академической издательской группы NOTA BENE - ООО "НБ-Медиа". 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Добрынин Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета. 625000. Россия, г. Тюмень, ул. Ленина, 38.

Ковлер Анатолий Иванович - доктор юридических наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. Большая Черемушkinsкая ул., 34, Москва, 117218

Люббе-Вольф Гертруда - доктор права, профессор, судья Конституционного суда ФРГ. Bundesverfassungsgericht, Schlossbezirk 3, 76131 Karlsruhe, Germany/Postfach 1771, 76006 Karlsruhe, Germany

Наган Винстон Персиваль - доктор права, профессор права Университета Флориды (школа права имени Левина), директор Института прав человека, мира и развития, профессор антропологии Брейзнуэз Колледжа (Оксфорд), член Королевского общества искусств (Royal Society of the Arts, Лондон), член Комиссии по конституционным вопросам ЮАР (США). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Марочкин Сергей Юрьевич - профессор, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права Тюменского государственного университета. 625003, Россия, г. Тюмень, ул. Семакова, дом 10, Институт государства и права

Попова Ольга Валентиновна - доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета. Университетская набережная, 7-9. г. Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Саидов Акмаль Холматович - доктор юридических наук, профессор, директор Института по правам человека Республики Узбекистан, председатель Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 100035, Ташкент, пр. Бунёдкор 1.

Уве Хелльманн – доктор права, профессор Потсдамского университета. Заведующий кафедрой уголовного и экономического права. Am Neuen Palais 10, House 09 14469 Potsdam

Хаммер Крег Саймон - доктор философии, консультант по вопросам международного права Всемирного банка реконструкции и развития, отдел развития новых банковских практик в сфере вовлеченности в гражданское общество, усиления и уважения разнообразия — CEERD, (г. Вашингтон, США). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Шунеманн Берндт - доктор права, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса, философии и социологии права Людвиг-Максимилиан (Мюнхен) университета (г.Мюнхен, ФРГ). Raum 106, Ludwigstrasse., 29. 80539, Munchen, Deutschland.

Смахтин Евгений Владимирович - доктор юридических наук, профессор кафедры Уголовного права и процесса Тюменский государственный университет 625003, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Республики, 14/9 smaxt@yandex.ru

Минникес Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Иркутского института (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции». 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4. iaminnikes@yandex.ru

Коробеев Александр Иванович - доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Дальневосточный федеральный университет. 690992, г. Владивосток, пос. Аякс, кампус ДВФУ,

Кембаев Женис Мухтарович – доктор права, Университет КИМЭП, юридический факультет, профессор, Проспект Абая 2, г. Алматы 050010, Казахстан, kembayev@kimep.kz

Боярский Марек - доктор права, профессор, ректор Университета Вроцлав, Польша Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Артемов Николай Михайлович - доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права и бухгалтерского учета Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. 123995. Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Боташева Асият Казиевна - доктор политических наук, профессор кафедры журналистики, медиакоммуникаций и связей с общественностью Института международных отношений ФГБОУ ВО "Пятигорский государственный университет". 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Чернядзева Наталья Алексеевна - доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия. chernyadnatalya@yandex.ru

Альбов Алексей Павлович - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА), профессор, 107078, Россия, г. Москва, ул. Новая Басманная, 4-6, строение 3, кв. 348, aap62@yandex.ru

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Беляева Галина Серафимовна - доктор юридических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, заведующий кафедрой административного права и процесса, 308503, Россия, Белгородская область, пос. Майский, ул. Агрономическая, 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Васильев Алексей Михайлович - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кубанский государственный университет" (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры уголовного права и криминологии, 350072, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. 2-й кадетский переулок, 12,

12, alexey771977@mail.ru

Володина Людмила Мильтоновна - доктор юридических наук, Тюменский государственный университет, профессор, 111402, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Вешняковская, 5 корпус 1, кв. 195, lm.volodina@yandex.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Гомонов Николай Дмитриевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Мурманский арктический государственный университет», профессор кафедры юриспруденции, 183010, Россия, Мурманская область, г. Мурманск, ул. Халтурина, 7, оф. 10, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Деметрадзе марине резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизации, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. Нахимовский проспект дом 48 кв.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Демичев Алексей Андреевич - доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданского права и процесса, Нижегородская академия МВД РФ. Г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3. 603950. Бокс 268.

Калужина Марина Анатольевна - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КубГУ»), профессор кафедры криминалистики и правовой информатики, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ФКУ НИИ ФСИН России), ведущий научный сотрудник, 350047, Россия, г. г. Краснодар, ул. 1 Линия, 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Кежутин Андрей Николаевич - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, 603005, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, ул. М. Горького, 160, кв. 58, kezhutin@rambler.ru

Кобец Петр Николаевич - доктор юридических наук, «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», главный научный сотрудник отдела научной информации, подготовки научных кадров и обеспечения деятельности научных советов Центра организационного обеспечения научной деятельности, 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, pkobets37@rambler.ru

Коновалов Игорь Анатольевич - доктор исторических наук, ФГАО ВО "Омский

государственный университет им. Ф. М. Достоевского", Декан юридического факультета, 644050, Россия, Омская область, г. Омск, пер. Комбинатский, 4, кв. 48, konov77@mail.ru

Кротов Андрей Владиславович - доктор юридических наук, 603054, Россия, г. Нижний Новгород, ул. а/я 33, 33, pravonnov@yandex.ru

Крохина Юлия Александровна - доктор юридических наук, Московский государственный университет им. Ломоносова, Заведующая кафедрой правовых дисциплин, Высшая школа государственного аудита (факультет), 127572, Россия, Москва область, г. Москва, ул. Новгородская улица, д 38, Москва, 38, кв. 4, jkrokhina@mail.ru

Кудратов Некруз Абдунабиевич - доктор юридических наук, Таджикский государственный университет коммерции, Декан факультета, 734061, Таджикистан, г. Душанбе, ул. Дехоти, 1/2, каб. 309, nek-kudratov@mail.ru

Литвинова Татьяна Николаевна - доктор политических наук, Одинцовский филиал Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел, профессор кафедры регионального управления и национальной политики, 143005, Россия, Московская область, г. Одинцово, ул. Чикина, 9, кв. 99, tantin@mail.ru

Мезяев Александр Борисович - доктор юридических наук, Университет управления ТИСБИ, зав. кафедрой международного права, профессор, 420012, Россия, республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари, 13, оф. 248, alexmezyaev@gmail.com

Никитина Ирина Эдуардовна - доктор юридических наук, ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, главный научный сотрудник, 141080, Россия, Московская область, г. Королев, ул. Легостаева, 4, кв. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Панченко Владислав Юрьевич - доктор юридических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, 119296, Россия, г. Москва, ул. Вавилова, 52 к 1, кв. 20, panchenkovlad@mail.ru

Попова Светлана Михайловна - PhD of Political Science. Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Ведущий научный сотрудник, 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6 к.1, sv-2002-1@yandex.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmomos@rambler.ru

Рогова Евгения Викторовна - доктор юридических наук, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, 664081, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, мкр. Крылатый, 24/3, кв. 20, rev-80@yandex.ru

Рыжов Валерий Борисович - Doctor of Juridical Science (S. J. D. or J. S. D.), Московский институт юриспруденции, заведующий криминалистической лабораторией, 125057, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 75, корп. 1 А, кв. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович - доктор юридических наук, Кыргызско-Казахский университет, проректор по научной работе, Ошский государственный юридический институт, профессор кафедры уголовного права и процесса, 720072, Киргизия, г. Бишкек, ул. Тулебердиева, 80, saifutdinovt@bk.ru

Уваров Александр Анатольевич - доктор юридических наук, Всероссийский государственный университет юстиции Сочинский филиал, профессор, Международный инновационный университет, профессор, 354057, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Альпийская, 27, кв. 22, uvarov.al@mail.ru

Council of editors

Sychenko Elena Vyacheslavovna – PhD (University of Catania, Italy), Associate Professor of the Department of Labor Law of St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, 22 line V.O., 7. e.sychenko@mail.ru

Narutto Svetlana Vasilyevna – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), 125993. Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str. 9, svetanarutto@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich – Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, tolvlad@yandex.ru

Igor Kravets – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of the History of State and Law, Constitutional Law Novosibirsk National Research State University, 630090, Novosibirsk Region, Novosibirsk, Pirogova str., 1, kravigor@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Hristina V. Peshkova – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Procedural Law, Central Branch of the Russian State University of Justice, 95 20th Anniversary of October Str., Voronezh, 394006 Peshkova1@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg, 1st Line str., 26, office 509

Gladysheva Olga Vladimirovna – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of Criminal Procedure, 141 V.Tkacheva str., Krasnodar, 350900, Russia

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133

Volokh Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Administration and Political Technologies of the Institute of Public Administration and Law of the State University of Management. Ryazan Avenue, 99, Moscow, Russia, 109542; E-mail: v.volokh@yandex.ru

Denis Vasilyevich Danilenko – Doctor of Law, Aix-Marseille University (Aix-Marseille Universite, France) Editor-in-chief of the journal "International Law and International Organizations" and the journal "Law and Politics", Executive Director of the Academic Publishing Group NOTA BENE - NB-Media LLC. 115114, Moscow, Paveletskaya embankment, house 6A, office 211.

Dobrynin Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 625000. Russia, Tyumen, Lenin str., 38.

Kovler Anatoly Ivanovich - Doctor of Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Bolshaya Cheremushkinskaya str., 34, Moscow, 117218

Lubbe-Wolf Gertrude - Doctor of Law, Professor, judge of the Constitutional Court of Germany. Bundesverfassungsgericht, Schlossbezirk 3, 76131 Karlsruhe, Germany/Postfach 1771, 76006 Karlsruhe, Germany

Nagan Winston Percival - Doctor of Law, Professor of Law at the University of Florida (Levin School of Law), Director of the Institute of Human Rights, Peace and Development, Professor of Anthropology at Brasenose College (Oxford), Member of the Royal Society of the Arts (London), member of the Commission on Constitutional Issues of South Africa (USA). Brasenose College, Oxford, OX1, 4AJ. United Kingdom

Sergey Yuryevich Marochkin - Professor, Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of Tyumen State University. 10 Semakova str., Tyumen, 625003, Russia, Institute of State and Law

Popova Olga Valentinovna - Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of St. Petersburg State University. Universitetskaya embankment, 7-9. St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: politinstitute2010@mail.ru

Akmal Kholmatovich Saidov - Doctor of Law, Professor, Director of the Institute for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Chairman of the Committee of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. 100035, Tashkent, Bunyodkor ave. 1.

Uwe Hellmann is a Doctor of Law, professor at the University of Potsdam. Head of the Department of Criminal and Economic Law. Am Neuen Palais 10, House 09 14469 Potsdam

Hammer Craig Simon - PhD, Consultant on International Law of the World Bank for Reconstruction and Development, Department for the Development of New banking practices in the field of involvement in civil society, strengthening and respect for diversity — CEERD, (Washington, USA). The World Bank Institute at the World Bank. 1818 H Street, NW, Washington, DC, United States of America, 20433

Schoenemann Berndt - Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure, Philosophy and Sociology of Law Ludwig Maximilian (Munich) University (Munich, Germany). Raum 106, Ludwigstrasse., 29. 80539, Munchen, Deutschland.

Smakhtin Evgeny Vladimirovich - Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Procedure Tyumen State University 625003, Russia, Tyumen region, Tyumen, Republic str., 14/9 smaxt@yandex.ru

Minnikes Irina Viktorovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Irkutsk Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice. 664011, Irkutsk, Nekrasova str. , 4. iaminnikes@yandex.ru

Korobeev Alexander Ivanovich - Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal

University. 690992, Vladivostok, village Ajax, FEPU campus,

Zhenis Mukhtarovich Kembayev – Doctor of Law, KIMEP University, Faculty of Law, Professor, Abaya Avenue 2, Almaty 050010, Kazakhstan, kembayev@kimep.kz

Boyarski Marek - Doctor of Law, Professor, Rector of the University of Wroclaw, Poland Poland, Pl. Uniwersytecki 1 50-137 Wroclaw, rooms 109 and 120, 1st floor

Artemov Nikolay Mikhailovich - Doctor of Law, Professor of the Department of Financial Law and Accounting of the Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin. 123995. Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9.

Asiyat Kazievna Botasheva - Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Journalism, Media Communications and Public Relations of the Institute of International Relations of the Pyatigorsk State University. 357532, Stavropol Territory, Pyatigorsk, Kalinin Ave., 9. E-mail: ab-ww@mail.ru

Natalia A. Chernyadyeva - Doctor of Law, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Crimean Branch of the Russian State University of Justice. chernyadnatalya@yandex.ru

Alexey Pavlovich Albov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice (RPA), Professor, 4-6 Novaya Basmannaya str., building 3, sq. 348, Moscow, 107078, Russia, aap62@yandex.ru

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Belyaeva Galina Serafimovna - Doctor of Law, Belgorod State National Research University, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, 308503, Russia, Belgorod region, village Maysky, Agronomic str., 5, gala.belyaeva2014@yandex.ru

Vasiliev Alexey Mikhailovich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminal Law and Criminology criminology, 350072, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, ul. 2nd kadetskiy lane, 12, 12, alexey771977@mail.ru

Volodina Lyudmila Miltonovna - Doctor of Law, Tyumen State University, Professor, 111402, Russia, Moscow region, Moscow, Veshnyakovskaya str., 5 building 1, sq. 195, lm.volodina@yandex.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, Kutafin Moscow State University of Law (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow, 123995, Russia, office 721, eigaljashina@msal.ru

Nikolay Dmitrievich Gomonov - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Murmansk Arctic State University", Professor of the Department of Jurisprudence, 7 Khalturina str., office 10, Murmansk, Murmansk Region, 183010, Russia, Gomonov_Nikolay@mail.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Demichev Alexey Andreevich - Doctor of Law, Professor, Department of Civil Law and Procedure, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe highway, 3. 603950. Box 268.

Kaluzhina Marina Anatolyevna - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State University" (FGBOU VO "KubGU"), Professor of the Department of Criminalistics and Legal Informatics, Federal state Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service" (FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia), leading researcher, 350047, Russia, Krasnodar, 1 Liniya str., 140, kaluzhina.marishka@yandex.ru

Kezhutin Andrey Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Volga Research Medical University" of the Ministry of Health of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, M. Gorky str., 160, sq. 58, kezhutin@rambler.ru

Kobets Pyotr Nikolaevich - Doctor of Law, "All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Chief Researcher of the Department of Scientific Information, Training of Scientific Personnel and Ensuring the activities of Scientific Councils of the Center for Organizational Support of Scientific Activity, 121069, Russia, Moscow, Povarskaya str., 25, p. 1, pkobets37@rambler.ru

Konovalov Igor Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Omsk State Agricultural University named after F. M. Dostoevsky, Dean of the Faculty of Law, 644050, Russia, Omsk region, Omsk, lane. Kombinatsky, 4, sq. 48, konov77@mail.ru

Andrey Vladislavovich Krotov - Doctor of Law, 603054, Russia, Nizhny Novgorod, 33 a/ya str., 33, pravonnov@yandex.ru

Yulia Aleksandrovna Krokhina - Doctor of Law, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Legal Disciplines, Higher School of State Audit (Faculty), 127572, Russia, Moscow region, Moscow, Novgorodskaya street, 38, Moscow, 38, sq. 4, jkrokhina@mail.ru

Kudratov Nekruz Abdunabievich - Doctor of Law, Tajik State University of Commerce, Dean of the Faculty, 734061, Tajikistan, Dushanbe, 1/2 Dekhoti str., room 309, nek-kudratov@mail.ru

Litvinova Tatiana Nikolaevna - Doctor of Political Sciences, Odintsovo Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs, Professor of the Department of Regional Management and National Policy, 143005, Russia, Moscow region, Odintsovo, Chikina str., 9, sq. 99, tantin@mail.ru

Mezuyaev Alexander Borisovich - Doctor of Law, TISBI University of Management, Head of the Department of International Law, Professor, 420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, 13 Mushtari str., office 248, alexmezuyaev@gmail.com

Nikitina Irina Eduardovna - Doctor of Law, FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, Chief Researcher, 141080, Russia, Moscow region, Korolev, Legostaeva str., 4, sq. 293, irinanikitina23@rambler.ru

Panchenko Vladislav Yurievich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Linguistic University" , Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, 119296, Russia, Moscow, Vavilova str., 52 k 1, sq. 20, panchenkovlad@mail.ru

Popova Svetlana Mikhailovna - PhD of Political Science. Institute of Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher, 6 k.1, Fotieva str., Moscow, 119333, Russia, sv-2002-1@yandex.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Controlstaff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Rogova Evgeniya Viktorovna - Doctor of Law, Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure, 664081, Russia, Irkutsk Region, Irkutsk, md. Winged, 24/3, sq. 20, rev-80@yandex.ru

Ryzhov Valery Borisovich - Doctor of Judicial Science (S. J. D. or J. S. D.), Moscow Institute of Jurisprudence, Head of the Forensic Laboratory, 125057, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 75, building 1 A, sq. 291, valeriy_ryzhov@mail.ru

Sayfutdinov Tahir Ismaildzhanovich - Doctor of Law, Kyrgyz-Kazakh University, Vice-Rector for Research, Osh State Law Institute, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, 720072, Kyrgyzstan, Bishkek, Tuleberdieva str., 80, saifutdinovt@bk.ru

Alexander A. Uvarov - Doctor of Law, All-Russian State University of Justice Sochi Branch, Professor, International Innovation University, Professor, 354057, Russia, Krasnodar Territory, Sochi, Alpiyskaya str., 27, sq. 22, uvarov.al@mail.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

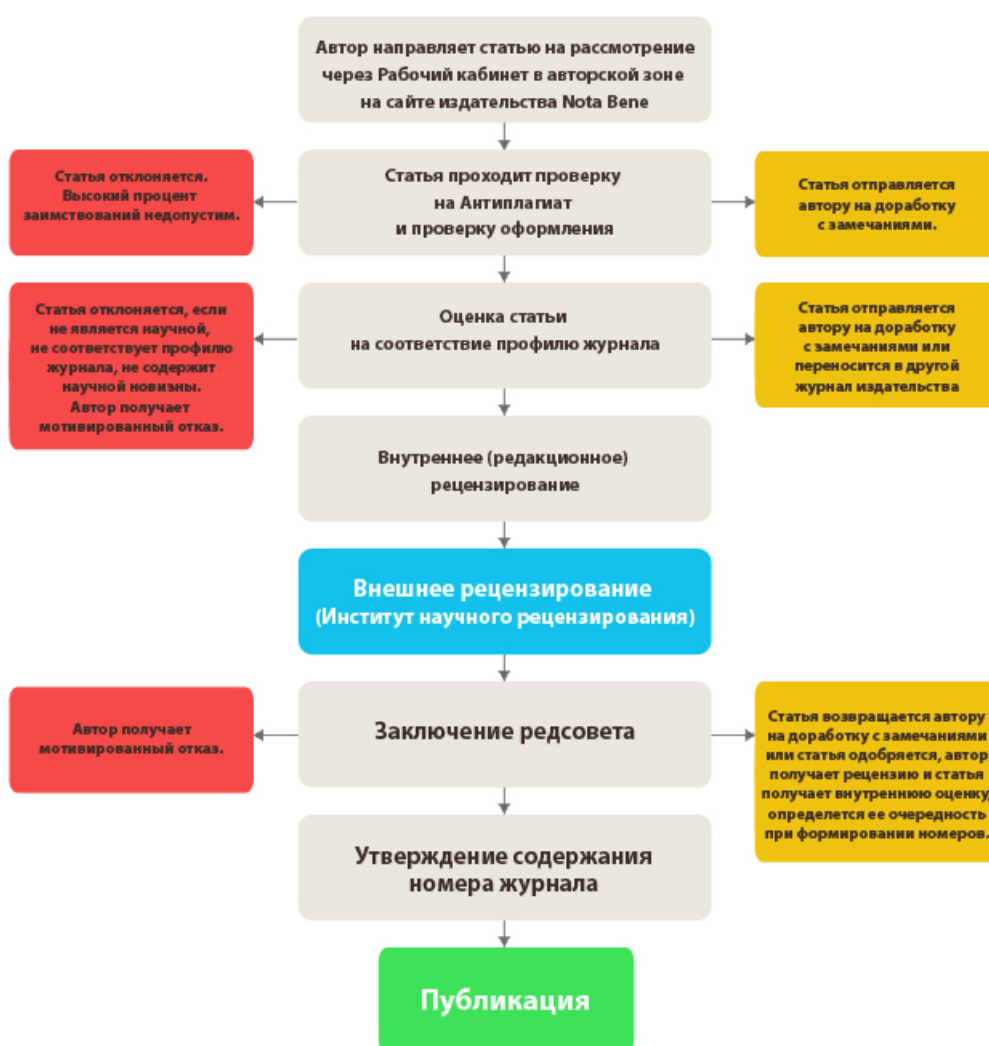
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Лю И. Интенциональный анализ социальных актов в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха	1
Саяпин С.П. О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае	19
Иликаев А.С. Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе	30
Гюзалтан О. Влияние нормализации турецко-египетских отношений на политическую, экономическую и геополитическую сферы	65
Ахмадова М.А., Щунина Т.Е. Расширение направлений экспериментальных правовых режимов (на примере федеральной территории «Сириус»)	78
Пахомов В.Н. Блокчейн как технологическое средство обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности	90
Алтынникова Л.И. К вопросу об особенностях и классификации судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию	100
Багандова Л.З. Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история	112
Англоязычные метаданные	126

Contents

Liu Y. Intentional Analysis of Social Acts in Adolf Reinach's "The Apriori Foundations of the Civil Law"	1
Sayapin S.P. About the legal regulation of generative artificial intelligence in China	19
Ilikaev A. Realpolitik, noopolitik and cryptopolitik: on the issue of the Peculiarities of the Russian Foreign Policy Course at the present stage	30
Guzaltan O. The Impact of the Normalization of Turkish-Egyptian Relations on the Political, Economic and Geopolitical Spheres	65
Akhmadova M.A., Schunina T.E. Expansion of the directions of experimental legal regimes (on the example of the federal territory "Sirius")	78
Pakhomov V.N. Blockchain as a technological means of ensuring copyright protection of the results of intellectual activity	90
Altynnikova L.I. On the issue of the specifics and classification of court decisions in criminal cases subject to appeal	100
Bagandova L.Z. The development of the prohibition of warfare in the religious movements of the Middle Ages	112
Metadata in english	126

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Лю И. Интенциональный анализ социальных актов в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха // Право и политика. 2025. № 3. С.1-18. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73514 EDN: CJKXBH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73514

Интенциональный анализ социальных актов в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха

Лю И

ORCID: 0009-0009-1431-0775

аспирант, кафедра теории и истории государства и права; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Университетская, 7-9

✉ liuyi_1996@outlook.com

[Статья из рубрики "Рецензии монографий"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73514

EDN:

CJKXBH

Дата направления статьи в редакцию:

25-02-2025

Дата публикации:

04-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является интенциональный анализ социального акта в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха (1913) в контексте феноменологии Эдмунда Гуссерля периода «Логических исследований». Исследуется структура социальных актов как интенциональных переживаний, включая их имманентные компоненты и связь между ними через призму интенционального анализа. Критически анализируется «лингвистическая» интерпретация априорного учения о праве Райнаха, в частности, спорное сведение социальных актов к речевым актам (Дж. Остин, Дж. Сёрл). Особое внимание уделяется отсутствию в «Априорных основаниях гражданского права» методологического раздела, что обуславливает необходимость восстановить процесс феноменологического анализа социальных актов в исследуемой

работе правоведа. Цель статьи заключается в проблемно-теоретической реконструкции (Д. И. Луковская) методологии феноменологии права Райнаха. В рамках данного исследования проводится сравнительный анализ «Логических исследований» Э. Гуссерля и работ А. Райнаха, связанных с социальными актами – «Априорных оснований гражданского права», «Сущности и систематики суждений» (1908), «Несоциальных и социальных актов» (1911). Показана методология интенционального анализа социальных актов в реальном (reell) усмотрении. Новизна исследования заключается в применении интенционального анализа социальных актов на примере «Априорных оснований гражданского права» в реальном (reell) усмотрении. Реконструируется процесс анализа социальных актов с помощью «Логических исследований» Гуссерля, в частности, V Исследования «Об интенциональных переживаниях и их "содержаниях"». Автор статьи пришла к выводам: 1) любой социальный акт является интенциональным переживанием, входящим в состав переживания событийного единства «действительный социальный акт» как сложного (составного) интенционального переживания; 2) внутреннее переживание социального акта является (частичным) интенциональным переживанием, предметный коррелят которого тождествен интенциональному предмету социального акта. Выявлено, что проект априорного учения о праве А. Райнаха изучает правовые переживания и их связи в соответствии с гуссерлевской феноменологией, представленной в «Логических исследованиях», несмотря на то, что феноменология Райнаха имеет реалистический признак.

Ключевые слова:

феноменология права, социальный акт, феноменологическая установка, интенциональный анализ, интенциональность, социальный момент, действительность, действительность, Райнах, Гуссерль

Введение

В «Априорных основаниях гражданского права» (1913)^[18, 27] (далее – «АОГП») Адольфа Райнаха представлен первый в истории правовой мысли проект феноменологии права. Несмотря на то, что учением о социальных актах не исчерпывается райнаховская идея априорного учения о праве, им посвящена почти вся упомянутая работа философа. Понятие социального акта, с одной стороны, разработано правоведом под влиянием феноменологии Э. Гуссерля, с другой – является «мостом» между феноменологической методологией и теорией (гражданского) права постольку, поскольку оно выявляет элементарные единицы правового общения: сообщение, просьба, распоряжение, вопрошание, обещание и т. п. Для реконструкции^[9] райнаховского учения о социальных актах недостаточно определить используемые учёным понятия феноменологической философии, такие как «акт», «интенциональность», «предметное отношение», «переживание» и т. п.^[10, с. 470]. Важно также показать сам процесс феноменологического анализа социальных актов. В рамках данной статьи мы, принимая во внимание участие А. Райнаха в переиздании «Логических исследований» Э. Гуссерля (далее – «ЛИ») 1911–1913 гг.^[31, s. 621], ориентируемся на русский перевод первой части второго тома «Логических исследований» Э. Гуссерля в их втором издании^[4, с. 565].

Вопрос об отношении так называемого внутреннего переживания к социальному акту представляет собой одно из существенных положений «АОГП», в которых проявляется суть феноменологического анализа, как он был продемонстрирован в «ЛИ». Райнах

коротко, но эксплицитно описывает эту взаимосвязь с помощью ряда своеобразных (видов) социальных актов [\[18, с. 179\]](#). Разумеется, взаимосвязь внутреннего переживания и социального акта касается ключевых моментов понимания «акта» и метода интенционального (сущностного) усмотрения в феноменологическом философствовании Райнаха, что делает необходимым принять во внимание также работы учёного по феноменологической философии до 1913 года [\[5, 33\]](#), в частности «Сущность и систематика суждений» (1908) [\[29\]](#) и «Несоциальные и социальные акты» (1911) [\[28\]](#).

1. Проблема интерпретации методологии априорного учения о праве: два подхода

В исследовательской литературе, посвящённой априорному учению о праве А. Райнаха, выделяются два основных подхода к интерпретации «Априорных оснований гражданского права»: лингвистический и «гуссерлевский» подходы. Последний считает эту книгу одним из примеров реализации гуссерлевской феноменологии [\[16, 19\]](#), в то время как первый – уделяет особое внимание связи между учением о социальных актах и теорией речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрл) [\[21, 30\]](#). Проблема лингвистического подхода заключается, по нашему мнению, в непоследовательности (*circulus vitiosus*): последующий отказ сторонников реалистической феноменологии от феноменологической редукции (эпохе) не доказывает отказ Райнаха от феноменологической установки и интенционального анализа, как они были описаны в «ЛИ» Гуссерля. Если «гуссерлевская» интерпретация видит в «АОГП» прежде всего применение идей ранней феноменологии, то с точки зрения лингвистического подхода феноменология Э. Гуссерля, вплоть до его трансцендентального поворота, рассматривается не столько как метод, лежащий в основе априорного учения о праве А. Райнаха, сколько как исторический контекст его творчества, свидетельствующий об институциональной принадлежности А. Райнаха к феноменологическому движению. В центре внимания лингвистической трактовки, помимо связей между «АОГП» и работами по теории речевых актов (в частности, книгой Дж. Остина «How to do things with words» («Как совершать действия при помощи слов»)), находятся онтологическая позиция А. Райнаха, в том числе райнаховское понятие «положение дел» («*Sachverhalt*»), и учение о материальных априори (т. е. «необходимом бытии») [\[23, 26\]](#). А. В. Кольцов справедливо сделал вывод, что в отличие от скептицизма Э. Гуссерля в «Логических исследованиях» А. Райнаха «очевидно более "реалистичен" в своих формулировках» [\[5, с. 54\]](#). Стоит также обратить внимание на то, что, согласно Н. В. Мотрошиловой, «до сих пор не удалось удовлетворительно подобрать русский эквивалент» для слова «*Sachverhalt*» [\[14, с. 442\]](#).

Вместе с тем Э. Гуссерль считал райнаховский проект «попыткой реализации давно отвергаемой идеи априорного учения о праве на основе *чистой* феноменологии (курсив мой. – И Л.)» [\[25, с. 302\]](#). Как было справедливо отмечено В. И. Молчановым, с терминологической точки зрения первая книга «Идей к чистой феноменологии» (далее – «Идеи I») отличается от «ЛИ» радикальным образом: в «Логических исследованиях» кроме понятий «идеация» и «интенциональность» нет других специфически феноменологических понятий, введённых Гуссерлем, а в «Идеях I» основными понятиями становятся «эпохе», «феноменологическая редукция», «естественная установка», «ноэсис» и «ноэма» [\[12, с. 24-25\]](#). Тем не менее, отсутствие соответствующих понятий в «АОГП» не свидетельствует об отказе Райнаха от трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля, притом что во втором томе «ЛИ» даётся описание метода феноменологической редукции в части двух её этапов – эмпирической редукции и собственно феноменологической редукции [\[13, с. 64\]](#). Н. Кадена пришла к выводу, что

райнаховский проект априорного учения о праве есть один из самых наглядных примеров реализации метода Э. Гуссерля, как он представлен в «Идеях I»^[22]. В отличие от Ж. Дюбуа, не усматривающего отличий методологии Райнаха от методологии классической философии^[23, с. 149–151], Кадена обнаруживает методологическую связь «Априорных оснований гражданского права» с «Идеями I», причём Кадена в этой статье задала именно вопрос о том, как применить феноменологический метод (сущностную дескрипцию) к правовым предметностям, в том числе социальным актам^[22, p. 96]. Кроме того, историко-философские исследования показывают, что А. Райнах, вероятно, был мало знаком с работами сторонников теории речевых актов^[6, 31].

Интересующий нас вопрос заключается в том, каковы те методологические основания, которые позволяют отнести проект априорного учения о праве А. Райнаха к феноменологической философии права? С одной стороны, разумеется, априорное учение о праве шире учения о социальных актах, с другой – райнаховская концепция социального акта основана на тех же принципах феноменологической философии. Иными словами, каковы были основания у Гуссерля увидеть в априорном учении о праве А. Райнаха реализацию идей *чистой* феноменологии^[25, s. 302–303] применительно к исследованию права?

Трудно не согласиться с тем, что «хотя феноменология как отдельная область философии и не сводится к методу, определение феноменологической философии исходя из феноменологического метода, – пишет А. В. Ямпольская, – является достаточно общепринятым»^[20, с. 27–28]. Несмотря на то, что с точки зрения Хайдеггера, М. Мерло-Понти и ряда представителей реалистической феноменологии, «Идеи I» воспринимаются как отход от принципов, провозглашённых в «ЛИ», «чистая, трансцендентальная феноменология, проект которой изложен в “Идеях I”, является, – подчёркивает А. В. Михайлов, – не иным типом феноменологии, а лишь иным уровнем рассмотрения, последовательно вытекающим из принципов феноменологического метода, заложенных в “Логических исследованиях” (в частности, последовательным проведением метода интенционального анализа)»^[8, с. 9–10]. С учётом того, что райнаховский проект феноменологии права может быть рассмотрен как промежуточная версия между гуссерлевской и реалистической феноменологией^[15], мы, не вмешиваясь в «борьбу» двух феноменологий^[5, с. 190–191] и отстраняясь от обсуждения проблемы «еретиков от феноменологии»^[17], поставим задачу проанализировать понятие интенционального усмотрения в «АОГП», приняв во внимание понятийный аппарат феноменологического анализа в «ЛИ», в частности, в V Исследовании «Интенциональные переживания и их содержания» (далее – V Исследование).

2. Событие vs. переживания: переход к реальному (reell) усмотрению

Согласно Гуссерлю, феноменологический анализ требует перехода от эмпирической установки (эмпирической психологии) к феноменологической, или, по терминологии ЛИ, к реальному (reell) усмотрению. В литературе термин «reell» также переводится на «реальное» («реальное содержание» и т. п.)^[2], но в данной статье мы руководствуемся переводом В. И. Молчанова: напр., реальное (reell) содержание, реально-феноменологическое (reell-phänomenologische) единство переживаний, реальное (reell) феноменологическое рассмотрение и т. п. Гуссерль в V Исследовании употребляет слово «reell» с целью разграничить переживание содержания сознания и мимолётный акт сознания как реально (real) происходящее событие^[4, с. 318–319]. Соотношение понятий

reell и real поясняет М. А. Белоусов: «Reell является неологизмом, характеризующим составные части потока сознания в их отличии от вещественных свойств и частей (которые могут быть названы "реальными" – real). Reell означает "переживаемый", "реальное содержание" является содержанием сознания в собственном смысле слова, т.е. составной частью потока сознания как целого»^[2, с. 63]. То, что дано (в созерцании) посредством субъективного акта переживания (например, акта зрительного восприятия коробки), есть, с одной стороны, пережитое содержание этого субъективного акта, а с другой – явление подразумеваемого (полагаемого) актом объекта^[4, с. 351-352]. Само собой разумеется, пережитое содержание (т. е. переживание вещи^[4, с. 322]) не есть то, что полагается актом переживания: «Для реального (reell) феноменологического рассмотрения сама предметность – это ничто; она ведь, вообще говоря, трансцендентна акту. Безразлично, в каком смысле и в какой мере оправданно идёт речь о её "бытии", безразлично, реальна ли она или идеальна, истинна ли она, возможна или невозможна, акт "направлен на неё"»^[4, с. 376]. Соответственно, согласно «ЛИ» феноменологический переход заключается в том, чтобы удерживать это фундаментальное различие – между субъективным актом переживания (как событием, процессом) и переживанием (явлением) предмета, который представлен в акте. Н. В. Мотрошилова совершенно справедливо полагает, что этот переход «становится неожиданно простым»^[13, с. 60].

Важно понять ход интенционального анализа в райнаховском проекте феноменологии права, так как именно в применении феноменологического метода заключается интересующий нас момент. Попытаемся восстановить ход феноменологического анализа правоведа так, как это возможно исходя из содержания «АОГП» и «ЛИ».

Начнём с тезиса об эквивалентности между утверждением о действенности социального акта и экзистенциальным суждением о единстве правового образования. С одной стороны, в качестве «конечной точки» интенционального анализа выступает единично-индивидуальное образование, которое имеет признак темпоральности. С другой стороны, «отправной точкой» феноменологического усмотрения социального акта, *не является* соответствующий какому-либо темпоральному образованию социальный акт в том понимании, как он определяется Райнахом: «Спонтанные и нуждающиеся в том, чтобы им вняли, акты мы назовём социальными актами»^[18, с. 176]. По нашему мнению, «эквивалентом» существования (Existenz) единичного правового образования является действенность (Wirksamkeit) соответствующего социального акта. Действенным считается тот социальный акт, которому внял его адресант. Разумеется, действенность какого-либо социального акта понимается в смысле атрибуции, которая *a priori* допускает предикации^[4, с. 428] в форме «(этот) социальный акт *действует*». Более того, действенность единично-индивидуального социального акта «ссылается» на соответствующее событийное единство того, что один социальный акт был выражен адресатом во вне к другому (адресанту), и того, что адресант акта не просто воспринял (т. е. «нейтрально принял к сведению»^[4, с. 441-443]) этот акт, а внял ему. Это единство, таким образом, охватывает не только сам по себе социальный акт, но и иные относящиеся к этому событию компоненты, в том числе адресата и адресанта, а также физический феномен проявления во вне этого акта. Действенность одного социального акта немыслима без адресата и адресанта акта подобно тому так, как владение правом – без носителя права. Таким образом, единство действенного социального акта в психологически-реальном (real) усмотрении есть эмпирически наблюдаемое, мимолётное межличностное событие, факт.

Переходя к реальному (reell) усмотрению, от единства «действенный социальный акт»

как мимолётного события мы отличаем его реально-феноменологическое (reell-phänomenologische) содержание [\[4, с. 44–45\]](#), т. е. переживание действенного социального акта. Коррелятом действенного (единичного) социального акта в мире правовых образований выступает соответствующее правовое образование: действенный (единичный) акт просьбы коррелирует с соответствующей просьбой. Иными словами, интенция действенного социального акта «направлена» на соответствующее изменение в мире правовых образований, которое предопределено содержанием этого события. Соответственно, модификация любой части этого единства (например, замена адресанта акта) влечёт соответствующее изменение коррелятивного (темпорального) правового образования, т. е., говоря словами практикующих юристов, влечёт иное правовое последствие. С учётом вышесказанного, это совокупное переживание характеризуется тем, что в нём помимо собственного социального акта также имеют место его адресат и адресант, а также своеобразные связи между этими компонентами. Действенный социальный акт подобен составной машине, «которая сама состоит из машин, и притом это соединение такого рода, что работа совокупной машины есть именно совокупная работа, в которую вливается работа частей машины» [\[4, с. 368\]](#). При этом следует различать переживания действенного социального акта (как событийного единства) и *собственного* социального акта (как *части* этого события) именно по той причине, что их интенциональные корреляты не совпадают. Разумеется, по отношению к адресату и адресанту акта также применим интенциональный анализ. Более того, вполне возможно, что допускаются иные имманентные компоненты в зависимости от дескриптивного своеобразия (сущности) того или иного *вида* социального акта.

Таким образом, в реальном (reell) усмотрении событийное единство «действенный социальный акт» есть совокупное переживание, а его компоненты – собственный социальный акт, адресат акта, адресант акта – суть частичные переживания «действенный социальный акт» как целого. Тем самым мы не можем согласиться с А. В. Кольцовым в том, что «социальный акт не может быть в полном смысле отнесён к классу переживаний, поскольку... переживание является лишь составной частью такого рода интенционального акта» [\[5, с. 40–41\]](#). Мы говорим, соответственно, уже не о реальных субъектах права и событии между ними, а в строгом смысле об их переживаниях. Взаимосвязи между этими переживаниями-частями суть *связи переживаний*, которые сущностным образом отличаются от *связей вещей (Sachen)*, к которым «интенционально относятся переживания мышления» [\[3, с. 199\]](#), и *связей истин* (т. е. логических связей), в которых «вещное единство достигает объективной значимости в качестве того, что оно есть» [\[3, с. 199\]](#). В. И. Молчанов точно указал, что это фундаментальное различие, которое «конституирует саму феноменологию»: «Несводимость этих трех видов связей образует не только исходную проблемную ситуацию, но и каркас феноменологии в целом» [\[11, с. 6\]](#). Разумеется, в априорном учении о праве допускается ситуация, когда действенность социального акта охватывает не один, а несколько социальных актов. Райнах пишет и о более сложных переживаниях (составах) социального акта, в том числе о модификации одной из (самостоятельных) частей этого переживания с помощью другого социального акта («представительствующий (vertretenden) социальный акт» [\[18, с. 183\]](#)).

Стоит также отметить, что Райнах таким образом обратил особое внимание на правовую проблему действенности – тем самым он показывает применимость феноменологии не только для теории права, но и для исследования правовых практик. По мнению Теодора Эльзенханса, феноменологический метод, как он применён в «АОГП», не может исключать эмпирические элементы [\[24, 32\]](#).

3. Интенциональный предмет социального акта

Итак, мы приступаем к анализу *собственного* социального акта. Анализ социальных актов требует обратить внимание на самый акт, а не на другие части в составе событийного единства «действительный социальный акт» – адресата и адресанта. Под собственным социальным актом понимается то, чему внял его адресант, и то, посредством которого событийное единство «действительный социальный акт» может быть обнаруженным внешним (эмпирическим) путём; например, письменное соглашение между лицами.

Далее, переход к реальному (reell) усмотрению требует различения реально-феноменологического содержания самого социального акта и его проявления вовне. Это различие имеет место в «АОГП», причём оно восходит к «ЛИ». При феноменологическом «вычленении» феноменального единства в райнаховском проекте обнаруживается нечто новое: в то время как Гуссерль сформулировал задачу чистой логики в начале «ЛИ» – «извлечь значение из психологической и грамматической оболочки»[\[10, с. 522\]](#), Райнах понимал внешнюю сторону (т. е. «тело», «плоскость») социального акта шире, чем текстуально-грамматическую оболочку: «Социальные акты... имеют внешнюю и внутреннюю сторону, подобно тому как есть душа и тело. Тело социальных актов может варьироваться в широких пределах, хотя душа их остаётся одной и той же. Распоряжение может проявляться в мимике, в жестах, в словах»[\[18, с. 176-177\]](#). Таким образом, Райнах выделяет внешнюю сторону собственного социального акта таким же образом, как и Гуссерль – физическое явление выражения (как физический феномен) из феноменологического единства выражения, оживлённого смыслом.

Как выражение, так и самый социальный акт в этом смысле следует рассматривать как сплавленное единство[\[18, с. 176-177\]](#). Считая внешнее проявление социального акта последствием невозможности непосредственного доступа к чужим переживаниям[\[5, с. 41\]](#), Райнах подчёркивает, что существенным для любого социального акта является потребность в том, чтобы ему вняли[\[18, с. 177-178\]](#). Если один человек обратился к другому и выразил своё мнение о сегодняшней погоде на языке, которым не владеет последний, то в данном случае речь идёт о выражении, а не о сообщении как социальном акте (например, предупреждение компетентного органа о неблагоприятных погодных условиях). То, что остаётся после «очищения» внешнего проявления социального акта как феноменального единства, есть реально-феноменологическое содержание самого социального акта или, иными словами, *переживание* социального акта. Разумеется, здесь нет необходимости говорить о переходе к феноменологической установке, так как этот переход является фундаментом нашего анализа. Соответственно, далее мы понимаем переживание в гуссерлевском смысле[\[2, с. 61-72\]](#).

Любой социальный акт, согласно Райнаху, интенционален[\[18, 28, 31\]](#). Точнее, социальные акты (как переживания) относятся к особому классу интенциональных переживаний – *спонтанным* переживаниям: «Спонтанные акты суть переживания, которые принадлежат не только Я, но в которых Я обнаруживается в качестве деятельного»[\[18, 5, 30\]](#). Что касается *интенциональности*, то это понятие понимается с помощью так называемого предметного отношения, в котором коррелятом переживания выступает предмет в самом широком смысле[\[4, с. 41\]](#): интенциональный предмет – то, на что «направлено» это переживание[\[4, 12, 13\]](#). Например, в качестве интенционального предмета акта сообщения может быть, например, положение дел о неблагоприятных погодных условиях

(то, о чём сообщают); интенциональным предметом акта передачи могут быть движимое имущество, недвижимость, имущественные права и т. п. Один социальный акт (определённого вида) может быть интенциональным предметом другого социального акта и, таким образом, образуется «цепочка» социальных актов, например: Антон обещал Роману, что он обратится с просьбой к компетентному органу, чтобы этот орган сообщил предприятию, принадлежащему Роману, о неблагоприятных погодных условиях (для подтверждения наличия форс-мажора). Для переживания его предметный коррелят – это трансцендентный предмет (например, положения дел о неблагоприятных погодных условиях, дом, бог Юпитер [\[4, с. 343\]](#) и т. д.). При этом, очевидно, на одну и ту же предметность могут направлены интенционально разные социальные акты (как переживания). Райнах приводит пример того, что одно и то же мыслимое содержание (например, совершение одним лицом по отношению к другому определённого действия: оказание услуг, предоставление медицинской помощи и т. п.) могут иметь как сообщение, так и просьба, как распоряжение, так и обещание [\[18, с. 164\]](#). Не трудно отличать от видовых своеобразий таких социальных актов ту же самую направленность предметного указания к одному и тому же положению дел (Sachverhalt); мы скажем: для таких актов значим тот же самый интенциональный предмет. Говоря словами Гуссерля, мы можем «в одном луче мысли (Meinungsstrahl), в один приём (in einem Griff) схватывать» нечто, чтобы оно (как нечто трансцендентное по отношению к акту переживания) становилось *интенциональной предметностью* нашего переживания [\[4, с. 418\]](#); соответственно, с точки зрения грамматики содержание сообщения (просьбы, распоряжения, обещания и т. п.) может быть представлено с помощью придаточного предложения [\[7, с. 443-444\]](#), например, в обороте «то, что...» («то, что Антон выполнит ремонтную работу Роману», «то, что Антон окажет медицинскую помощь Роману»).

Нас интересует, однако, не многообразие интенциональных предметов социальных актов, а предметное отношение социальных актов или, иными словами, интенция *самого* переживания социального акта (синонимическое выражение для «социального акта как переживания»). Как уже отмечено выше, предмет, который подразумевается (полагается) в акте, трансцендентен по отношению к акту и, тем самым, есть *ничто* для реального (reell) усмотрения переживания [\[4, с. 376\]](#). Н. В. Мотрошилова подчеркнула, что согласно «ЛИ» характер самой предметности для интенционального переживания (интенционального отношения) безразличен: «В теории интенциональности характеризуется только момент “отнесенности” сознания к предмету – и ничего больше» [\[13, с. 67-68\]](#). Поэтому следует обратить внимание также на то, что известный гуссерлевский лозунг «Назад, к самим вещам!» должен быть интерпретирован с учётом его теории интенциональности. «Сами вещи» – это то, что дано в созерцании с очевидностью, – пишет М. А. Белоусов, – а не что-либо реальное в обычном смысле слова» [\[1, с. 68\]](#). Один и тот же дом может быть интенциональным предметом, допустим, гражданских сделок разных категорий, причём не то, каков этот дом (год построения, стоимость, местоположение и т. д.), определяет квалификацию одного документа как договор купли-продажи либо договор дарения. То, что этот дом выступает интенциональным предметом той или иной гражданской сделки, предопределяется содержанием сделки, т. е., имманентной частью соответствующего переживания таких социальных актов в реальном (reell) усмотрении.

Мы установили, что для разных по виду социальных актов может быть значимым один (тот же самый) общий момент, полагающий один (тот же самый) интенциональный предмет актов: в таком случае усматривается у социальных актов тождественная часть

их (реально-феноменологического) содержания, определяющая интенциональный предмет акта. Теперь мы обратим внимание на то, что разграничивает социальные акты с тождественной интенциональной предметностью по виду (*Spezies*).

В «ЛИ» с целью более строгого учения о целом и части проводится разграничение терминов «фрагмент» («*Stück*») в смысле самостоятельной части и «момент» («*Moment*») в смысле несамостоятельной части; Гуссерль подчёркивает, что самостоятельность либо несамостоятельность понимается относительно некоторого целого, поэтому одно единство может быть самостоятельной фрагментом одного целого и несамостоятельным моментом другого целого [4, с. 235]. Соответственно, это полагание, делающее конкретное трансцендентное нечто интенциональной предметностью того или иного социального акта, есть несамостоятельный момент переживания акта; согласно терминологии V Исследования это – *материя*, благодаря которой переживание «схватывает» соответствующую (трансцендентную) предметность [4, с. 378–379]. Далее, социальные акты как переживания разного вида (например, один есть акт просьбы, а другой – акт распоряжения), «имеющие» ту же самую материю и тот же самый интенциональный предмет (например, «то, что Антон окажет медицинскую помощь Роману»), различаются по *качеству* [4, с. 375]. Следовательно, вариация материи социального акта есть вариация того, к какому предмету относится акт, а вариация качества – вариация модуса, в котором этот предмет интенционален [4, с. 376–377]. Проявления разных по виду социальных актов с тождественной материей могут грамматически не отличаться друг от друга (например, в случае просьбы и распоряжения с содержанием «Антон окажет медицинскую помощь Роману»), но в одном случае имеет место просящая интенция, а в другом – распоряжающаяся интенция. Разумеется, мы изначально разграничиваем интенцию в обычном смысле как направленность внимания и интенцию в феноменологическом смысле [4, с. 343].

Для обозначения качества переживания того или иного вида Райнах употребляет слово «момент» («*Moment*»), например, «момент утверждения» (*Behauptungsmoment*) [29, s. 341–342]. Следовательно, мы можем называть общее качество социальных актов (как особого класса переживаний, к которому относятся акт сообщения, акт просьбы и т. п.) *социальным моментом*. Итак, потребность социального акта в том, чтобы ему вняли, усматривается Райнахом как отличительная черта социальных актов от иных спонтанных (*spontane*) переживаний, требующих Другого (*fremdpersonale*) [18, 28, 30]; эта черта называется социальным моментом (*soziales Moment*). Как сказано в начале статьи, этот общий момент социальных актов имеет отношение к действенности социального акта.

С точки зрения терминологии необходимо сделать одну ремарку: мы наблюдаем определённые особенности в работах А. Райнаха по сравнению с терминологическим аппаратом Э. Гуссерля в «ЛИ». Кроме того, что в «АОГП» не используются термины «материя» и «качество», в то время как термин «акт» («*Akt*») в работах Райнаха используется преимущественным образом для обозначения (субъективного) деяния (*Tun*) [28, s. 356], Гуссерль в «ЛИ» употребляет слово «акт» как сокращение «интенционального переживания», то есть акт сознания в реальном (*reell*) усмотрении [4, с. 348]. Соответственно, согласно Гуссерлю, в (дескриптивном) содержании любого интенционального переживания различаются два предполагающих друг друга (абстрактных) момента – материя (*Aktmaterie*) и качество (*Aktqualität*). А. В. Кольцов справедливо указывает на то, что устанавливается терминологический параллелизм «материи» – «содержания» исходя из «Введения в философию» Райнаха [5, с. 49–50];

разумеется, такой параллелизм также прослеживается в «АОГП», так как он имеет немаловажное значение для понимания структуры социального акта.

Очевидно, социальный момент (*soziales Moment*) не есть то, что определяет принадлежность социальных актов к тому или иному виду. Речь идёт о той несамостоятельной части социального акта, которая тождественна в социальных актах того же вида; например, для всех актов просьбы присущ тождественный момент просьбы (просящий момент) [\[29, s. 341\]](#). Различение социальных актов одного вида от другого есть, таким образом, различение по *качеству*.

Исследование *материи* социального акта касается как раз предметного отношения социального акта – интенциональное отношение социального акта как переживания и его предметного коррелята. Само собой разумеется, «простое» предметное схватывание не исчерпывает сущность любого социального акта; обращаясь к феноменологической терминологии, мы полагаем, что интенция любого вида социального акта не является объективирующей постольку, поскольку помимо того, как социальный акт имеет функцию делать представимой некоторую предметность, обнаруживается ещё сплетённая с этой функцией особенность соответствующего вида. Например, акт просьбы (например, просьба от Ивана к Антону) не только делает нечто представимым (например, «Антон окажет медицинскую помощь Роману»), но делает его именно в качестве того, о чём просит адресат акта; адресант не только посредством акта просьбы имеет это определённое нечто в виду, но и понимает, что об этом просил адресат; в данном случае имеют место один социальный акт и один (соответствующий) интенциональный предмет, а не два акта – один акт «простого представления/указания о чём-то» и один акт «признания его как таковым». Речь идёт о том, что социальный акт (как переживание) может быть *многослойно* интенциональным. «Это многослойное строение (*Mehrfältigkeit*) интенционального отношения осуществляется... не в соединении рядом стоящих или следующих друг за другом актов – тогда предмет с каждым актом заново присутствовал бы интенционально, т. е. как повторенный, но строго в одном акте, в котором предмет является один-единственный раз, однако в этой единственности его присутствия достигается цель комплексной интенции» [\[4, с. 390-391\]](#).

Райнах пишет: «...Все социальные акты предполагают... внутренние переживания. Каждый социальный акт сообразно сущностному закону имеет своё основание во внутреннем переживании определённого вида, интенциональное содержание которого тождественно интенциональному содержанию социального акта или же связано с ним определённым образом» [\[18, с. 179\]](#). С учётом того, что – согласно Гуссерлю – качество акта (т. е. качество интенционального переживания) фундировано в материи акта [\[4, с. 378-379\]](#), мы полагаем, что философы имели в виду то же самое отношение фундирования. Теперь мы рассмотрим это более подробно.

4. «Внутреннее переживание» социального акта

К. Шуманн определяет внутреннее переживание социального акта как психическое переживание адресата акта: «Социальные акты имеют своим основанием психические состояния или действия, которые имманентны потенциальному исполнителю социального акта. Так, сообщение предполагает убеждённость в том, что было сообщено, задавание вопросов – неуверенность, командование – желание, чтобы что-то было сделано, и т. д.» [\[30, с. 160\]](#). К. Маллиган подобным образом утверждает, что внутреннее переживание социального акта есть его психическая предпосылка [\[26, p. 38\]](#). Данные интерпретации неоспорны. Сомнение вызвано тем, что, во-первых, в «АОГП» не употребляется термин

«внутренне-психическое» («innerpsychisch») для характеристики внутреннего переживания социального акта [\[28, s. 357\]](#) так, как это последовательно сделано К. Шуманном при интерпретации этой книги [\[30, s. 156-157\]](#); во-вторых, отношение фундирования между (одним) социальным актом и его внутренним переживанием стало бы, согласно подходу Шуманна, отношением между социальным актом и другим самостоятельным феноменальным единством – психическим переживанием (т. е. актом переживания в обычном смысле). Райнах же чётко определил, что, например, убеждение не есть акт (деяние) [\[28, s. 355\]](#); разумеется, исходя из последовательности и строгости терминологии философа, убеждение как внутреннее переживание, фундирующее сообщение (как социального акта) [\[27, s. 162\]](#), нельзя отождествлять с психическим актом убеждения без отдельного обоснования. Отвлекаясь от проблемы оппозиции реалистической и трансцендентальной феноменологии – в особенности, от тезиса отказа от гуссерлевской редукции (эпохе) среди «мюнхенцев» – мы пытаемся раскрыть суть этого фундирования и тем самым структуру *самого* социального акта с помощью «ЛИ».

Выше мы установили, что социальный акт (как переживание) есть составная часть переживания событийного единства действенного социального акта (наряду с адресатом и адресантом акта). Это то, что направляется адресанту, то, чему внял адресант акта, в реальном (reell) усмотрении; оно интенционально, т. е., «направлено» на нечто в качестве предметного коррелята. Важно отличать от социального акта (как переживания) то содержание, посредством которого акт осуществляется. Это отличие становится ясным тогда, когда Райнах констатирует, что модификация социального акта не есть модификация содержания [\[18, c. 181\]](#). Мы не будем здесь подробно обсуждать модификации социальных актов и их содержаний; достаточно отметить, что реальное (reell) содержание социального акта и его содержание в обычном смысле не суть одно и то же.

Далее, согласно Райнаху, убеждение в содержании сообщения фундирует сообщение как социальный акт; например, убеждение в содержании сообщения «имеются неблагоприятные погодные условия» служит основанием акта сообщения. В случае отсутствия этого убеждения сообщение осуществляется, но «это лишь мнимое осуществление» [\[18, c. 179-180\]](#). Правовед специально подчеркнул: «Социальный акт, который каким-то образом осуществляется среди людей, напротив, *не разделяется* на самостоятельное осуществление акта и случайную констатацию, но образует внутреннее единство из произвольного осуществления и произвольного выражения (курсив мой. – И Л.)» [\[18, c. 177\]](#). Иными словами, убеждение в содержании сообщения, например, относится к «осуществлению» социального акта как внутренняя часть (несамостоятельный момент) последнего, которую нельзя рассматривать как отдельный (целостный) акт. По нашему мнению, с помощью прилагательного «внутренний» правовед имеет в виду, что убеждение в содержании сообщения является не психическим переживанием адресата социального акта, а внутренним (имманентным) компонентом переживания собственного акта сообщения и, тем самым, относительно опосредованной [\[4, c. 244-245\]](#) частью событийного единства «действенный социальный акт».

Исходя из определения Райнаха, тем не менее, между «осуществляющим» содержанием и социальным актом имеется общий момент – общий интенциональный предмет (например, то же самое положение дел о наличии неблагоприятных погодных условий). Таким образом, внутреннее переживание, во-первых, интенционально [\[29, s. 341-342\]](#), во-

вторых, является несамостоятельной частью соответствующего социального акта. Следовательно, мы опять-таки различаем «внутри» внутреннего переживания – например, убеждения в содержании сообщения – соответствующие качество и материю – убеждающий момент (Behauptungsmoment) и полагающее предметность схватывание.

Далее, для раскрытия сути взаимосвязи между убеждением в содержании сообщения (как внутренним переживанием) и соответствующим социальным актом сообщения (как частичным переживанием совокупного переживания «действенный социальный акт») необходимо обратить внимание на понятие фундирования в понимании Гуссерля в «ЛИ»: «Содержание вида α фундировано в содержании вида β , если α по своей сути (т. е. согласно определённой закономерности, на основе своего видового своеобразия) не может существовать без одновременного существования и β ; при этом остаётся открытым вопрос, требуется ли для этого сосуществование некоторых γ , δ и т. д. или нет» [4, с. 250]. Соответственно, фундирование внутреннего переживания социального акта нельзя трактовать как каузальную связь двух мимолётных субъективных актов, двух эмпирических фактов; оно не есть связь между психическими переживаниями. По нашему мнению, фундированность социального акта его внутренним переживанием по Райнаху есть не что иное, как фундированность качества акта его материей в «ЛИ» [4, с. 378-379]. Иными словами, в данном случае мы находим итерацию [4, с. 441-443] материи внутри социального акта как переживания, причём интенциональный предмет остаётся одним и тем же, с одной стороны; с другой стороны, при тождественности предметного схватывания качество внутреннего переживания (например, убеждающий момент внутреннего переживания акта сообщения) «превращается» в качество соответствующего социального акта (например, сообщающий момент акта сообщения) путём «умножения» на общее качество социальных актов – социальный момент (soziales Moment). То есть в случае акта сообщения имеет место «социальная модификация» убеждающего момента, акта вопрошания – момента неопределённости (die Ungewißheit), акта просьбы – желаящего момента (der Wunsch), акта распоряжения – волевого момента (der Will), и т. п. Тем самым считается обоснованной критика гуссерлевской редукции актов вопрошания, желания и воления к суждениям [4, с. 441] со стороны Александра Пфендера, Йоханеса Дауберта и, пожалуй, Адольфа Райнаха [30, с. 140-141].

Следовательно, «мнимое осуществление» социального акта – что уже отмечалось выше – влечёт за собой особую модификацию, касающуюся действенности акта (т. е. вопроса «каковы правовые последствия этого действенного акта»): например, компетентный орган предоставил заведомо ложные сведения о наличии неблагоприятных погодных условий – это *не есть* акт сообщения; соответственно, во-первых, мы не можем утверждать существование форс-мажора постольку, поскольку для этого отсутствуют достаточные основания, и, во-вторых, требуется новая (адекватной) квалификация этого деяния компетентного органа. Таким образом, это – прежде всего вопрос «есть» или «не есть», т. е., истинности и ложности. Поэтому мы не можем согласиться с А. В. Кольцовым в том, что проблематичность мнимого осуществления социального акта носит исключительно этический (нравственный) характер [5, с. 166]; тем более не всегда необходимо и возможно установить этический момент в деянии компетентного органа для признания недействующим его акта. Применительно к правовой практике такого рода «социальное лицемерие» [18, с. 179-180] касается проблемы правовой квалификации, например проблемы действительности того или иного типа гражданского договора.

Заключение

Продemonстрированный выше метод интенционального анализа на примере «АОГП» показывает методологическую ценность феноменологии (как она изложена в «ЛИ») для теоретической науки о праве в интерпретации Райнаха.

Подводя итоги, мы пришли к следующим выводам.

1. Любой (собственный) социальный акт является интенциональным переживанием, которое входит в состав переживания событийного единства «действительный социальный акт». Связь между социальным актом, адресатом и адресантом акта есть связь переживаний.
2. Внутреннее переживание социального акта не есть психическое переживание, оно представляет собой имманентную, несамостоятельную часть социального акта, которая, во-первых, есть интенциональное переживание по своей природе, и, во-вторых, а priori определяет действительность социального акта. Соответственно, связь между социальным актом и его внутренним переживанием также относится к связям переживаний.

Таким образом, феноменология права А. Райнаха изучает правовые *переживания* и их *связи* так, как это было очерчено в «ЛИ». Показано, что именно «гуссерлевская» интерпретация райнаховского проекта феноменологии права позволяет выявить метод априорного учения о праве – в частности, при переходе к феноменологической установке применительно к анализу проблем гражданского права. Последовательное применение феноменологического метода явно прослеживается в «АОГП» несмотря на то, что в работе отсутствует соответствующий раздел по методологии. Именно установление связи между феноменологией Гуссерля, как она представлена в его «ЛИ», и учением о социальных актах в «АОГП» позволяет восстановить (реконструировать) проект феноменологии права Райнаха в его аутентичном феноменологическом содержании – показать, как правовед с помощью методологии интенционального анализа расширил область теории (гражданского) права.

Библиография

1. Белоусов М. А. К вопросу об очевидности в феноменологии Гуссерля: данность и горизонт // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 2. С. 66-81.
2. Белоусов М. А. Понятие переживания у Гуссерля и Ильина // Национальное своеобразие в философии: материалы международной конференции, Москва, 10-11 декабря 2014 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российский государственный гуманитарный университет"; ответственный редактор: Т. А. Шиян. М.: РГГУ, 2014. С. 61-72.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Пролегомены к чистой логике / Пер. с нем. Э. А. Бернштейн под ред. С. Л. Франка; Новая ред. Р. А. Громова. М.: Академический Проект, 2011. 253 с.
4. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический Проект, 2011. 565 с.
5. Кольцов А. В. Понятие "переживание" в реалистической феноменологии А. Райнаха: Дис. ... канд. филос. наук: 5.7.2. М.: РГГУ, 2023. 205 с.
6. Куренной В. А. Комментарий и примечания [к "Априорным основаниям гражданского права"] // Райнах А. Собр. соч. / Пер. с нем., сост. послесл. и коммент. В. А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 455-469.
7. Куренной В. А. Комментарий и примечания [к "Теории негативного суждения"] // Райнах А. Собр. соч. / Пер. с нем., сост. послесл. и коммент. В. А. Куренного. М.: Дом

интеллектуальной книги, 2001. С. 441-455.

8. Куренной В. А. От редактора // Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / Пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический Проект, 2009. С. 5-14.

9. Луковская Д. И. Политические и правовые учения: историко-теоретический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 161 с.

10. Молчанов В. И. Аналитическая феноменология в Логических исследованиях Эдмунда Гуссерля // Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. С. 462-557.

11. Молчанов В. И. Одиночество сознания и коммуникативность знака // Логос. 1997. № 9. С. 5-24.

12. Молчанов В. И. Феноменология и терминология в Идеях I. Что естественного в "естественной установке"? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 4. С. 21-35.

13. Мотрошилова Н. В. Принципы и противоречия феноменологической философии. М.: Издательство "Высшая школа", 1968. 128 с.

14. Мотрошилова Н. В. Ранняя философия Эдмунда Гуссерля (Галле, 1887–1901). М.: Прогресс-Традиция, 2018. 624 с.

15. Пантыкина М. И. Адольф Райнах и его забытый проект феноменологии права // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 116-126.

16. Поляков А. В. Феноменологическое правоведение: А. Райнах // Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений: учебник. 2-е издание. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2015. С. 444-455.

17. Пружинин Б. И., Артёменко Н. А., Белоусов М. А., Васильев В. В., Курилович И. С., Михайлов И. А., Молчанов В. И., Паткуль А. Б., Резниченко А. И., Савин А. Э., Чернавин Г. И., Шестова Е. А., Щедрина Т. Г. Феноменология сегодня: исторические проблемы и современные тенденции. Возвращаясь к дискуссии 1988 года (материалы "круглого стола") // Вопросы философии. 2024. № 10. С. 5-39.

18. Райнах А. Априорные основания гражданского права // Райнах А. Собр. соч. / Пер. с нем., сост. послесл. и коммент. В. А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 153-326.

19. Стовба А. В. А. Райнах и Н.Н. Алексеев: у истоков феноменологии права // Право и политика. 2012. № 2. С. 371-376.

20. Ямпольская А. В. Феноменологический метод и его границы: от немецкой к французской феноменологии: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. М.: РГГУ, 2014. 351 с.

21. Burkhardt A. Soziale Akte, Sprechakte und Textilokutionen. A. Reinachs Rechtsphilosophie und die moderne Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1986. 476 p.

22. Cadena N. Husserl and Reinach, the idea of promise // Revista Ética E Filosofia Política. 2017. Vol. II (XX). P. 85-100.

23. Dubois J. M. Judgment and Sachverhalt: An Introduction to Adolf Reinach's Phenomenological Realism. Dordrecht: Springer Science&Business Media, 1995. 168 p.

24. Elsenhans T. Phänomenologie, Psychologie, Erkenntnistheorie // Kant-Studien. 1915. Vol. 20 (1-3). S. 224-275.

25. Husserl E. Adolf Reinach // Husserliana. Bd. XXV. Aufsätze und Vorträge (1911-1921) / Mit ergänzenden. Texten hg. von Th. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 300-303.

26. Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology / ed. by K. Mulligan. Netherlands: Springer, 1987. P. 29-90.

27. Reinach A. Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechts // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 141-278.
28. Reinach A. Nichtsoziale und soziale Akte // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 355-360.
29. Reinach A. Wesen und Systematik des Urteils // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 339-345.
30. Schuhmann K. Die Entwicklung der Sprechakttheorie in der Münchener Phänomenologie // Phänomenologische Forschungen. 1988. Vol. 21. S. 133-166.
31. Schuhmann K., Smith B. Einleitung: Adolf Reinach (1883–1917) // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band II. Kommentar und Textkritik / A. Reinach / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 613-626.
32. Smith B. Adolf Reinach: An Annotated Bibliography // Mulligan K. (ed.) Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Netherlands: Springer, 1987. P. 299-372.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, социальные акты в «Априорных основаниях гражданского права» Адольфа Райнаха. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Вопрос об отношении так называемого внутреннего переживания к социальному акту представляет собой одно из существенных положений «АОГП», в которых проявляется суть феноменологического анализа, как он был продемонстрирован в «ЛИ». Райнах коротко, но эксплицитно описывает эту взаимосвязь с помощью ряда своеобразных (видов) социальных актов[18, с. 179]. Разумеется, взаимосвязь внутреннего переживания и социального акта касается ключевых моментов понимания «акта» и метода интенционального (сущностного) усмотрения в феноменологическом философствовании Райнаха, что делает необходимым принять во внимание также работы учёного по феноменологической философии до 1913 года[5, 33], в частности «Сущность и систематика суждений» (1908)[29] и «Несоциальные и социальные акты» (1911)[28]".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им достаточно подробно: "В «Априорных основаниях гражданского права» (1913)[18, 27] (далее – «АОГП») Адольфа Райнаха представлен первый в истории правовой мысли проект феноменологии права. Несмотря на то, что учением о социальных актах не исчерпывается райнаховская идея априорного учения о праве, им посвящена почти вся упомянутая работа философа. Понятие социального акта, с одной стороны, разработано правоведом под влиянием феноменологии Э. Гуссерля, с другой – является «мостом» между феноменологической методологией и теорией (гражданского) права постольку, поскольку оно выявляет элементарные единицы правового общения: сообщение, просьба, распоряжение, вопрошание, обещание и т. п. Для реконструкции[9] райнаховского учения о социальных актах недостаточно определить используемые учёным понятия феноменологической философии, такие как «акт»,

«интенциональность», «предметное отношение», «переживание» и т. п.[10, с. 470]. Важно также показать сам процесс феноменологического анализа социальных актов. В рамках данной статьи мы, принимая во внимание участие А. Райнаха в переиздании «Логических исследований» Э. Гуссерля (далее – «ЛИ») 1911–1913 гг.[31, s. 621], ориентируемся на русский перевод первой части второго тома «Логических исследований» Э. Гуссерля в их втором издании[4, с. 565]".

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, в реальном (reell) усмотрении событийное единство «действительный социальный акт» есть совокупное переживание, а его компоненты – собственный социальный акт, адресат акта, адресант акта – суть частичные переживания «действительный социальный акт» как целого. Тем самым мы не можем согласиться с А. В. Кольцовым в том, что «социальный акт не может быть в полном смысле отнесён к классу переживаний, поскольку... переживание является лишь составной частью такого рода интенционального акта»[5, с. 40–41]. Мы говорим, соответственно, уже не о реальных субъектах права и событии между ними, а в строгом смысле об их переживаниях"; "Стоит также отметить, что Райнах таким образом обратил особое внимание на правовую проблему действительности – тем самым он показывает применимость феноменологии не только для теории права, но и для исследования правовых практик"; "Исследование материи социального акта касается как раз предметного отношения социального акта – интенциональное отношение социального акта как переживания и его предметного коррелята. Само собой разумеется, «простое» предметное схватывание не исчерпывает сущность любого социального акта; обращаясь к феноменологической терминологии, мы полагаем, что интенция любого вида социального акта не является объективирующей постольку, поскольку помимо того, как социальный акт имеет функцию делать представимой некоторую предметность, обнаруживается ещё сплетённая с этой функцией особенность соответствующего вида. Например, акт просьбы (например, просьба от Ивана к Антону) не только делает нечто представимым (например, «Антон окажет медицинскую помощь Роману»), но делает его именно в качестве того, о чём просит адресат акта; адресант не только посредством акта просьбы имеет это определённое нечто в виду, но и понимает, что об этом просил адресат; в данном случае имеют место один социальный акт и один (соответствующий) интенциональный предмет, а не два акта – один акт «простого представления/указания о чём-то» и один акт «признания его как таковым». Речь идёт о том, что социальный акт (как переживание) может быть многослойно интенциональным"; "Следовательно, «мнимое осуществление» социального акта – что уже отмечалось выше – влечёт за собой особую модификацию, касающуюся действительности акта (т. е. вопроса «каковы правовые последствия этого действительного акта»): например, компетентный орган предоставил заведомо ложные сведения о наличии неблагоприятных погодных условий – это не есть акт сообщения; соответственно, во-первых, мы не можем утверждать существование форс-мажора постольку, поскольку для этого отсутствуют достаточные основания, и, во-вторых, требуется новая (адекватной) квалификация этого деяния компетентного органа. Таким образом, это – прежде всего вопрос «есть» или «не есть», т. е., истинности и ложности" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть работы состоит из следующих разделов: "1. Проблема интерпретации методологии априорного учения о праве: два подхода"; "2. Событие vs. переживания: переход к реальному (reell) усмотрению"; "3. Интенциональный предмет социального акта"; "4. «Внутреннее

переживание» социального акта". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает нареканий. Однако в работе имеется опечатка.

Так, автор пишет: "Мы установили, что для разных по виду социальных актов может быть значимым один (тот же самый) общий момент, полагающий один (тот же самый) интенциональный предмет актов: в таком случае усматривается у социальных актов тождественная часть их (реально-феноменологического) содержания, определяющая интенциональный предмет акта" - "в таком случае" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании.

Библиография исследования представлена 32 источниками (монографиями, диссертационными работами, научными статьями, комментариями), в том числе на английском и немецком языках. С формальной и фактической точек зрения этого вполне достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Дж. Остин, Дж. Сёрл, Ж. Дюбуа, А. В. Кольцов, К. Шуманн и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Продемонстрированный выше метод интенционального анализа на примере «АОГП» показывает методологическую ценность феноменологии (как она изложена в «ЛИ») для теоретической науки о праве в интерпретации Райнаха. Подводя итоги, мы пришли к следующим выводам.

1. Любой (собственный) социальный акт является интенциональным переживанием, которое входит в состав переживания событийного единства «действенный социальный акт». Связь между социальным актом, адресатом и адресантом акта есть связь переживаний.
2. Внутреннее переживание социального акта не есть психическое переживание, оно представляет собой имманентную, несамостоятельную часть социального акта, которая, во-первых, есть интенциональное переживание по своей природе, и, во-вторых, а priori определяет действительность социального акта. Соответственно, связь между социальным актом и его внутренним переживанием также относится к связям переживаний.

Таким образом, феноменология права А. Райнаха изучает правовые переживания и их связи так, как это было очерчено в «ЛИ». Показано, что именно «гуссерлевская» интерпретация райнаховского проекта феноменологии права позволяет выявить метод априорного учения о праве – в частности, при переходе к феноменологической установке применительно к анализу проблем гражданского права. Последовательное применение феноменологического метода явно прослеживается в «АОГП» несмотря на то, что в работе отсутствует соответствующий раздел по методологии. Именно установление связи между феноменологией Гуссерля, как она представлена в его «ЛИ», и учением о социальных актах в «АОГП» позволяет восстановить (реконструировать) проект феноменологии права Райнаха в его аутентичном феноменологическом содержании – показать, как правовед с помощью методологии интенционального анализа расширил область теории (гражданского) права", они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и

права, истории политических и правовых учений, философии права при условии ее небольшой доработки: устранении опечатки в тексте.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Саяпин С.П. О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73708 EDN: KXCIPE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73708

О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае

Саяпин Сергей Петрович

ORCID: 0009-0005-3296-9929

кандидат юридических наук

Младший научный сотрудник; Сектор гражданского и предпринимательского права; Институт государства и права РАН

117535, Россия, г. Москва, Чертаново Южное р-н, 3-й Дорожный проезд, д. 8 к. 2, кв. 1

✉ spsayapin@yandex.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых и политических систем"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73708

EDN:

KXCIPE

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2025

Дата публикации:

17-03-2025

Аннотация: Предметом исследования являются современные технологии генеративного искусственного интеллекта (ГИИ), их влияние на общество и право (на примере КНР). Стремительное развитие ГИИ связано с ростом венчурных инвестиций и активной поддержкой со стороны крупных технологических компаний и государств. Так, с 2022 года в КНР приняты ряд документов о регулировании ИИ. При этом, КНР придерживается принципа безусловной защиты государственной безопасности. Важной тенденцией регулирования ИИ (ГИИ) в Китае является стремление к формированию отдельного общего законопроекта об ИИ, который бы значительным образом расширил действующую сейчас в Китае архитектуру нормативного регулирования. Ожидается, что в течение 2025 года законопроект будет принят, что поспособствует более полному и

детальному регулированию искусственного интеллекта в КНР. В ходе исследования автором были использованы следующие методы познания (методология исследования): диалектический метод познания, общенаучные эмпирические методы познания (сравнение и описание), общенаучные теоретические методы познания (обобщение и абстрагирование, индукция и дедукция, аналогия), а также частнонаучные эмпирические методы познания (метод интерпретации правовых норм) и частнонаучные теоретические методы познания (юридико-догматический). Основные выводы проведенного исследования заключаются в следующем. К настоящему времени, законопроект об ИИ, предложенный китайскими учеными-правоведами, еще находится на стадии обсуждения, но уже сейчас понятно, что он существенно дополняет и расширяет уже созданную архитектуру нормативного регулирования искусственного интеллекта на территории Китайской Народной Республики. В нем содержатся множество смелых идей и смыслов (например, о правовой защите данных, полученных в результате работы ГИИ). Думается, что в течение 2025 года указанный проект закона (судя по всему с доработками) все же будет принят. Исходя из наличия уже вступивших в силу и действующих сейчас нормативных правовых актов в отношении искусственного интеллекта (в том числе генеративного), а также тенденций к стремительному формированию основного закона об ИИ, однозначно следует, что Китай идет по пути нормативной регламентации указанной сферы для общего пользования внутри КНР, при этом отдавая свободу использования и изучения ИИ в государственных целях, в целях защиты национальных интересов.

Ключевые слова:

искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, ИИ, ГИИ, Китай, Китайская Народная Республика, КНР, нормативное регулирование, законы, нормативные правовые акты

Технологии и механизмы генеративного искусственного интеллекта (*далее по тексту также сокр. – ГИИ*) используются для создания новых (часто квази-новых) данных (текстовых, аудио, видео, фото и иных материалов). К такой области, как медицина, фармацевтические компании используют ГИИ для проектирования формул новых лекарственных средств, а в области финансов ГИИ используется в определении и прогнозировании рыночных трендов. Все это стало возможным, главным образом, благодаря достижениям современной науки в области нейросетевой архитектуры и информационных технологий.

Принцип работы ГИИ заключается в «самообучении» информационной системы на больших объемах входных данных. Модель ГИИ изучает статические и динамические паттерны, а также характеристики входных данных. Например, текстовые модели ГИИ работают на огромных объемах текстовых данных, выявляя структуру языка, стиль написания текста, контекст употребления отдельных лексем и др., затем, ГИИ может генерировать осмысленный и связный текст на основе полученной и обработанной информации.

Благодаря стремительному развитию информационных технологий и технических средств, а также широкому спектру применения генеративного искусственного интеллекта [\[6, с. 73\]\[7\]](#), увеличиваются инвестиции в указанную сферу. С начала 2010-х годов наблюдается значительный рост венчурных инвестиций в стартапы, занимающиеся

разработкой ГИИ. Компании вроде OpenAI и DeepMind привлекли уже десятки миллиардов долларов венчурного капитала на развитие генеративного искусственного интеллекта. Крупные технологические компании активно инвестируют в исследования и разработку ГИИ, а появление цифровых платформ типа SaaS (*англ. – Software as a Service*), предоставляющих доступ к ГИИ через облачные сервисы, делают эти технологии более доступными для широкого круга пользователей, что только стимулирует дальнейшее развитие указанной сферы. Надо отметить, что и правительства многих ведущих стран мира также начинают осознавать масштаб возможностей ГИИ и вкладывать средства в развитие данных технологий в целях национальной безопасности и продвижения государственных интересов на региональном и международном уровнях. Согласно опубликованной информации, Китай уже несколько лет ведет активные разработки по применению нейронных сетей в формировании общественного мнения, задействуя для этого свои крупные технологические компании Midu, Suishi, Goertek и др. [\[10\]](#).

Развитие генеративных технологий искусственного интеллекта стало возможным, прежде всего, «благодаря» отсутствию строгих нормативно-правовых рамок, однако, новые формы информационных технологий всегда порождают новые риски для общества и безопасности государства: предоставление ложной и вводящей в заблуждение информации, распространение мошеннических схем отъема денежных средств, иные виды интернет-угроз, поэтому расширение применения ГИИ, имеет и обратную (в этом смысле, негативную) сторону. Поскольку подходы к снижению такого рода рисков в полной мере в мире еще не выработаны, каждое государство самостоятельно ищет баланс в нормативно-правовом регулировании ИИ (ГИИ). Поэтому всё чаще возникают дискуссии о таких правилах работы ГИИ, которые позволят не только сохранять благоприятные условия для развития данной технологии и привлечения инвестиций, но и обеспечивать государственную безопасность.

На сегодняшний день можно выделить, преимущественно, два основных подхода к формированию внутригосударственной политики в отношении правового регулирования деятельности, связанной с искусственным интеллектом (в том числе генеративным ИИ):

- первый подход заключается в разработке и принятии общих норм и правил (чаще всего декларативных) в отношении искусственного интеллекта, без принятия специальных законов о регулировании ИИ. Именно таким путем идут в настоящее время США, предоставляя свободу развития ИИ в стране. Так, совсем недавно, в январе 2025 года в США был подписан указ Президента «Об устранении преград на пути американского лидерства в области искусственного интеллекта», согласно которому подчеркивается политика глобального доминирования США в области ИИ. Федеральным исполнительным органам Соединенных Штатов Америки поставлена задача разработки плана национальных действий в области развития искусственного интеллекта [\[11\]](#). Есть, конечно, отдельные законодательные инициативы на уровне штатов США, вместе с тем, говорить о регулировании ИИ в США сейчас не приходится;
- второй подход связан с разработкой специальных нормативных правовых актов о регулировании искусственного интеллекта (КНР, Европейский союз).

Надо сказать, что цель разработки и развития искусственного интеллекта в Китае, как и в США, указана в качестве приоритетной [\[1, с. 225\]](#). Поэтому еще в 2017 году в КНР был принят План развития искусственного интеллекта нового поколения [\[12\]](#), однако в то

время регулирования ИИ, конечно, там еще не существовало [\[4, с. 54\]](#). В период с 2017 по 2022 годы в Китае осуществлялась лишь подготовка к законодательному регулированию ИИ. Указанный промежуток времени отмечен принятием Белой книги по стандартизации искусственного интеллекта, а также Кодекса этики искусственного интеллекта нового поколения [\[8\]](#). К началу 2022 года Управление по вопросам киберпространства Китая (англ. сокр. – САС) начало разрабатывать (совместно с иными государственными органами) первые специальные нормативные правовые акты по регулированию деятельности с использованием ИИ. По мнению отдельных специалистов, Китай с того времени стал проводить т.н. «нейтральное регулирование», ввиду соблюдения принципа равнозначности между инновациями, безопасностью и управляемостью при разработке нормативных правовых актов об ИИ [\[3, с. 255\]](#). Однако, по нашему мнению, нейтральным регулированием такой механизм назвать вряд ли возможно, ввиду того, что в силу своей специфики, в КНР прослеживается сильная административная составляющая, и приоритет, прежде всего, государственной идеологии и национальной безопасности – иными словами, приоритет общественного над частным [\[2, с. 158\]](#), что и находит яркое отражение, как правило, во всех правовых актах Китайской Народной Республики.

Говоря о специальных нормативных правовых актах Китая о регулировании ИИ, следует кратко рассмотреть следующие из них.

Так, 1 марта 2022 года вступило в силу Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями информационных интернет-сервисов [\[13\]](#). Документ обязывает лиц, использующих рекомендательные технологии для оказания соответствующих услуг (поставщики услуг рекомендательных технологий), соблюдать в рамках своей работы принципы справедливости, открытости и прозрачности (ст. 4). Запрещается использовать интернет-сервисы на основе рекомендательных алгоритмов в целях создания угроз общественным интересам и национальной безопасности Китайской Народной Республики (ст.1).

Положение устанавливает государственный надзор за поставщиками указанных услуг, а также вводит государственное управление в этой сфере (ст. 3). Все поставщики услуг алгоритмических рекомендательных технологий обязаны встать на государственный учет. Государство ведет реестр таких поставщиков (ст. 24).

В Положении закрепляется нормативное определение понятию «применение алгоритмической рекомендательной технологии» – это использование алгоритмических технологий, таких как генерация и синтез, сортировка, отбор, поиск, фильтрация, персонализированная выдача, а также планирование принятия решений для предоставления информации пользователям (ст. 2). Согласно ст. 16 поставщик услуг алгоритмических рекомендательных технологий обязан уведомлять пользователей о целях, принципах и механизме предоставления соответствующих услуг.

Поставщики услуг алгоритмических рекомендательных технологий обязаны обрабатывать запросы пользователей своих интернет-сервисов в установленный срок (ст. 22).

Вместе с тем, следует отметить, что в самом тексте Положения отсутствуют нормативно установленные определения таких понятий как поставщик, пользователь или провайдер услуг алгоритмических рекомендательных технологий и др. Значения указанных терминов выводятся из буквального толкования норм Положения.

В Положении отсутствуют конкретные правила о договоре оказания услуг поставщиком.

В главе 5 Положений устанавливается ответственность поставщика услуг алгоритмических рекомендательных технологий (ст. ст. 31, 32, 33). Это, главным образом, административная ответственность в виде предупреждения, либо штрафа в размере от 10 до 100 тыс. юаней, а также, в некоторых случаях, уголовная ответственность.

10 января 2023 года вступило в силу Положение «О порядке осуществления деятельности по управлению информационными интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза» [\[14\]](#). Документ направлен на устранение рисков, связанных с использованием технологий глубокого синтеза, позволяющих глубоко модифицировать данные в противоправных целях.

В Положении (ст. 23) закрепляются нормативные определения таким понятиям как:

- технологии глубокого синтеза – это технологии, которые используют глубокое обучение, виртуальную реальность и другие алгоритмы генеративного синтеза текстовых, фото, видео и аудиоматериалов и другой информации, включая методы работы с указанными материалами (см пп. 1 – 6 определения данного понятия).
- поставщики услуг глубокого синтеза – это организации и физические лица, предоставляющие услуги глубокого синтеза;
- поставщики услуг технической поддержки глубокого синтеза – это организации и физические лица, которые предоставляют услуги технической поддержки глубокого синтеза;
- пользователи услуг глубокого синтеза – это организации и физические лица, которые используют услуги глубокого синтеза в целях производства, воспроизведения, публикации или распространения информации;
- обучающие данные – это аннотированный или эталонный набор данных, который используется для обучения моделей ИИ.

Предоставление услуг глубокого синтеза должно соответствовать принципам законности и морали, а также общественным интересам и основам национальной безопасности Китайской Народной Республики (ст.4). Услуги глубокого синтеза не должны использоваться для совершения противоправных действий и публикации ложной и вводящей в заблуждение информации (ст.6). Поставщики услуг глубокого синтеза обязаны защищать полученные данные, противодействовать мошенничеству в процессе глубокого синтеза данных, а также в процессе хранения, обработки, использования и передачи полученных данных (ст. 7), разрабатывать, раскрывать и периодически совершенствовать правила платформы, где оказываются услуги глубокого синтеза (ст. 8), идентифицировать пользователей услуг глубокого синтеза (ст.9), анализировать полученную информацию (входные данные) и сгенерированные данные на предмет ложной и противоправной информации, принимать меры по ограничению доступа к ней и ее устранению (ст. 10). Интернет-ресурсы (в т.ч. платформы), на которых оказываются услуги глубокого синтеза, должны предусматривать возможность обработки запросов пользователей (ст.12).

Если текстовые, фото, аудио, видео и иные виды данных генерируются ИИ, то они должны быть отмечены специальной маркировкой, а поставщик услуг глубокого синтеза обязан вести журнал генерации материалов ГИИ (ст.16).

В самом Положении о глубоком синтезе прямо не установлены какие-либо меры ответственности за несоблюдение закрепленных в нем норм. Вместо этого в ст. 22 говорится лишь о том, что соответствующие санкции могут быть применены в соответствии с другими применимыми нормативными актами Китая, если какой-либо поставщик услуг глубокого синтеза нарушает нормы Положения. В нем также не указаны последствия несоблюдения правил пользователями услуг глубокого синтеза или цифровыми платформами, с использованием которых предоставляются услуги глубокого синтеза.

Тем не менее, Положение наделяет департаменты киберпространства определенными полномочиями по контролю за соблюдением требований и проведению проверок. Департаменты киберпространства и иные государственные органы Китая вправе обязать поставщиков устранить нарушения, если в ходе проведения проверки будет установлено, что услуги глубокого синтеза несут существенные риски информационной безопасности Китайской Народной Республики.

15 августа 2023 года вступили в силу Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта [\[15\]](#). Документ закрепляет принципы, согласно которым предоставление и использование услуг генеративного ИИ должно соответствовать законам и административным регламентам Китая, соответствовать социалистическим ценностям, материалы, созданные ГИИ не должны наносить вреда государственной безопасности Китая, пропагандировать терроризм и сепаратизм и др. Важно отметить, что документ не распространяется на деятельность государственных и учебных учреждений КНР, которые используют ГИИ в научных исследованиях (ст. 2).

Документ дает определения таким понятиям как:

- технологии ГИИ – это модели и связанные с ними технологии, которые обладают возможностью генерировать данные (текстовые, фото, видео, аудио и др. виды материалов).
- поставщики услуг ГИИ – это организации и физические лица, которые используют технологии ГИИ для предоставления услуг ГИИ (включая предоставление услуг ГИИ программируемых интерфейсов и др.);
- пользователи услуг ГИИ – это организации и физические лица, которые используют сервисы ГИИ для создания текстовых, видео, фото, аудио и других видов материалов (контента).

Для создания моделей ИИ и генерации ГИИ новых материалов поставщики услуг ГИИ обязаны использовать только легальные источники данных; соблюдая при этом интеллектуальные права; в том случае, если для генерации данных используются сведения, которые относятся к личным данным физических лиц, то такие сведения должны быть получены только с их согласия; если данные, в последствие, используются в обучении, то поставщик услуг ГИИ обязан «работать над повышением достоверности,

точности и объективности указанных данных» (ст. 3).

Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта обязывают поставщика услуг ГИИ заключать договор об оказании услуг с каждым пользователем его сервиса. В договоре должны быть зафиксированы: предмет, сроки, права и обязанности сторон при использовании сервиса ГИИ, а также иные положения (ст. 9).

Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта предусматривают право лица получать доступ, изменять, удалять информацию о себе из базы данных ИИ. В том случае, если поставщик услуг ГИИ получает соответствующий запрос, то он обязан своевременно обработать его (ст. 11). Однако в научной литературе отмечается, что ввиду отсутствия конкретного срока рассмотрения запросов, а также с учетом того, что запросы чаще всего рассматриваются не человеком, а искусственным интеллектом, пользователь обычно попадает в «бесконечное ожидание» [\[5, с. 60\]](#).

Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта обязывают бороться с противоправным контентом не только поставщиков услуг ГИИ, но и провайдеров связи. В том случае, если провайдер связи обнаруживает противоправные материалы, то он обязан незамедлительно прекратить к ним доступ пользователей сети (ст.14).

Согласно ст. 21 если поставщик услуг нарушает Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта, то в отношении поставщика может быть вынесено: предупреждение; либо предписание об устранении нарушений; либо применены штрафные санкции (однако конкретный размер штрафа не устанавливается); либо может быть приостановлено право на предоставление соответствующих услуг на территории Китая.

Если в процессе оказания услуг ГИИ поставщиками нерезидентами КНР будут нарушены нормативные акты Китайской Народной Республики, то Управление по вопросам киберпространства Китая вправе обратиться в соответствующие органы власти Китая с просьбой принять меры по блокировке доступа китайских пользователей к указанным поставщикам услуг.

В 2023 году предложены на общественное обсуждение изменения к Мерам по этической экспертизе науки и техники (общественные обсуждения окончены 3 мая 2023 г.) [\[16\]](#). Документ закрепляет положения о том, что в рамках ВУЗов и научно-исследовательских организаций Китая должны быть созданы специальные комитеты по научной и технологической этике в обязанность которых входит проведение экспертизы научных исследований и научно-технической деятельности с точки зрения этики и морали. Экспертизе, помимо прочих сфер, подлежат и научные исследования в области искусственного интеллекта (в том числе ГИИ).

В марте 2024 года в КНР был опубликован проект закона «Об искусственном интеллекте» [\[17\]](#). Текст документа был предложен для всеобщего обсуждения научным сообществом Китая.

В главе I проекта закона провозглашается принцип развития сферы ИИ в сочетании с государственным контролем (надзором) за отраслью (ст. 1), а также принцип соответствия отрасли ИИ принятым в Китае мерам по этике (ст. 3). Следует сказать, что сфера действия проекта закона распространяется не только на общественные отношения с использованием ИИ внутри границ Китая, но и за ее пределами, в том случае, если правоотношения затрагивают права и законные интересы китайских физических и юридических лиц, а также национальную безопасность Китайской Народной Республики (ст. 2).

Исходя из буквального толкования текста норм главы II, можно заключить, что разработчики проекта закона сформулировали три ключевых (можно даже сказать, в какой-то степени, идеальных) аспекта функционирования искусственного интеллекта:

- наличие вычислительных мощностей общего пользования;
- наличие моделей ИИ и алгоритмов с открытым исходным кодом;
- а также, наличие ресурсов общих данных с возможностью их совместного использования.

Государство, по мнению разработчиков законопроекта, при соблюдении главного принципа – национальной безопасности Китая, должно развивать и поощрять указанные направления развития ИИ.

В главе III устанавливается, что право на данные следует рассматривать в качестве одного из ключевых прав; однозначно отрицается возможность ИИ быть субъектом права (только физические и юридические лица могут быть субъектами авторского и патентного права); данные, полученные в результате работы ГИИ защищаются правом интеллектуальной собственности; данные, полученные в результате работы ИИ, можно признать изобретением или произведением; законопроект дает право, при соблюдении определенных условий, использовать данные в качестве входных для ИИ без выплаты вознаграждения их владельцу (т.н. «разумное использование данных»).

Согласно нормам главы IV закон проводит различие между общим ИИ и критически важным ИИ, подчеркивая особые черты, присущие критически важному ИИ, с точки зрения формальной организации модели, рисков, реагирования на чрезвычайные ситуации и др., поэтому для регулирования критически важного ИИ должны быть приняты особые (специальные) меры в каждой из отраслей экономики.

Глава V посвящена государственному контролю (надзору) за деятельностью с использованием искусственного интеллекта. Для более эффективного контроля (надзора) за деятельностью с использованием ИИ вводится градация (категорирование) искусственного интеллекта. Глава VI – применению ИИ в специальных областях (государственная власть, медицина, правосудие, СМИ и др.). Глава VII – международному сотрудничеству, а в главе VIII закрепляются виды юридической ответственности.

К настоящему времени, законопроект об ИИ, предложенный китайскими учеными-правоведами, еще находится на стадии обсуждения, но уже сейчас понятно, что он существенно дополняет и расширяет уже созданную архитектуру нормативного

регулирования искусственного интеллекта на территории Китайской Народной Республики. В нем содержатся множество смелых идей и смыслов (например, о правовой защите данных, полученных в результате работы ГИИ). Думается, что в течение 2025 года указанный проект закона (судя по всему с доработками) все же будет принят.

Исходя из наличия уже вступивших в силу и действующих сейчас нормативных правовых актов в отношении искусственного интеллекта (в том числе генеративного), а также тенденций к стремительному формированию основного закона об ИИ, однозначно следует, что Китай идет по пути нормативной регламентации указанной сферы для общего пользования внутри КНР, при этом отдавая свободу использования и изучения ИИ в государственных целях, в целях защиты национальных интересов.

[12] 国务院关于印发新一代人工智能发展规划的通知 [Извещение Государственного совета об опубликовании Плана развития искусственного интеллекта нового поколения]. - URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 01.03.2025).

[13] 互联网信息服务算法推荐管理规定 [Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями информационных Интернет-сервисов]. - URL: https://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (дата обращения: 01.03.2025).

[14] 互联网信息服务深度合成管理规定 [Положение "О порядке осуществления деятельности по управлению информационными интернет-услугами, использующими технологии глубокого синтеза"]. - URL: https://www.cac.gov.cn/2022-12/11/c_1672221949354811.htm (дата обращения: 01.03.2025).

[15] 生成式人工智能服务管理暂行办法 [Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта]. - URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 01.03.2025).

[16] 关于公开征求对《科技伦理审查办法(试行)》意见的公告(已结束) [Объявление о публичном сборе мнений о мерах по пересмотру этики науки и техники]. - URL: https://www.most.gov.cn/wsd/c/202304/t20230404_185388.html (дата обращения: 03.03.2025).

[17] 《人工智能法(学者建议稿)》来了[Закон об искусственном интеллекте (проект предложений ученых)]. - URL: <http://www.fxcxw.org.cn/dyna/content.php?id=26910> (дата обращения: 03.03.2025).

Библиография

1. Беликова К.М. Основа правового регулирования развития и применения искусственного интеллекта в военной сфере Китая в контексте государственной стратегии и охраны авторских и патентных прав // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 5. С. 223-233.
2. Демкин В.О. Дипфейки: модели правового регулирования в континентальном, общем и китайском праве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2024. Т. 19. № 5. С. 148-175.
3. Ли Яо. Нормативно-правовое регулирование генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Европейском союзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. № 3. С. 245-267.
4. Трошинский П.В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // Право и цифровая экономика. 2021. № 1 (11). С. 44-58.

5. Цзя Ш. Обзор правового регулирования сервисов генеративного искусственного интеллекта в Китае // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19. № 4. С. 53-62.
6. Харитонов Ю.С. Правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта в военном деле: опыт России и Китая // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1-2. С. 72-80.
7. Хасанай А.М. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта в военной сфере: опыт Китая // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. № 4 (79). С. 300-308.
8. Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 46-73.
9. Шуршалова Е.С. Программно-стратегическое регулирование искусственного интеллекта в сфере реализации социально-экономических прав человека в Китае // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5 (136). С. 88-95.
10. Persuasive technologies in China: Implications for the future of national security. - URL: https://ad-aspi.s3.ap-southeast-2.amazonaws.com/2024-11/Persuasive%20technologies%20in%20China_0.pdf?VersionId=VMSOrM97iQU.i.gV7tMrKO9ACny9z.b2 (дата обращения: 01.03.2025).
11. Executive order "Removing barriers to american leadership in artificial intelligence". - URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/> (дата обращения: 01.03.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае» предметом исследования являются китайские нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере создания и применения искусственного интеллекта на территории этого государства.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных методов, таких как: формально-логический, сравнительно-правовой, статистический, метод анализа конкретных правовых ситуаций и др.

Актуальность исследования. Актуальность темы рецензируемой статьи не вызывает сомнения. Происходящая в настоящее время цифровая (технологическая) трансформация всех сфер жизнедеятельности людей обуславливает необходимость обновления правового регулирования. В частности, в юридическом сообществе не прекращаются споры о правовом статусе (правовом режиме) искусственного интеллекта. До настоящего времени не разрешен вопрос о его месте в составе правоотношения: объект или субъект правоотношения? Существуют и другие сложности, связанные с созданием и использованием искусственного интеллекта. Автор правильно отмечает, что, имеют место дискуссии о правилах работы искусственного интеллекта, особенно генеративного, «которые позволят не только сохранять благоприятные условия для развития данной технологии и привлечения инвестиций, но и обеспечивать государственную безопасность». Действительно особый интерес представляет иностранный опыт правового регулирования в сфере искусственного интеллекта. Китайский опыт является передовым в этом вопросе. Доктринальные разработки по

данной проблематике необходимы в целях совершенствования собственного законодательства и практики его правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на важность этого исследования для юридической науки (прежде всего, компаративистики и информационного права) и его практическую значимость: «Исходя из наличия уже вступивших в силу и действующих сейчас нормативных правовых актов в отношении искусственного интеллекта (в том числе генеративного), а также тенденций к стремительному формированию основного закона об ИИ, однозначно следует, что Китай идет по пути нормативной регламентации указанной сферы для общего пользования внутри КНР, при этом отдавая свободу использования и изучения ИИ в государственных целях, в целях защиты национальных интересов».

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта. Статья по содержанию соответствует своему названию. Автором соблюдены требования к объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология, в том числе и юридическая. Автором предпринята попытка структурировать статью. Так, статья состоит из введения, основной части и заключения. Введение отвечает установленным требованиям, в нем обоснована актуальность темы исследования. В основной части материал изложен последовательно и ясно. В заключении следовало бы сформулировать итоги исследования, а не ограничиваться общим выводом. Других замечаний нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «О правовом регулировании генеративного искусственного интеллекта в Китае» может быть рекомендована к опубликованию. Статья отвечает редакционной политике журнала «Право и политика». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области компаративистики и информационного права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Иликаев А.С. Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73477 EDN: QRNPKG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73477

Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе

Иликаев Александр Сергеевич

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ jumo@bk.ru

[Статья из рубрики "Международные отношения: системы взаимодействия"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73477

EDN:

QRNPKG

Дата направления статьи в редакцию:

24-02-2025

Дата публикации:

21-03-2025

Аннотация: Предметом данного исследования являются стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики. Целью работы выступает выявление особенностей применения указанных политических и информационных стратегий в современной российской внешней политике, в первую очередь определяемой проведением специальной военной операции на Украине (СВО). Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что современные информационные технологии оказывают постоянно возрастающее влияние на сферу политики, в том числе на международные отношения, видоизменяя традиционные инструменты политической борьбы, особенно в эпоху политических кризисов, принимающих характер вооруженных

конфликтов. Практическая значимость исследования выражается в том, что его результаты могут применяться при составлении учебных политологических курсов, а также в процессе обсуждения концепций внешней политики Российской Федерации. Методология исследования основывается на сравнительно-историческом и структурно-функциональных подходах, применяемых для анализа стратегий реалполитики, ноополитики, криптополитики. При извлечении статистических и справочных сведений автором статьи использовался сервис «Нейро» на базе YandexGPT, способный обрабатывать значительный массив содержащихся в интернете актуальных данных. Для решения задач исследования автором впервые в политической науке был осуществлен комплексный разбор стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, а также произведен сравнительно-исторический анализ баланса геополитических сил СССР/России и США. Рассмотренный обширный эмпирический материал дал возможность уточнить имеющиеся в науке определения терминов реалполитики и ноополитики, сформулировать качественно новую трактовку понятия криптополитики, а также выделить различные структурные и функциональные элементы указанных дефиниций. Это позволило выявить следующие особенности российской внешней политики на современном этапе в условиях проведения СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России; 3) оборонительный, защищающийся характер информационной стратегии российских медиа; 4) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов; 5) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 6) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Ключевые слова:

Россия, США, международные отношения, специальная военная операция, реалполитик, ноополитик, криптополитика, нарратив, медиа, дискурс

Введение. Целью предлагаемой статьи является выявление особенностей применения стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики в современной российской внешней политике, в первую очередь определяемой проведением специальной военной операции на Украине (СВО). Для достижения данной цели потребовалось решить следующие задачи: 1) рассмотреть имеющуюся научную и справочную литературу по стратегиям реалполитики, ноополитики и криптополитики, в том числе имеющиеся определения данных терминов; 2) произвести критический отбор необходимых для комплексного анализа указанных дефиниций научных концепций и теоретико-методологических подходов; 3) проанализировать необходимый эмпирический материал через систему разработанных параметров реалполитической, ноополитической и криптополитической стратегий; 4) на основе проведенного анализа сформулировать уточненные определения реалполитики, ноополитики и криптополитики; 5) выявить особенности применения указанных политических и информационных стратегий в современной российской внешней политике.

Объектом данного исследования выступают особенности внешней политики России, связанные с проведением специальной военной операции России на Украине (СВО).

Предметом – стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики, определяющие особенности современного российского внешнеполитического курса в условиях острого политического и вооруженного конфликта на Украине.

Актуальность предлагаемого исследования заключается в том, что современные информационные технологии оказывают постоянно возрастающее влияние на сферу политики, в том числе на международные отношения, видоизменяя традиционные инструменты политической борьбы, особенно в эпоху политических кризисов, принимающих характер вооруженных конфликтов. Практическая значимость исследования выражается в том, что его результаты могут быть использованы для составления учебных курсов по политическим наукам, применяться в процессе обсуждения концепций внешней политики Российской Федерации.

Методология исследования основывается на сравнительно-историческом и структурно-функциональных подходах, применяемых для анализа стратегий реалполитики, ноополитики, криптополитики. Сравнительно-исторический подход использовался автором преимущественно для сопоставления геополитического баланса сил СССР/США по состоянию на 1990 г. и геополитического баланса сил России/США по состоянию на 2024 г. При этом в качестве реперных исторических точек для анализа выбирались события как недавнего прошлого, связанные с периодом распада СССР и последовавшим за 1991 г. периодом международной политической нестабильности, так и события отдаленных эпох: правление Василия III (первая четверть XVI в.), Русско-шведская война 1808 – 1809 гг., Парижский мирный договор 1856 г., Гражданская война в России 1917 – 1922 гг. Структурно-функциональный подход применялся главным образом в рамках анализа стратегий ноополитики и криптополитики с выделением следующих структурных элементов: наличие политической идеологии; привлекательный внешний образ страны; наличие исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив и т.д. При этом были выделены функции каждого из обозначенных структурных элементов стратегий ноополитики и криптополитики: идеологическая, креативно-интеграционная, посредническая, футуристическая и т.п. Для извлечения статистических и справочных сведений автором статьи использовался сервис «Нейро» на базе YandexGPT, способный обрабатывать значительный массив содержащихся в интернете актуальных данных.

Новизна настоящей работы заключается в том, что автором впервые в политической науке был осуществлен комплексный разбор стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, а также произведен сравнительно-исторический анализ баланса геополитических сил СССР/России и США. Рассмотренный обширный эмпирический материал позволил уточнить имеющиеся в науке определения терминов реалполитики и ноополитики, дать качественно новую трактовку понятия криптополитики, а также выделить различные структурные и функциональные элементы указанных дефиниций. Это позволило выявить следующие особенности российской внешней политики на современном этапе в условиях проведения СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России; 3) оборонительный, защищающийся характер информационной стратегии российских медиа; 4) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов; 5) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 6) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Термин реалполитика (Realpolitik) в той или иной форме давно известен отечественной политологической литературе. Так, еще в авторитетной «Политической энциклопедии» (1999) содержится статья о политическом реализме, который определяется как одно из важнейших проявлений политики. В основе политического реализма лежат не благие пожелания, идеологические и моральные установки, а интересы политических субъектов. Понятия врагов и союзников в рамках политического реализма носят относительный характер, поскольку могут меняться в зависимости от смены интересов [2, с. 324]. Авторы энциклопедии указывают на то, что школа реальной политики представляет собой отдельное течение западной политической мысли, сформировавшееся после второй мировой войны. Ее главным объектом выступают международные отношения [2, с. 324–325]. В докладе «Realpolitik...» (2012) Г. А. Гаджиев отмечает реальную политику как «получившее в последнее время популярность явление» [4, с. 55]. Дефиниция «концепция политики реализма (силовой политики)» присутствует в словаре «Философии и права» (2014) под редакцией Е. Н. Мошелкова [24, с. 154–155]. Проблема актуализации «реалполитик» (как изначально немецкой доктрины) в отношении современной политики выступает содержанием статьи В. В. Зубова (2022) [7].

О ноополитике (Noopolitik) как глобальной информационной стратегии говорится в одноименной статье (2012) А. В. Байчика и С. Б. Никонова [1]. Изначально как медиакратию, то есть фактически «четвертую власть», определяет ноополитику в своей статье «Генезис трансформации...» (2014) С. Б. Никонов [17]. Е. Г. Калугина совершенно справедливо указывает в монографии «Ноополитика и интернет-СМИ: информационное противостояние в сетевом пространстве» (2020), что термин ноополитика еще не в полной мере вошел в научный оборот, потому ученые трактуют его по-разному [9, с. 33]. Ноополитика как часть новой медиасферы становится предметом диссертационного исследования С. Б. Никонова «Ноополитика в коммуникационном процессе...» (2021) [18]. В статье О. А. Субботиной и В. Р. Пасиковской (2023) ноополитика рассматривается как информационная стратегия, оказывающая самое прямое влияние на внешнюю политику. Например, авторы исследуют различные медиатексты накануне СВО на Украине, выделяя «свою» и «чужую» ноополитику [24, с. 149].

Термин криптополитика (Crypto-politics) следует признать еще не установившимся в политической науке. Нам не удалось обнаружить примеров использования данного термина в отечественной научной литературе. Например, в упомянутой выше объемной «Политической энциклопедии» имеется лишь статья о ноосфере. Последняя определяется как «особый тип в развитии биосферы, в котором решающее значение приобретает духовное творчество человека» [19, с. 57–58]. В англоязычной политологии указанная дефиниция также отдельно не рассматривается, упоминаясь лишь в контекстах криптокоммунизма (Crypto-communism), криптофашизма (Crypto-fascism) и других форм скрытой поддержки тех или иных политических идеологий. Так, А. Штротас отмечает, что «криптокоммунизм среди политических лидеров способствовал советизации стран Балтии» [34, с. 257–258].

Впервые термин Realpolitik был употреблен Л. Роху, немецким общественным деятелем XIX века [29, с. 168]. Современный исследователь Г. А. Гаджиев различает два вида реалполитик: архаичную, обеспечивающую временный успех, и более современную, способную реализовать преимущества в исторической перспективе. По мнению исследователя, Россия стоит перед выбором, какую из указанных стратегий использовать

[\[4, с. 55\]](#). Говоря о современной реалполитике, Г. А. Гаджиев указывает, что Realpolitik была возможна и приносила пользу в XIX в., когда в мире еще отсутствовало «общее конституционно-правовое интеллектуальное пространство». Однако уже С. Франк считал необходимым противопоставить коммунистическому утопизму «христианский реализм», который бы соединял в себе «разумную постепенность при осуществлении социальных преобразований» [\[4, с. 55\]](#).

Согласно В. И. Шамшуруну, концепция реализма (силовой политики) в нынешней англо-американской политологии характеризуется, прежде всего, *отрицанием «отвлеченных» идеалов альтруизма и гуманизма и руководствуется определенным набором «реальностей», в число которых может входить как военно-экономическая сила, так и национальные интересы страны* [\[24, с. 154\]](#). Ученый дает сжатую, но исчерпывающую историографию термина реалполитик, находя предпосылки его понимания в трудах Платона, Гоббса, но соглашается с тем, что авторство понятие принадлежит А. Л. Рохау. Особенно В. И. Шамшурин выделяет книгу Э. Х. Карра «Двадцатилетний кризис» (1939), в которой было показано, что оторванное от жизни «идеалистическое» понимание политики привело мир к катастрофе. Поэтому важно выстраивать международную политику «не на рассмотрении того, что "должно быть"», но на исследовании «истинного» положения вещей, то есть политической реальности [\[24, с. 154\]](#). По мнению исследователя, самое концентрированное выражение концепция реализма в сфере международных отношений получила в книге Х. Моргентая «Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace» (1949). Суть концепции американского автора можно выразить следующей цитатой: «...государство не имеет права позволять... препятствовать <тем> успешным политическим действиям, которые сами по себе вдохновлены моральным принципом национального выживания» [\[32, с. 165\]](#). В. В. Зубов в своей статье немалое место уделяет истории происхождения термина Realpolitik, при этом отмечая, например, что оценки политики как «плохой» или «хорошей» несут субъективный, а не объективный характер. Также важно, что конечной целью реальной политики является не власть правителя сама по себе как таковая, а благо государства [\[7, с. 102-103\]](#). Механизмами реалполитик, по мнению В. В. Зубова, могут быть признаны требования Г. Лебона формулировать простые лозунги и совершать наиболее простые политические действия, а также советы К. Шмитта не прибегать к формализованной либеральной политике в условиях, требующих срочных мер [\[7, с. 104\]](#). В. В. Зубов пытается применить термин реалполитик и к анализу международной обстановки, сложившейся после присоединения Крыма к России в 2014 г. В частности, он указывает на то, что хотя администрация США отказалась признавать факт перехода Крыма в юрисдикцию России, понимание общей угрозы терроризма и ядерной войны не могло не сказаться на очередном сближении между ведущими мировыми державами [\[7, с. 106\]](#).

Определение ноополитики (от греч. noos «человеческий разум»), данное американцами Д. Аркилом и Д. Ронфельдом, заключается в том, что ноополитика выступает как международная политическая стратегия в условиях информационного общества, делающая упор на первенство идей, ценностей и работающая скорее через «мягкую» силу [\[26, с. 102\]](#). Отечественные ученые А. В. Байчик, С. Б. Никонов полагают необходимым дать свое определение ноополитики, которая, по их мнению, представляет с о б о й нацеленную на определенный период информационную стратегию манипулирования интерпретациями международных процессов в средствах массовой информации с целью создания у широкой общественности нужного позитивного или негативного отношения к внешней или внутренней политике государства, а также

придания нужной оценки тем или иным провозглашаемым политическим образам и идеям [\[1, с. 208\]](#). В частности, применяя свое понимание термина ноополитик к анализу турецкой внешней политики в период президентства Р. Эрдогана, А. В. Байчик, С. Б. Никонов отмечают, что эта политика, например, заключалась в ряде заявлений и подписанных соглашений, целью которых было не обычное продвижение государственных интересов в духе реалполитики, а пропаганда идеи Турции как моста между Востоком и Европой [\[1, с. 210-211\]](#). По мнению С. Б. Никонова, ноополитика определяет ведущую роль медиакратии с ее «мягкой» политической пропагандой в современную эпоху манипулирования общественным мнением. В данном случае следует особое внимание уделять информационной безопасности [\[17, с. 41-42\]](#).

Наиболее значительными исследованиями по ноополитике являются монография Е. Г. Калугиной и диссертация С. Б. Никонова. В первой работе отмечается, что именно интернет в настоящее время выступает главным инструментом осуществления ноополитики, позволяя действующим во внешней политике субъектам наиболее активно и широко применять специфические информационные методы для достижения своих целей. Политическая дезинформация с целью причинения имиджевого урона здесь выступает наиболее распространенной «технологией» [\[9, с. 239\]](#). Е. Г. Калугина считает, что воздействие на аудиторию с целью создания у нее определенного отношения к тем или иным политическим событиям должно рассматриваться не только через различные медиафреймы (повестки дня), формирующие соответствующую политическую картину, но и через весь комплекс мультимедийных и гипертекстовых элементов, не исключая в том числе подтасовку фактов (например, ссылку на «размытые» источники информации) [\[9, с. 239-241\]](#).

Значительное место в диссертационном исследовании С. Б. Никонова занимает рассмотрение ноополитической стратегии в контексте новой международной политики. Причем, при анализе степени влияния ноополитики на внешнюю политику исследователь считает, что наиболее значимыми являются «международные государственные и «прогосударственные» СМИ, имеющие две и более языковых версий и, соответственно, выступающие в качестве СМИ инструментов, то есть ресурсов, находящихся под влиянием того или иного субъекта политики» [\[17, с. 113\]](#).

Статья О. А. Субботиной и В. Р. Пасиковской представляет несомненный интерес тем, что исследует стратегию ноополитики применительно к кануну СВО на Украине. Довольно точно указано, что противостояние между США и Россией еще с 2014 г. обрело характер «опосредованной войны» (прокси-войны). Исследователи удачно отметили разницу в подходах к пониманию и освещению нынешнего конфликта на Украине. Если для США это конфликт, решающий вопрос политического выбора, то для России – конфликт, связанный с отречением одного государства от общих исторических, культурных и экономических корней с другим государством [\[23, с. 150\]](#). К сожалению, основное содержание самой статьи свелось к выстраиванию в хронологическом порядке предшествовавших началу горячей фазы конфликта событий (заявлений политических лидеров зарубежных стран и ответов на них представителей России). Из всего этого анализа становится ясным лишь то, что Россия намеренно вводила в заблуждение мировую общественность и собственное население, скрывая факт подготовки СВО [\[23, с. 158\]](#).

Как уже отмечалось выше, термин криптополитика используется преимущественно в связке с такими определениями как, например, криптокоммунизм, который, по мнению

исследователей, можно определить как *тайную поддержку или восхищение коммунизмом. При этом отдельные лица и группы могут маркироваться как криптокоммунисты только по той причине, что обнаруживают связи с коммунистами или проявляют признаки сочувствия к коммунистическим идеям* [\[34, p. 257–258\]](#).

Анализ стратегии реалполитики. Современная политика в целом и внешняя политика в частности качественно отличается как от традиционной династической политики древности и средневековья, так и от реалполитик XVIII – XX вв., связанной со становлением национальных государств. Также очевидно, что нынешнее противостояние между странами условного «нового Восточного блока» (Россия, страны СНГ, БРИКС, ШОС) [\[4\]](#) и странами «коллективного Запада» нельзя считать своеобразным переизданием прежнего противостояния двух систем капитализма и социализма. Ситуация усугубляется зачастую лавинообразным изменением внешнеполитической обстановки. Например, казавшийся к концу 2024 г. незыблемым сирийский режим Б. Асада, переживший все волны цветных революций, собственный кризис, ответное успешное наступление сторонников оппозиции, в том числе наиболее опасных в лице террористов ИГИЛ (запрещенная организация в РФ), пал за несколько дней.

Согласно «Британской энциклопедии», термин Realpolitik не переводится как «реальная политика», а, скорее, как «искусство возможного» (по выражению О. Бисмарка), *способность приспособления к существующим условиям, принятия вещей такими какие они есть.* Этот прагматический и деловой взгляд зачастую ведет к пренебрежению этическими и моральными нормами. В дипломатии он ассоциируется с неуклонным, хотя и обоснованным преследованием национальных интересов.

Однако неправильно было бы сводить определение Л. Рохау к «праву сильного». Речь у немецкого политика идет лишь о признании того, что власть подчиняется определенным закономерностям и не может осуществляться по чьему-то произволу. Выразителем реалполитик в отношении Советского Союза и Восточного блока выступал известный американский пропагандист З. Бжезинский. Как справедливо указывает Ч. Гати, он не соглашался с пользой традиционной антикоммунистической риторики, основанной на угрозе применения оружия, и являлся сторонником «мягкой» силы, обращенной, в первую очередь, на ослабление связи между Россией и ее сателлитами в Восточной Европе. З. Бжезинский считал, что реализм состоит в том, что Россия и ее европейские союзники по коммунистическому блоку никогда не были цивилизационно близки. Поэтому американцам следовало привлекать на свои стороны интеллектуальные элиты, показывать преимущество западного образа жизни. Это автоматически подтачивало силу мировой системы социализма [\[27, с. 23–24\]](#). По мнению современного американского политолога Р. Махона, политика США в отношении авторитарных режимов в мире не основывалась на идеологическом принципе. США всегда поддерживали те страны и правительства, которые отвечали их национальным интересам [\[31, с. 205\]](#).

Как считает А. П. Цыганков, мировая политика в современном смысле оформилась относительно недавно, когда обнаружились противоречия между СССР и США. Именно в период «холодной войны» влияние и авторитет в политике приобрели «не только глобальный, но и осознанный характер». Международная политика стала опираться на идеологические основы и использовать все имеющиеся ресурсы [\[20, с. 893\]](#).

В концепции «изнанки» внешней политики А. М. Салмина важное место отводится поддержанию парадигмы сверхдержавы [\[20, с. 703\]](#). К числу других маркеров «изнанки» относятся: 1) экспорт энергетических и сырьевых ресурсов; 2) обслуживание внешнего

долга; 3) дезинтеграция и интеграция [\[20, с. 708-713\]](#).

Говоря о пережитом Россией кризисе, А. М. Салмин отмечает, что после 1991 г. она сохранила менее двух третей территории СССР, чуть больше половины его населения, ее доля в мировом ВВП упала с 8 до 1,5%, а вооруженные силы сократились втрое [\[20, с. 703\]](#). Соглашаясь с исследователем, мы также отметим, что важнейшее значение имеет такой параметр, как размер основной территории страны, который определяет степень ее защищенности. Является историческим фактом, что западная граница России (за небольшими исключениями: Выборг, Калининградская область, Причерноморье, Дагестан) фактически вернулась к временам Василия III и Ивана Грозного. После распада СССР, Россия лишилась наиболее населенных, промышленно и сельскохозяйственно развитых территорий, утратила почти половину населения (150 млн. чел. против 290 млн. чел.). Созданный и возглавлявшийся СССР блок ОВД был распущен, а ключевые его страны-участники стали членами противостоящего России блока НАТО. Вместо пояса сателлитов, простирающегося в отдельных направлениях на тысячи километров, Россия получила протяженные границы с НАТО: финскую, а также прибалтийскую. Балтийское море, восточное и почти все южное побережье которого к 1989 г. контролировалось Советским Союзом и ОВД, фактически превратилось в «озеро НАТО».

Количественные и качественные изменения претерпел состав союзников СССР/России. По сравнению с временами СССР, их число не только резко уменьшилось (за счет стран членов ОВД), но и стало включать преимущественно малоразвитые дезорганизованные страны вроде Сирии (до 2024 г.) или Венесуэлы. К тому же зачастую политические режимы в этих странах оказывались настолько неустойчивыми, что они легко выбывали из числа союзников России. В отличие от России, США, напротив, не только увеличили состав своих клиентских политических режимов, но и достигли максимального политического сплочения мира против России после 1856 г. (Парижский мирный договор) и 1917 – 1922 гг. (Гражданская война в России) соответственно. Об этом, например, свидетельствуют резолюции голосований на Генассамблеях ООН 26 апреля 2023 г., согласно которой Россия была признана «агрессором» даже теми странами, которые традиционно придерживались нейтралитета.

Еще одним ключевым геополитическим параметром резкого изменения баланса сил на международной арене явилось резкое сокращение числа военных баз России. Если СССР в разные годы своего существования имел присутствие на всех континентах, за исключением Антарктиды, Южной Америки и Австралии, то в настоящее время у России сохранились всего две базы за границами бывшего Советского Союза (в Сирии). Однако их статус и будущее после 2024 г. остаются неопределенными. Хотя МИД в лице С.В. Лаврова подтвердил заключение соглашений о создании военных баз России в Эритрее и Судане, это еще не означает их фактического развертывания [\[33\]](#). Базы необходимо будет создать. Между тем на вопрос «Каково число стран, в которых в 2024 г. находились военные базы США?» текст, сгенерированный «Нейро», показал, что «по состоянию на середину 2024 года, согласно рассекреченным данным, США располагали не менее чем 128 военными базами в 49 странах за пределами своей территории» (Нейро, 2025).

Тем не менее в настоящее время Россия подчеркнута сторонится любого намека на архаические и негибкие решения, во многом превосходя здесь даже США и ЕС. Например, трезво взвесив имеющиеся возможности, а также уважая право США на свою нынешнюю национальную безопасность, Россия до сих пор не предпринимает попыток

воссоздать в полном объеме свое былое военно-морское присутствие в различных регионах мира от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии. Переговорные усилия России остаются достаточно гибкими (в Сирии, Судане, Мали, ЦАР, Нигере и т.д.). Российское политическое руководство демонстрирует возможность договариваться с теми силами, которые в данный момент представляют собой политическую реальность.

Отдельную группу параметров реалполитической стратегии составляют уровень валового национального дохода на душу населения (ВНД) и, рассматриваемый нами, показатель потребления хлеба и зерновых. Согласно первой позиции, Россия демонстрирует значительный прогресс по сравнению с временами СССР. Так, по цифрам, предоставленным сервисом «Нейро», в 2024 г. ВНД России был меньше ВНД США примерно в 4 раза, в то время как в 1990 г. он отличался почти в 10 раз (в пользу США). Экономика России в 2024 г. выросла в целом на 1% больше, чем экономика США, хотя и не так сильно, как СССР в 1990 г. (Нейро, 2025). Однако в последнем случае следует учитывать то обстоятельство, что рост экономики СССР происходил в условиях планово убыточного нерыночного хозяйства и не всегда означал рост благосостояния граждан. В этой связи более показательным является такой параметр как потребление хлеба (зерновых) на человека. Обычно, повышенное потребление данного вида пищевых продуктов свидетельствует о нехватке мяса, рыбы, овощей и фруктов в рационе питания, что характерно в первую очередь для автаркичного, малосвязанного с мировым рынком и прогрессивным сельскохозяйственным производством общества, подверженного периодическим продовольственным кризисам. Если жители СССР в 1990 г. потребляли хлеба больше чем в США почти на 50 кг., то в настоящее время (в 2024 г.) разница практически отсутствует. По мнению Д. Д. Князевой, уменьшение потребления хлебных изделий, объясняется ростом культурных и экономических ресурсов человека. Более состоятельные граждане тратят на покупку хлеба меньше, чем наименее состоятельные граждане [\[10, с. 72\]](#).

Очевидно, что нынешнее российское правительство имело возможность снизить ВНД и другие социально-экономические показатели для преодоления последствий геополитической катастрофы, прибегнув к традиционной авральной модели выхода из кризисной ситуации, тотальной мобилизации экономики и людских ресурсов. Однако не стало делать этого, продолжив курс на сохранение и даже дальнейшее повышение уровня жизни населения России.

Таблица 1. Стратегия реалполитики. Сравнение балансов сил сверхдержав СССР и США в международной политике в эпоху холодной войны (1945 – 1991 гг.) и первой четверти XXI в. (2001 – 2022 гг.).

	Параметры	«Холодная война» (1945 – 1991 гг.)	Современная эпоха (2001 г. – н.в.)	Баланс сил на начало 2025 г.
1.	Размер основной территории и степень ее защищенности (наличие т.н. «пояса безопасности» географического или из стран-сателлитов).	СССР – территория сопоставимая с ее территорией Российской империи на 1914 г. (СССР 22 402 200 кв. км.; РИ – 22 800 000 кв. км.), наличие ОВД (Организации Варшавского	Россия – минимальная площадь территории с конца XVII в. (17 125 191 кв. км.). Потеряны наиболее густонаселенные и обладающие значительным промышленным	Геополитическая катастрофа России, возвращение ее западных границ к временам Василия III и Ивана Грозного (за исключением полуэксклава «Калининградская

		<p>договора), в которую входило большинство стран Восточной Европы, в том числе такие развитые как ГДР, Чехия, Польша Венгрия.</p> <p>США – территория, фактически равная территории С-А. США на 1914 г. (США и С.-А. США без учета колоний 9 147 590 кв. км.), наличие НАТО (Организации североатлантического договора), в которую входили ведущие промышленно развитые западноевропейские страны: ФРГ, Франция, Великобритания, Италия, Испания.</p>	<p>сельскохозяйственным потенциалом территории на западе, юго-западе и юге (ок. 5 млн. кв. км.), распад ОВД и замена его «рыхлой» структурой ОДКБ, включающей не все бывшие советские республики.</p> <p>США – территория без изменений, расширение НАТО (включение в ее состав основных участников ОВД: ГДР, Чехии, Польши, Венгрии, а также присоединение к блоку нейтральных Швеции и Финляндии).</p>	<p>область» и части Северного и Восточного Причерноморья, Дагестана), военные действия по всей юго-западной границе от Курской области до устья Днепра. Превращение Балтийского моря в «озеро НАТО».</p> <p>Апогей геополитического могущества США.</p>
2.	Наличие качество союзников (или сателлитов).	<p>СССР – страны ОВД Куба, Сирия, Монголия, Северная Корея, Вьетнам. Временно: Китай, Югославия, Албания, Эфиопия и т.д.</p> <p>Наличие среди союзников как промышленно развитых стран, так и стран «третьего мира».</p> <p>США – промышленно развитые страны НАТО, а также, например, богатые хорошо разработанными и доступными ресурсами страны Персидского залива: Саудовская Аравия.</p>	<p>Россия – Сербия, Белоруссия, Куба, Венесуэла, Никарагуа, Сирия (до конца 2024 г.), Северная Корея.</p> <p>Тактический («ситуативный») союзник: Китай.</p> <p>Явное уменьшение числа союзников и превалирование среди немногих оставшихся небогатых и небольших по площади стран.</p> <p>США – увеличение числа союзников за счет бывших членов ОВД и прибалтийских советских республик.</p>	<p>Геополитическая катастрофа России, тенденция к ее международной изоляции, сравнимой с временами Крымской и Гражданской войн, (отсутствие союзников в Европе).</p> <p>Положение несколько смягчается наличием «ситуативных» условных «союзников»: Словакия, Венгрия, Китай.</p> <p>Апогей геополитического</p>

3.	Наличие радиолокационных, военно-морских и военно-воздушных баз за границами сверхдержавы.	СССР – ГДР, Польша, Куба, Эфиопия (ныне территория Эритреи), Ливия, Сирия, Вьетнам и др. США – Куба, страны НАТО, Япония, Южная Корея, Тайвань и т.д.	Россия – Куба (до 2002 г.), Ливия (до 2011 г.), Сирия (в настоящее время существование баз под вопросом), Вьетнам (до 2002 г.). Предположительно возможна организация баз в ЦАР, Мали, Египте, Судане, Эритрее, Мадагаскаре и Мозамбике. Подтвержденные данные имеются только по Эритрее и Судану. США – максимальное увеличение числа военных баз по всему миру (128 баз в 49 странах). Число закрытых баз незначительно (например, в Узбекистане, Афганистане, Ираке). Усиление геополитического и военного присутствия США непосредственно у границ России.	могущества США. Геополитическая катастрофа, купируемая попытками России сохранить базы в Сирии и увеличить военное присутствие в Красном море и странах Восточной Африки. Апогей геополитического могущества США.
4.	Уровень валового национального дохода на душу населения (качество жизни граждан).	СССР (1990 г.) – 2763 долл.; рост экономики – 8,4%. США (1990 г.) – 23640 долл.; рост экономики – 1,86%.	Россия (2024 г.) – 14250 долл.; рост экономики – 4,1%. США (2024 г.) – 85370 долл.; рост экономики – 2,8%.	Продолжающийся экономический рост в России, несмотря на санкционное давление и неблагоприятную международную рыночную конъюнктуру. Снижение темпов экономического роста в США, но в целом сохраняющееся

				экономическое лидерство США в мире.
5.	Показатели потребления хлеба и зерновых на человека.	СССР (1990 г.) – 164 кг., США (1990 г.) – 108,8 кг.	Россия (2024 г.) – 86,9 кг., США (2024 г.) – 82 кг.	Значительное снижение степени экономической независимости России в промышленном производстве, компенсирующееся более развитой логистикой и диверсификацией экспортно-импортных потоков. Возрастание степени продовольственной независимости России (по сравнению с СССР) за счет успехов современного сельского хозяйства. Невозможность США с помощью санкций добиться резкого снижения уровня жизни российского населения.
Итог.	Конечное соотношение сил.	СССР – 1+1+1+0+0 = 3 из 5. США – 1+1+1+1+1 = 5 из 5.	Россия – 0+0+0+1+1 = 2 из 5. США – 1+1+1+1+1 = 5 из 5.	Россия – совокупная сила резко упала в п.п. 1–3, значительно возросла и стабилизировалась в п.п. 4–5. США – совокупная сила значительно возросла в п.п. 1–3, незначительно уменьшилась в п.п. 4–5.

Как показал проведенный нами анализ стратегии реалполитики, она включает в себя как

геополитические, так и социально-экономические параметры. К числу геополитических параметров относятся: 1) размер основной территории и степень ее защищенности; 2) наличие и качество союзников; 3) наличие военных баз за границами страны. К числу социально-экономических: 4) уровень валового национального дохода на душу населения (ВНД); 5) уровень потребления хлеба и зерновых. Итоговый баланс указанных параметров определяется конечным соотношением сил. По сравнению с 1990 г., совокупная геополитическая сила (могущество) России в 2022 – 2024 гг. резко упала. При этом, напротив, социально-экономические параметры продемонстрировали явную положительную качественную и количественную динамику по сравнению с показателями СССР.

Таким образом, можно дать следующее определение реалполитики. Реалполитика (реалистическая политика) в современной российской внешней политике представляет собой стратегию достижения политических (в том числе геополитических) целей, исходя из имеющихся у государства реальных экономических и военно-дипломатических возможностей *в данный конкретный исторический период времени, а не из признания исключительности его национальных интересов, которые могут носить более долгосрочный характер.*

Проведенный выше разбор позволяет выявить следующие особенности стратегии реалполитики России в условиях проведения СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России.

Анализ стратегии ноополитики. Второй важнейшей дефиницией для анализа особенностей российской внешней политики на современном этапе, особенно в связи с проведением СВО, следует признать термин ноополитик. Если в рамках использования определения реалполитик нам представлялся более удобным сравнительно-исторический метод, то в данном случае предпочтительным выглядит структурно-функциональный подход, позволяющий сравнить позиции непосредственно всех трех участников текущего конфликта на Украине: России, Украины и стран коллективного Запада.

После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г., а особенно после начала СВО в феврале 2022 г. возникла иллюзия возврата к временам существования Советского Союза и Восточного блока. Однако в настоящее время Россия: а) не находится в абсолютной политической изоляции, б) не является страной за «железным занавесом». Также в России, несмотря на призывы определенной части радикально настроенной интеллигенции (например, А. Дугина), не отмечено восстановление какой-либо формы идеократии. Статья 13 Конституции РФ остается незыблемой. Тем не менее в определенный период проведения СВО, особенно после некорректных и провокационных заявлений бывшего президента США Д. Байдена в адрес действующего российского руководителя В. В. Путина, политики ужесточения санкций, решений так называемого «международного уголовного суда» (МУС), у части общественных деятелей сложилось мнение о необратимом характере изоляции России. Предполагалось, что поддержка Украины и в частности администрации В. А. Зеленского будет только возрастать, а изоляция В. В. Путина усиливаться. Аналитики отмечали кардинальную перестройку международных отношений, заключавшуюся в том, что даже Швеция, в течение двух столетий придерживавшаяся позиции строгого нейтралитета, вступила в военно-политический блок НАТО. С геополитической точки зрения это означало начало

фактической ревизии не только того баланса сил, который сложился после 1991 г., но и гораздо ранее, в результате получения Россией выхода к Балтийскому морю в начале XVIII в. и по итогам Русско-шведской войны 1808 – 1809 гг. Вновь, хотя на неофициальном уровне, стали звучать призывы к тому, чтобы удалить Россию из Европы, поставив под сомнение ее обладание Крымом и даже Калининградской областью. Более того, например в Эстонии, было высказано предложение о том, что следует ограничить плавание российских судов в Балтийском море.

Тем не менее, несмотря на беспрецедентное давление, администрация российского президента В. В. Путина обнаружила высокую степень выдержки и ответственности, не поддавшись эмоциональным ответным действиям и заявлениям, сопряженным, например, с полным разрывом отношений с США, дальнейшей эскалацией напряженности, повышением «ставок» во внешнеполитической игре.

Констатируя факт прекращения традиционных российско-американских связей, руководство России не раз подчеркивало, что всегда сохраняет готовность к прямому диалогу между двумя мировыми сверхдержавами и при этом выражает сожаление о недопустимо низком уровне отношений с США, продолжает уважительно относиться к национальным интересам и безопасности Соединенных Штатов, Сирийской республики (после свержения дружественного режима Б. Асада) и даже тех стран ЕС, которые проводят открыто недружественную, враждебную политику в отношении России.

С приходом администрации нового президента Д. Трампа, данный расчет российского правительства показал свою полную состоятельность и соответствие самым высоким критериям принципов *ноополитик как «мягкой» силы*. В первой половине февраля 2025 г., почти сразу после инаугурации Д. Трампа и передачи дел прежней администрацией, начались прямые российско-американские контакты на самом высшем уровне. Новым президентом США Д. Трампом было специально отмечено, что Россия никогда не теряла уважения к его стране, даже если благодаря действиям некоторых политиков имела право на своеобразные контрмеры. Президент США также отметил, что Россия В. В. Путина могла бы использовать свой арсенал для полного уничтожения Украины, однако не сделала этого. Здесь, вероятно, Д. Трамп имел в виду приверженность России одному из принципов *ноополитик*, согласно которому всегда следует отдавать приоритет не «жесткой», а «мягкой» силе.

Действительно, следует согласиться с тем, что российское руководство обнаружило высокую степень профессионализма, давая понять, что не воюет против Украины, но реально проводит специальную военную операцию, заключающуюся в точечном нанесении поражений вооруженным силам противника, военным объектам, избегая массовых разрушений гражданской сферы. Тем самым Россия продемонстрировала, что ставит во главу угла не грубую силу, а стремление показать населению Украины, что никогда не рассматривала Украину как чужое государство, а его население как чужое население. Об этом в настоящее время, например, может свидетельствовать информация агентства Reuters о том, что Россия готова финансировать восстановление разрушенной в ходе конфликта инфраструктуры (причем не только в вошедших в состав России новых регионах).

Таким образом, оценивая современное состояние международных отношений через понятие *ноополитики*, следует выделить следующий параметр: наличие политической идеологии у сторон. В виду того, что в странах коллективного Запада, по крайней мере с конца 1970-х гг., сложно вести речь о какой-либо четко выраженной идеологии, следует сравнить наличие идеологических императивов у России и Украины.

На первый взгляд, и Россия, и Украина придерживаются одинакового отказа от обязательной господствующей политической идеологии. Этот принцип зафиксирован в конституциях обеих стран. Однако та же украинская конституция дополняется пунктом, в котором фактически провозглашается курс на создание геополитической угрозы России путем отказа от нейтрального и внеблокового статуса, разрыв со странами СНГ в форме заявленного стремления к вхождению в ЕС и НАТО (ст. 85). Дополнительно обращает на себя внимание тот факт, что, например, в России отсутствуют нацистские лозунги или те, которые могли бы быть интерпретированы таковыми. Иногда применяющееся на территории проведения СВО приветствие «Слава России!» не только не носит официального статуса, но зачастую не воспринимается населением. Так, по результатам проведенного опроса, лозунг «Слава России!» набрал меньше всего голосов (17%), уступив место другим лозунгам, где упор делался не на прославление страны Россия, а, скорее, на пожелание ее процветания. Например, «Да здравствует, Россия!» (61%) [\[21\]](#). По мнению немецкого историка К. Струве, лозунг «Слава Украине!» первоначально использовался украинскими националистами. Его официальное признание (с 2018 г. как официального приветствия в полиции и армии) было инициировано «сверху» и в настоящее время выражает именно националистический нарратив, формируя государственную политику Украины [\[30\]](#).

Тем не менее, по данным YandexGPT, одной из важнейших функций медиа выступает идеологическая, заключающаяся в помощи в «социализации личности, освоении определенного опыта, знаний, норм и традиций» (Нейро, 2025). Следует признать, что если структурный элемент «наличие политической идеологии» на Украине и в странах коллективного Запада в форме приверженности идеям национализма и государства-нации работает в полном объеме, осуществляет свой функционал, то в российской ноополитической стратегии он является «выключенным», недействующим.

Еще одним маркером ноополитик в нынешних внешнеполитических условиях выступает привлекательный внешний образ страны. Как и в случае с наличием политической идеологии, позиция стран коллективного Запада в этом смысле отличается известной инерционностью. В виду особенностей политической истории второй половины XX в. – первой четверти XXI в., ни ЕС, ни США не приходится «доказывать» преимущества своей общественной системы. Традиционно на коллективный Запад продолжают работать не только превознесение «западного» образа жизни, пропаганда преимуществ «европейской» цивилизации (культурный европоцентризм), но и наблюдаемое с начала 1990-х гг. возвращение к образу защитника модернизирующихся народов, ведущих борьбу с деспотическими и архаическими режимами. Например, еще в 1993 г. была опубликована своеобразная «методичка» Д. Шарпа, также называемая «библией оранжевой революции» [\[24\]](#). При этом уже с начала 2000-х гг. имеет место разочарованность европейских элит США и необходимость, по мнению Г.-П. Мартина и Х. Шумана строить объединенную Европу с рынком из полумиллиарда человек [\[13, с. 307\]](#). Выйдя победителем из «холодной войны» коллективный Запад как бы по умолчанию получил имиджевое алиби. В то же время России, как в свое время СССР, вновь приходится работать над привлекательным внешним образом страны, в значительной степени оказавшимся дискредитированным как в советский период, так и в период геополитического и социально-экономического острого кризиса 1990-х гг. XX в.

Согласно YandexGPT, креативно-интеграционная функция медиа заключается в расширении «познаний о мире с разных точек зрения, адаптации человека к окружающей среде», а также в объединении «государств, стран и народов, помощи во

взаимопонимании разных культур и традиций» (Нейро, 2025). В данном случае стоит отметить, что все три стороны конфликта (Россия, Украина, коллективный Запад) активно используют указанный функционал.

Стоит обратить внимание на то, что Россия и Украина избрали диаметрально противоположные стратегии после 2014 г. Если до переворота, приведшего к власти нынешнюю политическую элиту в Киеве, Россия и Украина позиционировали себя как постсоветские республики, открывающиеся миру, то впоследствии Россия сделала упор на преемственность с образом СССР и дореволюционной России. Украина, не имеющая глубоких корней государственности (или конструирующая ее из фантомных квазиисторических «Киевской Руси» и «казацкой Украины») стала пропагандировать себя как часть Европы, противостоящая агрессивной вековой деспотической России.

По нашему мнению, обеими сторонами здесь были допущены ошибки. Например, не всегда с позиции концепции ноополитик как «мягкой» силы может быть оправданной апелляция России к своему ядерному арсеналу, образу самого крупного хищного млекопитающего в Европе (бурого медведя), хотя бы даже этот анималистический код имел культурно-исторические корни и прочно бы ассоциировался со страной. Если позиция России в некоторых случаях представляется несколько маскулинной, то позиция Украины – заведомо подчиненной, слабо вписывающейся в традиционный восточнославянский образ не знающей никаких хозяев «Русской земли». Тем не менее пока Украине удастся создать более привлекательный для мира символ страны в образе якобы страдающей от насильника прекрасной женщины (см., например, многочисленные акции украинских феминисток по всему миру).

Еще одним параметром, характеризующим следование принципам ноополитик в современных условиях, мы бы назвали дипломатические качества политического руководства. Выше уже было указано на то, что Россия, несмотря на беспрецедентное внешнее давление и откровенные провокации, проявила максимум дипломатической выдержки и такта. В частности: 1) не были свернуты и разрушены механизмы Совбеза ООН, а также прерваны дипломатические отношения даже с теми странами, которые фактически осуществляли акты вооруженной агрессии против России; 2) при имевшейся военной возможности не был использован весь арсенал обычного стратегического оружия для создания масштабных разрушений гражданской инфраструктуры на Украине; 3) Россия последовательно воздерживалась от шумных пиар-акций в том числе в ответ на провокационные действия не только украинской, европейской, но, в первую очередь, американской стороны в период президентства Д. Байдена; 4) Россия продолжила посылать сигналы Западу о том, что готова к разумным компромиссам и соглашениям на основе принципа признания «реалий на земле»; 5) несмотря на призывы радикально-патриотических кругов, администрация В. В. Путина дала понять, что не стремится к уничтожению существования Украины как суверенного государства и признает весь комплекс базовых международных соглашений, заключенных начиная с 1991 г. При этом, даже осознавая несправедливость многих из подписанных и принятых в период президентства Б. Н. Ельцина документов, Россия ни в одном официальном заявлении не провозгласила стремления «реставрировать» СССР или Российскую империю.

Таким образом, следует признать, что посредническая функция, заключающаяся «в установлении контактов между различными социальными группами» (Нейро, 2025), с точки зрения дипломатических качеств политического руководства страны, в рамках ноополитической стратегии реализуется Россией максимально полно и эффективно.

Главные возражения некоторых общественных деятелей, например, Д. Л. Быкова

(признан иноагентом в РФ), состоят в том, что якобы Россия, испытав отрезвление, поняв свою слабость, вынуждено пытается быть сдержанной и миролюбивой. Тем не менее является историческим фактом то, что в 2014 г. Россия имела возможность взять под контроль территорию всей Украины, включая государственную границу с Польшей, Словакией, Венгрией и Румынией, однако не сделала этого, очевидно не желая обрушивать в одностороннем порядке сложившийся в 1991 – 1994 гг. мировой порядок.

Разительный контраст между поведением глав государств России и Украины наглядно проиллюстрировал скандал, разразившийся в ходе визита В. А. Зеленского в Белый дом 28 февраля 2025 г., связанный не столько с провалом переговоров, сколько с вопиющим нарушением дипломатической этики. Но и в этом случае главные российские официальные лица сохранили необходимую выдержку. Например, В. В. Путин никак не высказался о стиле ведения переговоров своим визави. В целом, самонадеянное и недипломатичное поведение В. А. Зеленского не пошло на пользу укрепления внешнеполитической позиции Украины.

На фоне этого Россия продолжила политику совмещения применения необходимой прямой военной силы с «мягкой» силой. Последняя, очевидно, включает в себя элементы: а) создания импортозамещающих кластеров в экономике; б) поддержку науки и образования; в) использование возможностей информационно-сетевых технологий.

Возможно, впервые с начала XX в. Россия не стала становиться по-настоящему закрытой страной и сама выступила источником всевозможных нарративов, иногда носящих крайне неформальный характер (например, трансляция в соцсетях ролика «Сигма бой»). Это не могло вызывать беспокойства у определенных кругов на Западе, постоянно подталкивающих Россию к традиционным ответам: объявлению полномасштабной тотальной войны, созданию жесткой идеологии, «завинчиванию гаек», тотальной цензуре, поиску «друзей» и т.п.

С. Б. Никонов последовательно выделяет следующие составные функциональные уровни ноополитических медиа: 1) гипертекстовый уровень (заголовки, ссылки на другие материалы); 2) мультимедийный уровень (фото и видеоизображения); 3) интерактивный уровень (комментарии пользователей) [\[18, с. 113–115\]](#). Тем не менее сложно согласиться с утверждением А. В. Байчик, С. Б. Никонова о том, что «информационная операция быстротечна» потому что прежняя информация быстро «затирается» новой или информационным шумом [\[1, с. 207–208\]](#). Возможно, неточность вывода авторов проистекает от того, что они анализировали преимущественно мирный период российской внешней политики. Ход нынешней СВО демонстрирует довольно протяженные (с начала 2022 г.) пиар-акции как со стороны Украины, так и со стороны России.

Наиболее объективным и в то же время как бы суммирующим четыре вышеуказанных параметра (наличие политической идеологии; привлекательный внешний образ страны; дипломатические способности лидеров; наличие «раскрученных» информресурсов) нам представляется последний показатель, то есть присутствие влиятельных, охватывающих максимальную половозрастную активную аудиторию, медиа. Важность данного показателя диктуется тем обстоятельством, что сама суть ноополитик предполагает активное использование современных медиа, прежде всего интернет-ресурсов, социальных сетей, различных коммуникационных программ, поисковых служб и т.д. В условиях СВО как никогда большое распространение получили не официальные каналы информации, а медиасфера, сообщения различных блогеров, формирующих состав, качество и количество акторов происходящей *информационной войны*. Часто возникает ситуация, когда сообщения военкоров и блогеров оказывались гораздо полнее, точнее

и, самое главное, свежее той картины, которую сообщали традиционные СМИ. По мнению современных исследователей, новые медиа превратились в оперативный «источник фото- и видеоконтента с места событий», когда возможность онлайн-трансляций заметно чаще используется в проведении различных политических мероприятий, в том числе для передачи наиболее актуальной, «свежей» информации [5, с. 165].

Согласно YandexGPT, среди функций медиа дополнительно выделяется просветительно-справочная функция, выражающаяся в публикации «полезного контента, который повышает уровень образованности аудитории в рамках определенного сегмента рынка», а также обеспечивает «удовлетворение информационных запросов пользователей относительно продукции, которую предлагает бренд» (Нейро, 2025).

Оценка российского, украинского и западного функционалов при анализе «своих» медиа носит противоречивый характер. Как константу следует принять безусловное лидерство англоязычного, то есть управляемого странами коллективного Запада контента. Несмотря на факты взаимных блокировок различных медиа, в том числе в США, само число и массовость соответствующих площадок заведомо ставит страны Запада в выигрышную позицию. Вещаящий на английском языке и рассчитанный на англоязычную аудиторию, телеканал RT (ранее Russia Today) был признан на Западе пропагандистским. Его вещание после февраля 2022 г. было парализовано в странах ЕС и США. В условиях СВО, и в России, и на Украине значительно возросло число заблокированных решениями властных органов (в нарушение конституций обеих стран) интернет-ресурсов. Хотя блокировка во многих случаях носит неполный характер и достаточно легко обходится путем использования соответствующих специальных программ, тем не менее надо признать, что позиция России в целом носит оборонительный, а значит в стратегическом или по крайней мере в тактическом отношении проигрышный характер. Благодаря поддержке коллективного Запада, Украине в целом удалось сделать своим информационным оружием такие мощные сетевые проекты как «Википедия»*, YouTube*, Facebook* и Google* (здесь и далее, если отмечено знаком*, ресурс признан в РФ иностранным, нарушающим законодательство, экстремистским или запрещен). Единственным пока успешным российским контрресурсом следует признать социальную сеть ВК, а также, с оговорками, мессенджер Telegram* (в значительной мере аналог WhatsApp*, но не в части, например, видеозвонков и проведения конференций). Хотя Telegram* и имеет российское происхождение, в настоящее время его сервера и головной офис находятся вне России.

По данным аналитической компании Mediascope, в результате блокировки в России Facebook* и Instagram* произошло увеличение аудитории социальной сети ВК. Число пользователей Facebook* уменьшилось с января по июль 2022 г. в восемь раз, а Instagram* почти в четыре раза. Наибольшую выгоду из сложившегося положения вещей извлек Telegram*. Суточная аудитория данного ресурса в России возросла за полгода на 66%, до 41, 5 млн. человек [5, с. 165].

Хотя политтехнологи отмечают, что ряд Telegram-каналов* перестал восприниматься аудиторией всерьез, в виду увеличения числа недостоверной, фейковой информации, в целом Telegram как медиаресурс сохраняет свое лидерство. При этом все большую популярность получают сервисы, основанные на визуальном контенте: «Яндекс Дзен», Rutube, YouTube* и Instagram*. Исследователи данный факт объясняют тем, что большинство людей являются визуалами, лучше воспринимающими действительность через картинку, видео, а не через текст [5, с. 166–167].

В последнее время во внешней политике резко возрастает значимость постов и заявлений высших должностных лиц государств, размещаемых исключительно в сети. Например, в ходе продолжающейся словесной пикировки между президентом Д. Трампом и В. А. Зеленским первый регулярно использует собственную социальную сеть Truth Social для ироничных комментариев к громким заявлениям украинского лидера. При этом следует отметить, что В. В. Путин до сих пор не имеет своего медиаресурса и даже аккаунта в интернете, объясняя данную ситуацию своей большой загруженностью. Такая позиция явно не вписывается в концепцию ноополитик. Не будет большим преувеличением сказать, что политический субъект не существует в ноополитике как актер, если не имеет своей виртуальной «копии». Хотя нежелание В. В. Путина иметь сетевой аккаунт может объясняться вопросами безопасности и консервативными убеждениями президента, в условиях все возрастающей роли интернет-ресурсов подобная тактика вряд ли будет способствовать продвижению точки зрения самого В. В. Путина, ее популяризации, в том числе среди молодежи.

Слабой стороной российских медиа остается отсутствие полноценного аналога «Википедии»* хотя бы в части информации связанной с Россией. Имеющиеся функциональные проблемы у ряда российских платформ. Например, проведение видеоконференций и видеозвонков в ВК и Telegram* по-прежнему остается менее удобным, чем в Zoom* и WatsApp*. Видеохостинг Rutube из-за непродуманной рекламной составляющей и малой наполненности контентом явно проигрывает YouTube* в популярности и охвате аудитории, особенно зарубежной. К числу достижений российских медиа следует отнести резкое снижение популярности в России социальной сети Facebook*, поисковика Google* и усиление позиций ВК, Telegram* и Yandex*.

Таблица 2. Стратегия ноополитики. Анализ эффективности проведения сторонами конфликта информационной войны в период СВО.

Параметр	Россия	Украина	Коллективный Запад
Наличие политической идеологии. Идеологическая функция.	Отказ России от государственной идеологии, переход к «мягким», опосредованным формам проведения государственной и национальной политики. См.: ст. 13, п. 1 и 2 Конституции РФ. Признание ценности многообразия культур, цивилизаций и отказ навязывания	Отказ Украины от государственной идеологии. См.: ст. 15, п. 1 и 2 Конституции Украины. Указание на стратегический внешнеполитический курс по вступлению в ЕС и НАТО. См. с. 85. п. 5. Воинствующий национализм, граничащий с нацизмом, вопреки ст. 10 и 11 Конституции Украины (см. имеющиеся официальные или	Поддержка идеи государства-нации.

	«идеологических и ценностных установок». См. Разд. 4. «Концепции внешней политики РФ». Отсутствие «нацистских» лозунгов и официального статуса приветствия «Слава России!».	полуофициальный статус лозунги: «Слава Украине!», «Украина превыше всего!»).	
Привлекательный внешний образ страны. Креативно-интегративная функция.	Бурый медведь в качестве символа правящей политической партии «Единая Россия». Подчеркивание возможности применения Россией сил стратегического ядерного сдерживания. Изменения в доктрине «Ядерной безопасности России», заключающиеся в расширении возможности применения ядерного оружия. См. Разд. 3. п. 18.	Тиражируемый украинскими активистами и главным образом европейскими СМИ образ Украины как «жертвы агрессивного соседа», государства, сражающегося за «свободу Европы и мира». Представление Украины в образе страдающей, подвергающейся насилию, женщины.	Превознесение «западного» образа жизни, пропаганда преимуществ «европейской» цивилизации. Возвращение к образу защитника модернизирующихся народов, ведущих борьбу с деспотическими и архаическими режимами.
Дипломатические качества политического руководства. Посредническая функция.	Строгое соблюдение российскими высшими должностными лицами норм дипломатического протокола.	Вызывающее нарушение украинскими высшими должностными лицами норм дипломатического протокола.	Не имеющий аналогов в новейшей истории дипломатический скандал в отношениях между США и Украиной.
Наличие «раскрученных»	Достаточно условная	Более успешная блокировка	Лидерство англоязычных

(т.е. влиятельных, охватывающих максимальную половозрастную активную аудиторию) информационных ресурсов. Просветительско-справочная функция.	блокировка враждебных России и ее правительству ресурсов. Свободный доступ российских пользователей «Википедии»*, Google*, WhatsApp*. Ограниченный (но возможный) через использование специальных программ YouTube*, Facebook*). Удачная попытка замены западных интернет-продуктов ресурсами службы Mail.ru, поисковой сетью Yandex, социальной сетью ВК. Недостаточная популярность Rutube. Невозможность полной замены YouTube* и WhatsApp*.	«враждебных» режиму ресурсов из-за большей националистической сплоченности общества фактического кразгрома «пророссийской» оппозиции до 2022 г. Стремление снизить использование украинцами социальной сети ВК, эффективное использование ресурсов «Википедии»*, YouTube*, Facebook* для пропаганды точки зрения украинских властей на характер и ход СВО.	сетевых информационных ресурсов: «Википедия»*, YouTube*, WhatsApp*, Facebook* Google*.
Итоговая эффективность.	ВК ++ Yandex ++ Mail.ru ++ Rutube + YouTube* -- Google* -- Telegram* ++	ВК -- Yandex -- + Mail.ru -- Rutube -- YouTube* ++ Google* + Telegram* -- +	YouTube* ++ Google* + Telegram* -- + Zoom* + Facebook* ++ (Блокировка RT).

Zoom* –	Zoom* +	
Facebook* – –	Facebook* + +	
«Царьград» (на февраль 2025 г.)	УНИАН* (на февраль 2025 г.)	
– число просмотров на YouTube*	число просмотров на YouTube*	
398 993 927.	– 5 273 765).	
Примечание: + (положительный эффект), – (отрицательный эффект).		
«Новороссия» (на декабрь 2024 г.)		
число просмотров в Rutube – более 22 млн.		

Отдельного внимания заслуживают информационные каналы: российские «Царьград» и «Новороссия» (представленные в основном на платформах Yandex.dzen и Rutube) и украинский УНИАН* (представлен, помимо основного сайта, на платформе YouTube*). Как показывает изучение полученной с помощью ресурса YandexGPT статистики, число просмотров канала «Царьград» на наиболее популярной и имеющей международное значение платформе YouTube* сильно уступает числу соответствующих просмотров украинского УНИАН* (389 тыс. просмотров против 5 млн. просмотров).

Дополнительно проведенный контент-анализ заголовков материалов интернет-канала «Новороссия» выявил их зачастую провокационный и неблагоприятный в целом для российской стороны характер. Так, зачастую для материалов «Новороссии» характерны провокационные названия. Например: «ВСУ добились главной цели под Курском, готовится второй раунд...» (07.02.25). При этом, как следует из статьи, речь идет о высказывании военблогера Р. Алехина, который пишет, что ВСУ, несмотря на большие потери, удалось добиться незначительного увеличения буферной зоны. Однако данное мнение не только не отражает смысла всей статьи, но и вводит читателей в заблуждение. Так же совершенно неуместен коллаж в начале материала, изображающий прорыв танков под украинскими флагами, и надпись бегущей строкой «наступление на Курск». По некоторым заголовкам невозможно определить, какую из сторон конфликта имел в виду автор статьи. Например, «После звонка Путину весь фронт пришел в движение. Поезда везут войска. Северяне: "Будет новый прорыв. Направление известно"».

Всего нами было проанализировано 96 заголовков материалов. В январе 2025 г. соблюдался практически баланс между негативными и позитивными в отношении ВС РФ статьями. В феврале 2025 г. число позитивных в отношении ВС РФ резко увеличилось и фактически они стали преобладать. Тем не менее почти 2/3 заголовков продолжают сохранять двусмысленный, причем не в пользу российской стороны, характер.

Проведенный анализ ноополитической стратегии России, позволяет предположить, что значительно уступая западным медиа в возможности влияния на мировое общественное мнение, а также на мнение жителей Украины, Россия в меньшей степени, чем ее оппоненты, может использовать возможности манипулирования общественным мнением и создания нужных образов (практическое неиспользование идеологической функции, слабое – креативно-интегративной). Российская стратегия ноополитик пока носит в целом оборонительный, защищающийся характер. Транслирование «своего» контента сильно ограничивается не только блокировкой российских информационных ресурсов на Западе (телеканал RT), но и недостаточным развитием российских аналогов некоторых популярных западных медиаресурсов (нуждающийся в развитии справочно-просветительский функционал). Положительные примеры сравнительно редки, хотя и достаточно эффективны (например, распространение в медиа песни «Сигма бой», ассоциирующейся в «мягкой» силой России).

Таким образом, ноополитику следует определить как глобальную информационную стратегию транслирования определенных идеологических, культурно-исторических нарративов, *в том числе с помощью дипломатического искусства и специальных медиаресурсов.*

Анализ стратегии ноополитики, применительно к российскому внешнеполитическому курсу на современном этапе в условиях проведения СВО, позволил выявить ее следующие особенности: 1) оборонительный, защищающийся характер информационной стратегии российских медиа; 2) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов.

Анализ стратегии криптополитики. Мы уже указывали на то, что существующий в литературе термин криптополитика нуждается в уточнении в соответствии с изменившейся повесткой дня. Как мы считаем, под криптополитикой можно понимать не только тайную симпатию к каким-либо политическим идеологиям (коммунизму, нацизму, либерализму и т.д.) при внешнем следовании общепринятым в данном социуме установкам, но и неявное использование различных неофициальных или полуофициальных нарративов, в том числе выстраивающих политическую идентичность. Например, роль советского наследия остается очень значительной при проведении СВО на Украине. К фактам условной эксплуатации прежнего идеологического ресурса можно отнести в том числе использование отдельными частями ВС России красного знамени Победы, апелляцию к победе в Великой Отечественной войне, к единству и дружбе народов в рамках СССР, указание на то, что «декоммунизация» на Украине фактически вылилась в борьбу со всем русским и т.д.

Криптополитическая стратегия, применительно к СВО, на Украине реализуется прежде всего через приверженность скрытой идеологии и использование тайной дипломатии. Приверженность той или иной доктрине (коммунизму, национализму, идеологии «глобализма» и «цветных революций») каждой из сторон (Россией, Украиной, коллективным Западом) часто маскируется. Наиболее значимым и успешным для российской стороны в рамках тайной дипломатии следует признать факт проведения предварительных переговоров между Россией и США в 2025 г. (по заявлению сторон) в Саудовской Аравии. Примером крайне неудачных секретных переговоров и дипломатических шагов для Украины – переговоры с Россией в 2022 г. в Стамбуле и «План победы» В. А. Зеленского. Коллективный Запад в этой ситуации обнаруживает широкий спектр возможностей от попыток отдельных стран Европы строить самостоятельную внешнюю политику, до начала некоторого сближения позиций России и США.

В условиях гораздо более жестоких преследований инакомыслящих на Украине, объясняемых как большей агрессивностью националистической идеологии, так и военным положением, больше значение получает анонимность пользователей сети. Исследователи отмечают, что сама специфика интернет пространства характеризуется виртуальностью, анонимностью и конфиденциальностью [\[5, с. 167\]](#). Зачастую гражданам приходится скрывать свои истинные политические убеждения, чтобы не быть подвергнутыми репрессиям.

Также следует обратить внимание на связь понятий ноополитика и криптополитика. Этим связующим звеном между ними выступают различные медиа, а также понятие политической идентичности. По мнению Д. Матисона, рекламные медиапосылы и дискурсы могут содержать *скрытый* текст [\[14, с. 67\]](#). Политическая идентичность также не является врожденной, а приобретенной, выстраивающейся под внешним воздействием. При этом важно, что зачастую техника, форма донесения информации имеет даже большее значение (в смысле эффективности сообщения), чем собственно сам нарратив [\[14, с. 93, 131\]](#).

Эффективность медиа-дискурса в конечном счете, по мнению исследователей, зависит от умения выстраивать историю, наличия в ней «предыстории», которая формирует у аудитории нужное настроение и облегчает усвоение конечного суждения в виде «научной истины» [\[14, с. 126\]](#). Исходя из данного принципа, следует признать, что России пока, в целом, удавалось выстраивать свою «предысторию» с гораздо меньшим успехом, чем Украине. Так, Украина довольно успешно «приватизировала» историю Руси, используя в качестве государственной символики родовой знак Рюриковичей (так называемый «трезубец»), и в то же время демонизировала своего противника Россию как дочернюю в отношении Киева периферийную цивилизацию. Примером реализации далеко идущей криптоисторической стратегии стал, например, факт замены по требованию украинской диаспоры во Франции в 1996 г. оригинальной надписи под статуей Анны Русской на «Анна Киевская, королева Франции» («Anne de Kiev Reine de France»).

Проведенный нами анализ содержания украинских учебников (5 и 7 классов общеобразовательной школы В. С. Власова, а также В. А. Смолия и В. С. Степанкова) по истории Украины, выявил факты манипулирования историческими фактами. Например, упоминание достижений периода Украинской ССР без всякого указания на то, что это было сделано в составе Советского Союза, активное использование квазиисторического термина «Киевская Русь», замалчивание о целых исторических периодах совместного проживания русских и украинцев в одном государстве, конструирование никогда не существовавших «государств» («Гетманщина»), реабилитация устаревших и ненаучных построений М. Грушевского и т.д. [\[8, с. 158\]](#). К сожалению, в стандартном учебнике по истории России для 6 класса Т.В. Черниковой легендарные сведения о начале истории русского государства практически отсутствуют, либо излагается легендарная история призвания «варяга» Рюрика с Синеусом и Трувором (по контрасту с украинской легендарной версией «своих» Кия, Щека и Хорива), что только еще больше стимулирует распространение «украинского мифа» по присвоению и узурпации наследства Древней Руси [\[15, с. 183-185\]](#). Довольно неудачным образно-отсылочным компонентом в криптополитической стратегии России следует признать использование в качестве государственной символики двуглавого золотого орла, который, в основном, ассоциируется не с «имперским», а допетровским периодом истории России и, таким

образом, легитимизирует в обыденном сознании границы России времен Василия III и Ивана Грозного.

Что касается коллективного Запада, то он по-прежнему с успехом продолжает использовать миф о «западной цивилизации», противостоящей «ордам Востока». Ярким примером использования данного нарратива стало обозначением российских солдат «орками», что является отсылкой к популярной у молодежи эпопее Р. Толкина «Властелин колец» и одноименной кинотрилогии П. Джексона (2001 – 2003 гг.).

В рамках использования медиа-дискурсов следует выделить такой подпараметр как использование специальных политехнологий для продвижения идеологических нарративов. Проведенный выше анализ ноополитической стратегии России показал, что она носит оборонительный, отвечающий, а не наступающий, инициативный характер. В России получила развития выработка своеобразных технологий борьбы с различными формами манипулирования обществом: доктриной «управляемого хаоса», «цветными революциями», «стратегиями не прямых действий», кибертерроризмом и т.п. [3, с. 35–82]. При этом отсутствуют аналоги советских и современных западных политических технологий, позволяющих, используя прежде всего креативную молодежь, приводить к власти и поддерживать угодные России политические режимы. Например, в России так и не были сформулированы «свои» «концептуальные основы освобождения» наподобие тех, что содержатся в работе Д. Шарпа. Между тем еще в 1993 г. эта брошюра была неоднократно издана на Украине, где задолго до событий «оранжевого переворота» стала настоящей «библией ненасильственной революции» [25]. Характерно, что российское издание 2005 г. работы Д. Шарпа вышло с комментариями правого оппозиционера Э. Лимонова и либерального – И. Яшина (признан иностранным агентом в РФ). Оно до сих пор не получило сколько бы то ни было адекватного российского аналога. Возможно, причиной этого является то, что позиционирующиеся в качестве новых идеологий в России учение евразийцев, учение И. А. Ильина, национал-большевизм (до начала 2000-х гг.), концепция «суверенной демократии» являются либо архаическими, элитарными, либо, в отличие, например, от коммунизма советской эпохи, не пользуются влиянием в западных интеллектуальных кругах [12, с. 5–9]. В целом, как и ноополитическая стратегия, криптополитическая стратегия России продолжает носить реагирующий, а не инициативный характер.

Помимо использования медиа-дискурсов с закодированными сообщениями, в рамках стратегии криптополитики необходимо выделить наличие исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив.

В связи со сказанным следует вспомнить, например, такой исторический факт, как предложение В. В. Путина Б. Клинтону подумать над возможным присоединением России к НАТО. По словам президента России, данный разговор имел место на встрече двух президентов еще в 2000 г., то есть в самый пик потепления отношений между двумя сверхдержавами. Считается, что указанная альтернатива была невозможна, поскольку Россия в этом случае выступила бы троянским конем, ставя целью не реальное присоединение к североатлантическому альянсу, а саботаж его деятельности, подрыв изнутри. Кроме того следует учитывать недовольство восточных европейцев и некоторых бывших советских республик, которые до сих пор считают, что «заслужили» членство в престижном военном блоке, а Россия, как преемник угнетавшей их империи, нет.

Тем не менее представляется сомнительным, что Россия смогла бы подорвать единство НАТО, даже став его полноправным членом. Для этого ей бы вначале пришлось пройти

через значительную трансформацию вооруженных сил, экономики, фактически добровольно расстаться с частью внешнеполитического суверенитета. Хотя, действительно, как отмечает К. Вег, не существует статьи, по которой государство может быть исключено из североатлантического договора даже за нарушение его правил, очевидно, что такое исключение, согласно статье 8 «Вашингтонского договора» 1949 г., все же может состояться после соответствующих консультаций [\[35\]](#).

В любом случае, очевидно, что не существует никаких доказательств и свидетельств того, что даже гипотетическая возможность вступления в НАТО России когда-либо и кем-либо рассматривалась как серьезная политическая альтернатива. Сам смысл существования североатлантического договора изначально заключался в противостоянии влиянию сперва Советского Союза, а потом России в Европе в условиях мира после разгрома военно-политической и идеологической машины нацизма.

Также стоит указать на описанное И. Валлерстайном и С. Амином новое постимпериалистическое устройство мира. Оно заключается в существовании центра, полупериферии и периферии. России, как наиболее ярко выраженной полупериферии, здесь не предоставлено право быть участником привилегированного клуба стран «золотого миллиарда», поскольку это противоречит самой логике системы, обеспечивающей более высокий уровень жизни в государствах капиталистического центра за счет экономической эксплуатации всего остального мира. Более того, можно предположить, что в каком-то виде участие России в НАТО действительно бы состоялось, но могло означать на самом деле попадание в некое новое гетто [\[2, с. 85\]](#). Так, известно, что администрация Д. Байдена определила круг государств, с которыми США могут наиболее активно делиться важными технологиями (категория стран Т.1). Ни одна восточноевропейская страна и тем более ни одна из бывших советских республик в «престижную» категорию Т.1. не попала.

Ряд общественных деятелей, например Д. Л. Быков (признан иноагентом в РФ), делают заявления в том роде, что наметившееся в последнее время сближение позиций США и России имеет чисто ситуативный, случайный характер, объясняемый «волюнтаризмом» Д. Трампа, а также о том, что в России нет единства в обществе по поводу внешней политики государства. Д. Л. Быков (признан иноагентом в РФ) считает, что молодежь России уже думает по-другому и не мечтает о восстановлении «империи». Нам кажется, что здесь стоит говорить скорее об ощущении растерянности релокантов от того факта, что антироссийский фронт оказался не однородным и бесконечным во времени, и что потерпели неудачу собственные планы релокантов вернуться в Россию на правах модераторов, облеченных властью судить сделавших «неверный» выбор россиян. Так, по данным Левады-центра (признан иноагентом в РФ), поддержка СВО среди молодежи (лиц до 24 лет) в январе 2025 составил 65%, что никак нельзя признать низким показателем [\[11\]](#).

Таблица 3. Стратегия криптополитики. Анализ степени приверженности принципам криптополитики.

Параметры криптополитики	Россия	Украина	Коллективный Запад
1. Приверженность скрытой идеологии. Идеологическая	Коммунизм, социализм.	Национализм.	Идеология «глобализма»; идеология «цветных

функция.			революций».
2. Использование тайной дипломатии. Посредническая функция.	Проведение в целом успешных предварительных переговоров между Россией и США в 2025 г. (по заявлению сторон) в Саудовской Аравии.	«План победы» В.А. Зеленского (фактически был разглашен). Проведение неудачных переговоров с Россией (в 2022 г.) в Стамбуле.	Проведение Словакией и Венгрией «своего курса». Попытки Великобритании, Франции и Германии выстраивать отдельную от США политику в отношении России и Украины. Стремление США работать напрямую с Россией.
3. Использование медиа-дискурсов с закодированными сообщениями. В том числе использование специальных политтехнологий для продвижения идеологических нарративов. Креативно-интегративная функция.	Отказ от конструирования «своего» исторического мифа о Руси (в школьных учебниках), продолжение эксплуатации мифа о «призвании варягов», использование в качестве государственной символики золотистого двуглавого орла допетровской Руси. Примеры использования специальных политтехнологий для продвижения идеологических нарративов отсутствуют.	Конструирование украинской «версии» истории Руси (в школьных учебниках). Использование родового знака Рюриковичей в качестве государственной символики, присваивание наследства Древней Руси. Активное использование специальных политтехнологий для продвижения идеологических нарративов. См. книгу Д. Шарпа «От диктатуры к демократии».	Миф о «западной цивилизации», противостоящей «ордам Востока». Генерация «методичек» по установлению выгодных Западу политических режимов. См. книгу Д. Шарпа «От диктатуры к демократии».
4. Наличие	Россия – член	Украина – член ЕС	Концепция

исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив. Футуристическая функция.	НАТО, ассоциированный участник НАТО. Россия политический лидер постсоветском пространстве возрождающаяся сверхдержава. Возможность реализации одной из альтернатив.	НАТО, кандидат. Украина –нейтральное государство на гарантиями территориальной неприкосновенности. Ни одна из альтернатив является вероятно возможной.	член Европы от Атлантики до Урала (или до Владивостока), закрывающаяся с «особых» отношениях Европы и России. Возвращение к двухполярному миру (Россия/США) или установление режима трехполярного мира (с третьей силой в лице Ирана, Китая, Индии и стран ШОС и БРИКС).
5. Итог.	Высокая степень приверженности криптополитике по п. 2, низкая по п. 1, 3, 4.	Высокая степень приверженности криптополитике по п. 1, 3, 4, низкая по п. 2.	Высокая степень приверженности криптополитике по всем п. 1 –4.

Таким образом, в рамках анализа стратегии криптополитики России, нами были выделены следующие ее структурные и функциональные элементы: 1) приверженность скрытой идеологии (идеологическая функция); 2) использование тайной дипломатии (посредническая функция); 3) использование медиа-дискурсов с закодированными сообщениями (интегративно-креативная функция); 4) наличие исторически нереализованных либо потенциальных альтернатив (футуристическая функция). Выше, в рамках анализа ноополитической стратегии России, нами уже были даны определения идеологической, а также посреднической и интегративно-креативной функций. В данном случае следует охарактеризовать функцию, которую мы бы определили как футуристическую. Согласно результатам поискового запроса с использованием базы YandexGPT, данная функция выделяется только «в контексте футуризма как художественного направления» и характеризуется как деятельность по приближению «техногенной эпохи с социально активной творческой личностью в центре» (Нейро, 2025). Таким образом, в политическом выражении футуристическую функцию следует считать способностью субъектов политики проецировать свои усилия на реализацию различных альтернатив как в отдаленной, так и в ближайшей исторической перспективе.

Как показал анализ криптополитической стратегии России, в условиях СВО она достаточно успешно реализуется в плане использования средств тайной дипломатии, но при этом сильно уступает криптополитическим стратегиям оппонентов (Украине и коллективному Западу) в плане приверженности тайной идеологии, использования медиа-дискурсов с закодированными сообщениями. То есть посреднический функционал

российской внешней политикой оказывается задействованным полностью, в то время как идеологический и интегративно-креативный явно недостаточно. Тем не менее России, в отличие от Украины, в целом пока удастся проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период, пытаясь реализовывать самые разные исторические альтернативы и, тем самым, эффективно реализовывать футуристический функционал.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем определение криптополитики. Стратегия криптополитики в создавшихся условиях противостояния России коллективному Западу есть стратегия, *выражающаяся не только в тайной приверженности той или иной политической идеологии, но и в различных медиа-дискурсах, частным случаем которых выступают, например, секретные, скрытые от широких масс закодированные сообщения, переговоры (тайная дипломатия), а также различные политические альтернативы, в том числе и те, которые не реализовались, но еще могут реализоваться при выполнении тех или иных условий.*

Сказанное позволяет выделить следующие особенности российской криптополитической стратегии на современном этапе в условиях проведения СВО: 1) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 2) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Заключение.

Проведенный комплексный анализ стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, позволил выделить их структурные и функциональные элементы, уточнить имеющиеся в литературе определения данных дефиниций.

Реалполитика (реалистическая политика) в современной российской внешней политике представляет собой стратегию достижения политических (в том числе геополитических) целей, исходя из имеющихся у государства реальных экономических и военно-дипломатических возможностей в данный конкретный исторический период времени, а не из признания исключительности его национальных интересов, которые могут носить более долгосрочный характер.

Ноополитику следует определить как глобальную информационную стратегию транслирования определенных идеологических, культурно-исторических нарративов, в том числе с помощью дипломатического искусства и специальных медиаресурсов.

Стратегия криптополитики в создавшихся условиях противостояния России коллективному Западу может выражаться не только в тайной приверженности той или иной политической идеологии, но и в различных медиа-дискурсах, частным случаем которых выступают, например, секретные, скрытые от широких масс закодированные сообщения, переговоры (тайная дипломатия), а также различные политические альтернативы, в том числе и те, которые не реализовались, но еще могут реализоваться при выполнении тех или иных условий.

На основании уточненных понятий реалполитики, ноополитики и впервые сформулированного в науке качественно нового определения криптополитики, нами были выявлены *следующие особенности российской внешней политики в условиях СВО: 1) стремление к проведению гибкой внешней политики, исходящей из реальных военных и экономических возможностей страны; 2) уход от мобилизационной модели решения геополитических задач и стремление к сохранению и дальнейшему повышению уровня социально-экономического развития России; 3) оборонительный, защищающийся*

характер информационной стратегии российских медиа; 4) недостаточное развитие российских аналогов западных медиаресурсов; 5) не всегда эффективное использование скрытой идеологии, а также медиа-дискурсов с закодированными сообщениями; 6) успешное использование тайной дипломатии и умение проецировать свою внешнюю политику на более отдаленный период.

Библиография

1. Байчик А.В., Никонов С.Б. Ноополитика как глобальная информационная стратегия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Серия 9. Выпуск I. С. 207-213.
2. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общ. ред. канд. полит. наук Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Издательство "Университетская книга", 2001. 416 с.
3. Воронова О.К. Информационно-психологическая безопасность России в условиях новых глобальных угроз. М.: Издательство "Аксепт-Пресс", 2019. 240 с.
4. Гаджиев Г.А. Realpolitik, эскабродство, конституционная политика и русская культурно-этническая традиция // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачев. науч. чтения, 17-18 мая 2012 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2012. Доклады Диалог культур в условиях глобализации. Т. 1. 499 с. С. 55-58.
5. Го Ч. Новые медиа в информационном пространстве России: проблемы и перспективы // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 4. С. 162-169. DOI: 10.34670/AR.2022.99.18.019
6. Зишан М. Формируется ли на Востоке новый блок Россия-Китай-Индия? // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/20230407/vostok-261991119.html> (дата обращения: 23.02.2025)
7. Зубов В.В. Немецкая доктрина "realpolitik" сквозь призму современной мировой политики // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(1). С. 100-107. doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107
8. Иликаев А.С. Этнополитические аспекты педагогической коммуникации: политическая мифологизация вопроса о возникновении Руси в украинских учебниках истории // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 154-159.
9. Калугина Е.Г., Никонов С.Б. Ноополитика и интернет-СМИ: информационное противостояние в сетевом пространстве: монография. М.: РУДН, 2020. 287 с.
10. Князева Д.Д. Потребление хлеба и хлебобулочных изделий в Российской Федерации // Наука без границ. 2021. № 3. С. 67-73.
11. Конфликт с Украиной в декабре 2024 года: внимание, поддержка, отношение к переговорам, эмоциональный настрой. Левада-центр. (Материал произведен иностранным агентом). URL: <https://www.levada.ru/2025/01/13/konflikt-s-ukrainoj-v-dekabre-2024-goda-vnimanie-podderzhka-otnoshenie-k-peregovoram-emotsionalnyj-nastroy/> (дата обращения: 23.02.2025)
12. Лукманов Х.Х., Иликаев А.С. О суверенной демократии: опыт критического прочтения одной политико-правовой доктрины // Правовое государство: теория и практика. 2010. № 2 (20). С. 5-9.
13. Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. Пер. с немец. М.: Издательский Дом "Альпина", 2001. 335 с.
14. Матисон А. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Пер. с англ. Харьков: "Гуманитарный центр", 2013. 264 с.
15. Миннихметова А.А., Иликаев А.С. Современный российский школьный курс истории как фундамент преподавания общественно-политических дисциплин в вузе // Актуальные проблемы коммуникации: теория и практика. Материалы XV Всероссийской научно-

практической конференции. Уфа: УУНиТ, 2023. С. 182-185.

16. Нейро. YandexGPT (версия от 16 апреля 2024) [сервис для поиска информации в интернете с помощью искусственного интеллекта]. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=172> (дата обращения: 23.02.2025)

17. Никонов С.Б. Генезис трансформации медиакратии в ноополитику // Власть. 2014. № 7. С. 39-42.

18. Никонов С.Б. Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государств: диссертация... доктора политических наук. Санкт-Петербург, 2020. 545 с.

19. Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2 / Нац. обществ.-науч. фонд; Рук. проекта Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 1999. 701 с.

20. Российская политическая наука: в 5 т. Т. 5: 1995-2006 гг. / под общ. ред. А.И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 1000 с.

21. "Слава России" и "Да здравствует Россия" - большая разница! Что выбрать? // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/27511/4773968/> (дата обращения: 02.03.2025)

22. Стецко Е.В. Американские неправительственные организации: их виды, роль и оценка влияния на формирование гражданского общества // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 1. С. 49-54.

23. Субботина О.А., Пасиковская В.Р. Ноополитическая стратегия: механизмы конструирования информационной повестки (опыт исследования зарубежных и российских медиатекстов накануне специальной военной операции) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 149-164.

24. Философия политики и права. 100 основных понятий. Словарь: Учебное пособие / Под общ. ред. Е.Н. Мошелкова; Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 248 с.

25. Шарп Д. От диктатуры к демократии. Антипутч. Пер. с англ. Н. Макаровой. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 224 с.

26. Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. Santa Monica: RAND, 1999. 102 p.

27. Gati Ch. Zbig: The Strategy and Statecraft of Zbigniew Brzezinski. Baltimore: JHU Press, 2013. 253 p.

28. Gilbert M.J. A Century of Revolution: Insurgent and Counterinsurgent Violence during Latin America's Cold War. American Encounters Global Interactions. Grandin & Joseph, Greg & Gilbert. Durham, NC: Duke University Press, 2010. 456 p.

29. Haslam J. No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. London: Yale University Press, 2002. 272 p.

30. Kaniewski D. New "Glory to Ukraine" army chant invokes nationalist past // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/new-glory-to-ukraine-army-chant-invokes-nationalist-past/a-45215538>

31. McMahon R.J. The Limits of Empire: The United States and Southeast Asia since World War II. New York: Columbia University Press, 1999. 276 p.

32. Morgenthau H., Thompson K. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. New York: Knopf, Distributed by Random House, 1985. 688 p.

33. Russia and Eritrea Ink Deal to Build a Logistic Base in the Horn of Africa Country // Strategic Intelligence. URL: <https://intelligencebriefs.com/russia-and-eritrea-ink-deal-to-build-a-logistic-base-in-the-horn-of-africa-country>

34. Shtromas A. Totalitarianism and the Prospects for World Order: Closing the Door on the Twentieth Century. Lanham, Md.: Lexington Books, 2003. 524 p.

35. Vegh K. The North Atlantic Treaty and Its Relationship to Other "Engagements" of Its Parties: A Commentary on Article 8. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d4f53092-67baef34-69778084-74722d776562/https/scholarlycommons.law.emory.edu/eilr/vol34/iss0/9/
36. Wilson E.J. III Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616, n. 1. P. 110-124.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье выступают используемые в политологии дефиниции «реалполитика», «ноополитика» и «криптополитика».

Методология исследования базируется на обобщении сведений из научных публикаций и интернет-источников по изучаемой теме.

Актуальность работы обусловлена широким использованием терминов «реалполитика», «ноополитика» в политической науке и встречающимся не столь часто употреблением понятия криптополитика в современных публикациях по политологии.

Научная новизна рецензируемого исследования, по мнению рецензента, состоит в обоснованных и сформулированных авторами новых уточненных определениях терминов реалполитика, ноополитика и криптополитика.

В тексте структурно выделены разделы, озаглавленные следующим образом: Введение, Анализ стратегии реалполитики, Анализ стратегии ноополитики, Анализ стратегии криптополитики, Заключение и Библиография.

В публикации освещены исторические аспекты употребления рассматриваемых в статье видов политики; сказано о двух видах реалполитики: архаичной, обеспечивающей временный успех, и более современной, способной реализовать преимущества в исторической перспективе. В ходе анализа стратегии реалполитики проведено сравнение балансов сил сверхдержав СССР и США в международной политике в эпоху холодной войны и первой четверти XXI с отражением параметров политики в каждый из рассматриваемых периодов. Рассмотрение стратегии ноополитики сопровождается анализом эффективности информационной войны в период проведения специальной военной операции (СВО) различными сторонами конфликта: Россией, Украиной и странами коллективного Запада. Параметры криптополитики проанализированы также в отношении нынешнего российского внешнеполитического курса, в том числе в связи изучением особенностей проведения СВО на Украине.

Библиографический список включает 36 источников – публикации отечественных и зарубежных ученых по теме статьи на русском и английском языках, а также интернет-ресурсы и сервис для поиска информации в интернете с помощью искусственного интеллекта Нейро. YandexGPT. В тексте имеются адресные отсылки к источникам, приведенным в списке литературы, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам. Отрадно, что в ряде случаев указываются конкретные страницы, что облегчает поиск первоисточников при цитировании многостраничных публикаций, насчитывающих по несколько сотен страниц.

В качестве замечаний стоит отметить, что в статье не отражено описание таких общепринятых элементов методологического аппарата исследования как цель и задачи, предмет и объект исследования, его методы, не сформулирована практическая значимость полученных результатов. Кроме этого, название таблицы 2 нуждается в корректировке: в нем повторяется слово «проведения» и допущена опечатка слове

«сторонами»

В целом же статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Право и политика», содержит элементы научной новизны, может вызвать интерес у специалистов, но нуждается в доработке в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рамках рецензируемой статьи, как утверждает сам автор, являются «стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики, определяющие особенности современного внешнеполитического курса [России]». С учетом того, что современные технологии оказывают всевозрастающее влияние на сферу политики (в том числе на международные отношения) и трансформируют традиционные инструменты политической борьбы, выбранная тема представляется актуальной. В то же время, предлагаемое самим автором определение актуальности – «отсутствие примеров комплексного применения [стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики] в отношении анализа внешней политики» - характеризует скорее новизну исследования. При этом данное автором определение научной новизны – «обзор и критическое рассмотрение научной литературы, посвященной дефинициям реалполитики, ноополитики, криптополитики» - выглядит неубедительно, так как сами по себе «обзор» и «критическое рассмотрение» приводят скорее к обобщениям существующих знаний и выявлению «белых пятен», чем к новым знаниям. Поэтому формулировка научной новизны нуждается в уточнении с акцентом на то, что нового об особенностях внешней политики России можно узнать с помощью комплексного анализа применения упомянутых стратегий в условиях СВО? В представленном виде статья представляет собой попытку обобщения и систематизации имеющихся знаний, в то время как новые научные результаты, по сути, автором не представлены. Методология исследования также нуждается в обосновании, так как автор лишь утверждает, что использует сравнительно-исторический и структурно-функциональный подходы. Однако, остается неясным – как именно используются эти подходы? Что конкретно автор собирается сравнивать в исторической ретроспективе? Что именно рассматривается как «структура», а что как «функция»? Отдельный вопрос к тому, что автор обозначает как «табличный анализ». Не уверен в существовании подобного метода, а также в его эффективности, поскольку в данном случае речь, по-видимому, идет об анализе составленных самим же автором таблиц. Вызывает сомнения и цель, заявленная как «формулировка новых определений реалполитики, ноополитики и криптополитики в соответствии с проведенным анализом эмпирического материала». Автор не поясняет – зачем нужно формулировать новые определения этих понятий? Можно предположить, что в ходе исследования автором был собран такой эмпирический материал, который позволяет поставить под сомнение традиционные определения «реалполитики», «ноополитики» и «криптополитики». Но автор не дает соответствующих пояснений. Кроме того, исходя из содержания (и названия) статьи, напрашивается другая формулировка цели – «выявление особенностей применения Россией стратегий реалполитики, ноополитики, и криптополитики в условиях украинского кризиса». Во всяком случае, у меня сложилось мнение, что статья именно об этом. Стиль изложения, в целом, соответствует академическим стандартам, структура статьи отличается логичным построением и принципиальных замечаний не вызывает. Библиографический список выглядит

убедительно и вряд ли требует значительного расширения. Вместе с тем, удивляет очень короткое заключение, суть которого сводится к определению «уточненных» понятий «реалполитики», «ноополитики» и «криптополитики». При этом в предлагаемом определении «реалполитики» нет ровным счетом ничего нового – такое же понимание использовалось политиками времен канцлера О. фон Бисмарка. Определения «криптополитики» и «ноополитики», по существу, воспроизводят те же дефиниции, о которых речь идет в основном тексте. С учетом сказанного, представляется необходимым расширить выводы, сделав акцент на выявленных автором особенностях применения Россией вышеназванных стратегий в ходе СВО. В этом случае, представленный текст будет представлять значительный интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Стратегии реалполитики, ноополитики и криптополитики в российском внешнеполитическом курсе на современном этапе»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи.

Методология исследования. Автор отмечает, что методология исследования базируется «на сравнительно-историческом и структурно-функциональных подходах, которые применяются для применяемых для анализа стратегий реалполитики, ноополитики, криптополитики».

Актуальность темы обусловлена тем, что в современный период информационные технологии все больше влияют на сферу политики, в том числе и на международные отношения. Под влиянием информационных технологий меняются и традиционные инструменты политической борьбы, в период кризисов они перерастают в вооруженные конфликты

Научная новизна исследования определяется постановкой проблемы и задач исследования. Научная новизна обусловлена тем, пишет автор рецензируемой статьи, что «впервые в политической науке проведен комплексный разбор стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики». Новизна заключается также в том, что на большом комплексе эмпирического материала проведен сравнительно-исторический анализ баланса геополитических сил СССР/РФ и США.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, язык ясный и четкий, в статье есть и элементы описательности, что делает текст статьи легким для чтения и восприятия не только специалистами, но и широкими читательскими кругами. Структура статьи направлена на достижение цели статьи, которая заключается в «выявлении особенностей применения стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики в современной российской внешней политике» в условиях проведения специальной военной операции СВА на Украине. Структура состоит из введения, 3 разделов, посвященных анализу российского внешнеполитического курса: Анализ стратегии реалполитики; Анализ стратегии ноополитики; Анализ стратегии криптополитики и Заключение. Во введении автор раскрывает предмет исследования, объект исследования, цель и задачи, методологию и методы исследования, научную новизну. Автор разъясняет значение терминов реалполитика, ноополитика, криптополитика, называет специалистов, которые впервые применили эти термины, а также упоминает работы российских исследователей и разъясняет какой смысл вкладывают отечественные исследователи в тот или иной термин, дает краткий анализ работ по

исследуемой теме. В основном разделе работы проведен анализ стратегий реалполитики, ноополитики и криптополитики, выделяются их структурные и функциональные элементы, уточняются определения данных дефиниций опираясь на работы исследователей, которые внесли определенный вклад в исследуемые вопросы. В заключении статьи приведены основные выводы по исследуемой теме. Автор статьи выявляет особенности российской внешней политики в условиях СВО. Выводы автора рецензируемой статьи объективны и показывают уровень анализа, проведенного автором. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен и в нем много интересных материалов, посвященных стратегиям в сфере международных отношений, политики РФ в условиях СВО. В статье имеются таблицы, которые дают возможность сравнить баланс сил СССР и США в эпоху холодной войны (1945 – 1991 гг.) и первой четверти XXI в.; уровень эффективности проведения сторонами конфликта информационной войны в период СВО; провести анализ степени приверженности России, Украины и коллективного Запада принципам криптополитики.

Библиография статьи состоит из 39 работ на английском и русском языках, актуальна и в достаточной мере отражает современное состояние рассматриваемой в работе проблемы. Библиография оформлена грамотно.

Апелляция к оппонентам. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной в ходе работы над темой статьи информации.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему, имеет признаки научной новизны и будет интересна специалистам и широкому кругу читателей.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Гюзалтан О. Влияние нормализации турецко-египетских отношений на политическую, экономическую и геополитическую сферы // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73736 EDN: TJOSCV
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73736

Влияние нормализации турецко-египетских отношений на политическую, экономическую и геополитическую сферы

Гюзалтан Ону́р Си́нан

аспирант, кафедра Сравнительной политологии РУДН ; Российский университет дружбы народов им.
Патриса Лумумбы

119002, Россия, г. Москва, р-н Арбат, ул. Арбат, д. 18/1 стр. 2

✉ onurguzaltan@yahoo.com

[Статья из рубрики "Международные альянсы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73736

EDN:

TJOSCV

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2025

Дата публикации:

26-03-2025

Аннотация: Отношения между Турцией и Египтом, которые были разорваны после падения правительства Мухаммеда Мурси 4 июля 2013 года, начали улучшаться после 10-летнего перерыва, в 2023 году дипломатическое представительство было взаимно увеличено до уровня послов, а затем и лидеров представители двух стран собрались вместе и подписали соглашения о сотрудничестве. В данной статье рассматриваются последствия нормализации отношений между Турцией и Египтом в политической, экономической и геополитической сферах. Цель этой статьи – изучить влияние шагов по нормализации отношений, предпринятых администрациями Турции и Египта, на политическую, экономическую и геополитическую сферы между двумя странами. В разделе Политические Влияния были рассмотрены результаты нормализации дипломатических и официальных отношений, а в разделе экономических Влияний – их

влияние на коммерческую и экономическую деятельность. Геополитические последствия нормализации были оценены на примере споров в Восточном Средиземноморье. В этом исследовании взаимная политика и стратегии правительств Турции и Египта были рассмотрены в рамках институционального метода. В этом направлении официальные документы были изучены в рамках концептуального анализа, а дискурс-анализ был проведен на основе заявлений властей. Экономические отношения рассматривались путем изучения официальных данных с использованием метода статистического анализа. Несмотря на то, что было проведено много исследований турецко-египетских отношений, недостаточно исследований о последствиях недавно начатого процесса нормализации в различных областях. Данная статья восполняет этот пробел. В статье делается вывод о том, что нормализация отношений между Турцией и Египтом оказала положительное влияние на двусторонние отношения в различных областях, но отношения между двумя странами еще не были установлены на структурной и регулярной основе. Отношения все еще хрупкие из-за идеологических разногласий между правительствами Турции и Египта, а также нестабильности в регионе. В статье делается вывод о том, что если Турция и Египет подпишут соглашение, определяющее границы морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье, отношения между двумя странами выйдут на структурный и стратегический уровень.

Ключевые слова:

Турция, Египет, Восточное Средиземноморье, Ливия, Палестина, конструктивистский подход, реалистический подход, геополитика, Сирия, Ближний Восток

Введение

Политические отношения между Турецкой Республикой и Арабской Республикой Египет, которые были разорваны после свержения Мухаммеда Мурси 3 июля 2013 года, вступили на путь нормализации после 10-летнего перерыва с обоюдным назначением послов 4 июля 2023 года. Процесс полного установления политических отношений продолжился визитом Президента Турецкой Республики Реджепа Тайипа Эрдогана в Каир 14 февраля 2024 года и ответным визитом его египетского коллеги Абдель Фаттах Ас-Сиси в Анкару 4 сентября 2024 года. В ходе взаимных визитов президентов Турции и Египта были подписаны соглашения в различных областях, в первую очередь в сфере экономических отношений. Основной причиной разрыва отношений между двумя странами стала поддержка Турцией движения "Братья-мусульмане" в Египте во время и после свержения Мухаммеда Мурси. В течение этого периода Турция проводила ориентированную на идентичность политику в отношении Египта, которую мы можем оценить в рамках конструктивистского подхода в рамках дисциплины Международные отношения [\[1, с. 68\]](#). Этот политический подход, который подчеркивал идеологическое сходство между правящей Партией справедливости и развития (ПСР) в Турции и "Братьями-мусульманами" [\[2, с. 200\]](#), подчеркивал общую религию и общую историю Турции и Египта. Конструктивистский подход, основанный на предположении, что государства обладают идентичностью точно так же, как и отдельные люди, защищает тезис о том, что идентичность государств эффективна в их отношениях с другими государствами [\[3, с. 208\]](#). Опять же, в этом контексте конструктивистский подход выдвигает на первый план тезис о том, что государства со схожей идентичностью могут углублять свои взаимоотношения во всех областях с помощью концепции "общей судьбы" [\[4, с. 22\]](#). С выборов 16-17 июня 2012 года, когда к власти в Египте пришел Мухаммед Мурси, до 4

июля 2023 года, когда отношения были восстановлены, Турция придерживалась подхода к Египту, в котором особое внимание уделялось политике "общей идентичности" через "Братьев-мусульман" [\[5, с.290\]](#). Однако неспособность наладить политические отношения с новым правительством Египта во главе с Абдель Фаттахом Ас-Сиси после свержения "Братьев-мусульман" нанесла ущерб национальным интересам Турции в различных областях, прежде всего в определении морских юрисдикций в Восточном Средиземноморье. Ущерб национальным интересам, а также глобальные геополитические события (глобальный кризис, вызванный конфронтацией между Западом и Россией из-за Украины, расширение Израилем своей оккупации Палестины, политические изменения в Сирии и обострение глобального экономического кризиса) заставили Турцию обратиться к реалистичной политике в своей политике по направлению к Египту [\[6\]](#). Процесс нормализации турецко-египетских отношений начался с перехода турецкого правительства от политики, ориентированной на идентичность, к реалистичной политике, ставящей во главу угла национальные интересы в отношениях с Египтом. Изменение подхода Турции также было положительно воспринято Египтом, и двусторонние отношения были быстро восстановлены. Цель этой статьи - изучить влияние шагов по нормализации отношений, предпринятых администрациями Турции и Египта, на политическую, экономическую и геополитическую сферы между двумя странами. В этом исследовании также будет сделан политический прогноз относительно будущего турецко-египетских отношений. В ходе этого исследования результаты перехода Турции от конструктивистской политики идентичности к реалистическому подходу в своей политике по отношению к Египту будут обсуждаться с теоретической точки зрения.

В этом исследовании политика и стратегии правительств Турции и Египта, которые привели к нормализации отношений между двумя странами, были проанализированы с использованием институционального метода (Изучить подходы правительств и государственных учреждений). В этом контексте были изучены официальные и дипломатические документы в рамках концептуального анализа, а также проведен дискурсивный анализ заявлений властей в ходе этого процесса. Кроме того, в разделе, посвященном экономическим отношениям между Турцией и Египтом, был проведен статистический анализ с использованием официальных данных. В разделе, посвященном обсуждению геополитических последствий, обсуждаются восточносредиземноморские стратегии Турции и Египта и влияние этих стратегий на взаимоотношения. В рамках этого анализа были также проанализированы многочисленные научные статьи на разных языках, посвященные отношениям между Турцией и Египтом. Кроме того, были изучены научные источники, торговая статистика, новости и различные отчеты по данному вопросу.

Цель статьи: Изучить влияние политической нормализации отношений между Турцией и Египтом на политические, экономические и геополитические отношения между двумя странами.

В этом контексте влияние нормализации турецко-египетских отношений на двусторонние отношения будет рассмотрено соответственно в политической, экономической и геополитической областях.

Влияние нормализации турецко-египетских отношений на политическую сферу

Нормализация отношений между Турцией и Египтом положительно сказалась на политических отношениях между двумя странами. После того как Турция прекратила

оказывать поддержку "Братьям-мусульманам", а затем признала правительство Египта во главе с Абдель Фаттахом Ас-Сиси, дипломатические отношения между двумя странами, которые продолжались на уровне временных поверенных в делах, были подняты на более высокий уровень после взаимного назначения послов в 2023 году. Параллельно с этим процессом президент Реджеп Тайип Эрдоган и его египетский коллега Абдель Фаттах Ас-Сиси совершили взаимные визиты, в ходе которых были подписаны всеобъемлющие соглашения. В этих рамках между двумя странами была подписана совместная декларация о сотрудничестве в различных областях, главным образом во время визита президента Эрдогана в Каир в феврале 2024 года. Согласно этой декларации, было решено предпринять шаги для сотрудничества между двумя странами в областях "политики и дипломатии, экономики, торговли, банковских и финансовых услуг, инвестиций, транспорта, авиации, морского судоходства, туризма, здравоохранения и труда, безопасности, вооруженных сил и оборонной промышленности, борьбы со всеми видами организованная преступность и терроризм, культура, образование, наука и техника, энергетика, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство, окружающая среда, лесное хозяйство, жилищное строительство, преобразование городов и изменение климата, связь и информация, консульские дела"^[7]. В соответствии с этой декларацией, во время визита президента Египта Ас-Сиси в Турцию в сентябре 2024 года между двумя странами был подписан меморандум о взаимопонимании по развитию сотрудничества в 17 областях, указанных в декларации ^[8]. Обе страны сосредоточили свое внимание на сотрудничестве в широком спектре областей - от инфраструктуры до экономики, торговли, здравоохранения и культуры. Кроме того, в этих рамках между двумя странами были установлены регулярные каналы связи. С другой стороны, в ходе этих визитов лидеры двух стран заявили о своей общей позиции в отношении палестино-израильской войны. Кроме того, сделанные заявления подтверждают, что власти двух стран также продемонстрировали свою волю к сотрудничеству в кризисных зонах на Ближнем Востоке и в Северной Африке, особенно в Восточном Средиземноморье, Сирии, Ливии и на Африканском Роге ^[9].

Эта ситуация свидетельствует о том, что нормализация отношений между двумя странами имеет положительные последствия не только с точки зрения двусторонних отношений, но и с точки зрения выработки общих позиций в региональных кризисных зонах.

Однако, с другой стороны, идеологические разногласия между турецкой и египетской администрациями могут сделать процесс нормализации отношений между двумя странами хрупким. В предстоящий период в турецко-египетских отношениях может возобладать осторожность, особенно в свете событий в Сирии. А именно, некоторые группировки в Сирии, поддерживаемые Турцией, угрожают национальным интересам Египта в идеологическом смысле. Если эти группировки предпримут действия против Египта, это может негативно сказаться на отношениях между Турцией и Египтом.

Влияние нормализации отношений между Турцией и Египтом на экономическую сферу

Хотя товарооборот между двумя странами сократился в период с 2013 по 2023 год, когда отношения были плохими, он продолжался ^[10]. В этот период наблюдалось сокращение инвестиций турецких инвесторов в Египет из-за неопределенности в политических отношениях. С другой стороны, стратегические соглашения в определенных областях, особенно Соглашение о морских перевозках РОРО, не были продлены в течение этого периода, и это привело к снижению объема торговли между двумя странами. С

восстановлением отношений наметилась положительная тенденция во взаимных экономических отношениях. Согласно данным TÜİK, увеличение объема торговли с 6,7 миллиарда долларов в 2021 году до 8 миллиардов долларов в 2023 году является конкретным свидетельством положительного влияния нового процесса на экономические отношения. Тот факт, что лидеры двух стран поставили цель увеличить объем взаимной торговли на 15 миллиардов долларов, свидетельствует о том, что объем торговли между Турцией и Египтом в предстоящий период увеличится [\[11\]](#).

С улучшением отношений экспорт Турции в Египет (текстиль, машины, химическая продукция) увеличился на 20%, в то время как импорт из Египта (пластмассы, золото) увеличился на 15%. Также наблюдается рост инвестиций турецких компаний в Египет [\[12\]](#). Инвестиции, превышающие 3,5 миллиарда долларов, сосредоточены в текстильной, пищевой и логистической отраслях.

Две страны также предпринимают шаги по развитию совместных инвестиций в африканских странах. В этом контексте важное значение имеют зоны свободной торговли, созданные в Египте для турецких компаний [\[13\]](#). В предстоящий период не исключено, что Турция и Египет предпримут совместные шаги в направлении Африки в дополнение к двусторонней торговле.

В этом контексте важно определить зоны морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье, где обе страны являются прибрежными, на основе взаимного соглашения. Такое соглашение выведет отношения между двумя странами на более высокий уровень и углубит потенциал сотрудничества.

Влияние нормализации отношений между Турцией и Египтом на геополитическую сферу

Также полезно оценить нормализацию турецко-египетских отношений с геополитической точки зрения. Одним из основных определяющих факторов в отношениях между двумя странами с геополитической точки зрения является соседство двух стран по Восточному Средиземноморью. В этом контексте подписание двумя странами соглашения, определяющего границы морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье, выведет отношения между двумя странами на более высокий уровень и укрепит их. В то время, когда отношения между Турцией и Египтом были плохими, Египет начал налаживать хорошие отношения с Грецией и администрацией киприотов-греков по вопросу Восточного Средиземноморья и принял участие в проекте EASTMED [\[14\]](#). Европейский союз также является частью этого проекта. Союз, о котором идет речь, проводил политику, отвергающую претензии Турции на Восточное Средиземноморье. [\[15, с.9\]](#) Турция ответила на этот блок, сформированный против нее в Восточном Средиземноморье, соглашением, определяющим границы морской юрисдикции, с признанным Организацией Объединенных Наций Правительством национального согласия в Ливии [\[16\]](#). Стоит отметить, что, несмотря на то, что они находятся в разных лагерях в Восточном Средиземноморье, Турция и Египет избегают заключения соглашений с третьими странами, которые могли бы нанести ущерб возможности достижения взаимного согласия [\[17\]](#).

В этом контексте нет правовой ситуации, которая препятствовала бы подписанию соглашения между двумя странами об определении зон морской юрисдикции. Параллельно с этим соглашением можно ожидать, что Турция и Египет предпримут совместные шаги по прекращению нестабильности в Ливии. Учитывая влияние Турции на

Правительство национального согласия, а Египта - на силы генерала Хафтара, можно сказать, что обе страны обладают потенциалом для объединения различных группировок в регионе и обеспечения стабильности в стране. Тот факт, что Турция и Египет начинают сотрудничать по отмене нефтяного эмбарго в Ливии сразу после нормализации отношений, является конкретным свидетельством влияния этих двух стран на Ливию [18]. С другой стороны, если процесс нормализации отношений между Турцией и Египтом перерастет в стратегическое партнерство, в регионе может сложиться новое соотношение сил [19]. Турецко-египетский альянс может стать важной вехой в объединении стран региона - от стран Персидского залива до Ирана.

Если Анкара и Каир обратятся к сотрудничеству по палестинскому и сирийскому вопросам, другие страны региона также могут выработать общую позицию по этим вопросам. Такая ситуация приведет к формированию нового регионального единства с объединением стран региона [20]. Нормализация отношений между Турцией и Египтом является результатом перехода двух стран к реалистичной и прагматичной политике в своих взаимоотношениях. Однако остается спорным, будет ли этот процесс постоянным. Политическое равновесие в регионе быстро меняется. Существует вероятность того, что вакуум безопасности, образовавшийся в результате падения правительства Башара Асада в Сирии и расширения израильской оккупации Палестины, с другой стороны, распространится на другие страны региона. Нормализация отношений между Турцией и Египтом может стать конструктивной, если две страны предпримут совместные шаги по определению своей морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье. В противном случае осторожные подходы в отношениях сохранятся. Если подходить к этому с реалистической точки зрения, то растущая нестабильность в регионе и, так сказать, в глобальном масштабе вынуждает турецкую и египетскую администрации объединить усилия. Особенно израильский фактор и возможность нападения США на Иран подталкивают турецкую и египетскую администрации к расширению сотрудничества. На данном этапе для Турции очень важно отказаться от политики, которую она проводила в отношении Египта через "Братьев-мусульман". Началась новая эра, в которой на первый план выходят национальные интересы, а не акцент на идентичности.

Вывод

Нормализация отношений между Турцией и Египтом оказала положительное влияние на политическую, экономическую и геополитическую сферы между двумя странами. Политика двух правительств, ставящая во главу угла национальные интересы, а не подход, основанный на идентичности, ускорила процесс нормализации. На данный момент, когда мы оцениваем это с теоретической точки зрения, мы видим, что подход турецкого правительства к Египту заключается в прекращении поддержки "Братьев-мусульман" и переходе от политики "общей идентичности", которую мы можем оценить в рамках конструктивистского подхода, к реалистическому подходу, который ставит во главу угла национальные интересы и отодвигает идеологические разногласия на второй план, что является главным фактором нормализации отношений между Турцией и Египтом. С другой стороны, не будет ошибкой сказать, что если Турция будет проводить реалистичную политику, а не политику, основанную на идентичности, в своих отношениях с государствами Ближнего Востока, ее сфера влияния расширится.

Однако в процессе нормализации отношений между Турцией и Египтом сохраняется настороженность из-за региональной и глобальной нестабильности. В частности, вакуум безопасности, образовавшийся в Сирии в результате падения режима Башара Асада, угрожает стабильности обеих стран. С другой стороны, агрессивная политика

Соединенных Штатов и Израиля в регионе является еще одним фактором, провоцирующим региональную нестабильность. Новый процесс, начавшийся между Турцией и Египтом, может приобрести структурный характер только тогда, когда две страны предпримут совместные шаги по определению границ морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье.

Возможное соглашение между двумя странами о взаимной морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье также означало бы, что две страны будут сотрудничать в добыче и последующей передаче газовых ресурсов в этом регионе. С другой стороны, такое соглашение соединило бы геополитические или, другими словами, насущные интересы двух стран в Восточном Средиземноморье. Таким образом, возможное соглашение в Восточном Средиземноморье сблизило бы Турцию и Египет в области энергетики и геополитики, и было бы неизбежно, чтобы отношения достигли стратегического и структурного уровня.

Такое соглашение также открыло бы путь для сотрудничества двух стран в урегулировании кризиса в Ливии. На повестке дня может быть даже трехстороннее соглашение между Турцией, Египтом и Ливией об определении морских границ в Восточном Средиземноморье. С другой стороны, если Турция и Египет достигнут соглашения в Восточном Средиземноморье, не будет никаких юридических препятствий для включения в это соглашение Сирии, Ливана и, через Газу, палестинских правительств. Эти страны могут совместно определить границы своей морской юрисдикции. Такая возможность также негативно скажется на притязаниях Израиля в этом регионе и приведет к изменению регионального баланса. Если эти шаги будут предприняты, турецко-египетские отношения превратятся из ограниченного сотрудничества в структурный стратегический союз. В противном случае возможные смены власти, экономические кризисы и смена парадигмы в двух странах могут негативно сказаться на отношениях. Однако, как только отношения приобретут структурный характер, вероятность снижения темпов сотрудничества также снизится.

Подводя итог, можно сказать, что из этой статьи были получены два фундаментальных и новых с научной точки зрения результата; Первый — это вывод о том, что основой нормализации турецко-египетских отношений является трансформация политики турецкого правительства в отношении Египта от конструктивистских подходов, основанных на идентичности, к реалистическим подходам, которые ставят во главу угла национальные интересы. Второе — это уверенность в том, что турецко-египетские отношения приобретут стратегическое измерение только в том случае, если будет достигнуто взаимное соглашение о границах морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье.

Библиография

1. Графов Д. Перспективы внешней политики Турции через призму различных парадигм международных отношений // Восточная аналитика. 2021. Т. 22. С. 64-89.
2. Сарабьев А. В. Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или Долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближнего Востока // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 12 (4). С. 183-208. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208 EDN: KPMFGW.
3. Mole R. Discursive Constructions of Identity in European Politics. London: Palgrave Macmillan, 2007. 236 p.
4. Bozdağlıoğlu Y. Turkish Foreign Policy and Turkish Identity: A Constructivist Approach. London: Routledge, 2003. 232 p.

5. Magued S. Reconsidering Elitist Duality: Persistent Tension in the Turkish-Egyptian Relations // Digest of Middle East Studies. 2016. Vol. 25, No 2. P. 285-314.
6. Aksoy H.A., Roll S. A thaw in relation between Egypt and Turkey // The German Institute for International and Security Affairs (SWP). 2021. 29 June. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2021C39_EgyptAndTurkey.pdf
7. Egypt, Turkey sign joint declaration to restructure Strategic Cooperation Council // Egypt State Information Service. 2024. 14 February. URL: <https://sis.gov.eg/Story/191608/Egypt%2C-Turkey-sign-joint-declaration-to-restructure-Strategic-Cooperation-Council?lang=en-us>
8. Türkiye ile Mısır arasında 17 anlaşma imzalandı. // Institute of Strategic Thinking. 2024. 5 September. URL: <https://www.sde.org.tr/haber/turkiye-ile-misir-arasinda-17-anlasma-imzalandi-haberi-55420>
9. Анкара. Эрдоган сообщил, что отношения Турции и Египта после паузы в 12 лет снова активизировались // ТАСС. 2024. 15 февраля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19994477>
10. Sarıaslan F. Türkiye ve Mısır ilişkileri: Ekonomik süreklilik ve siyasi normalleşme // Türkiye Research Foundation. 2024. 21 September. URL: <https://turkiyearastirmalari.org/2024/09/21/yayinlar/analiz/turkiye-misir-iliskileri/>
11. Davut M., Karsu S., Solyman A.F.F. Türkiye ile Mısır 15 milyar dolarlık ticaret hedefi için yeni işbirliklerine odaklandı // Anadolu Agency. 2025. 30 January. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-ile-misir-15-milyar-dolarlik-ticaret-hedefi-icin-yeni-isbirliklerine-odaklandi/3466496>
12. Editör. Türkiye ile Mısır arasındaki ekonomik ilişkilerde yeni bir adım // Foreign Economic Relations Board (DEİK). 2017. 12 March. URL: <https://www.deik.org.tr/basin-aciklamalari-turkiye-ile-misir-arasindaki-br-ekonomik-iliskilerde-yeni-bir-adim>
13. Демирташ Т. Türkiye-Mısır ilişkilerinde yeni dönem и Afrika // SETA. 2024. 17 February. URL: <https://www.setav.org/yorum/turkiye-misir-ilisiklerinde-yeni-donem-ve-afrika>
14. Elgendy K. Egypt as an Eastern Mediterranean power in the age of energy transition // Middle East Institute. 2022. 18 July. URL: <https://www.mei.edu/publications/egypt-eastern-mediterranean-power-age-energy-transition>
15. Парланова А.Т. Турция vs Египет в Восточном Средиземноморье // Конфликтология / nota bene. 2023. № 2. С.1-11. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.2.40119 EDN: TYKDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40119
16. Memorandum of Understanding Between The Government of The Republic Of Turkey and The Government of National Accord-State of Libya on Delimitation of The Maritime Jurisdiction Areas in The Mediterranean // United Nations. 2019. 27 November. URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/Turkey_11122019_%28HC%29_MoU_Libya-Delimitation-areas-Mediterranean.pdf
17. Cevrioğlu E.Ş., Begçecanlı B. Doğu Akdeniz'de olası Türkiye-Mısır ittifakı iki ülke için yeni kapılar açabilir // Anadolu Agency. 2021. 16 April. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/dogu-akdenizde-olasi-turkiye-misir-ittifaki-iki-ulke-icin-yeni-kapilar-acabilir/2210828>
18. Москва. СМИ сообщили о давлении Турции и Египта на Ливию для возобновления поставки ее нефти // Интерфакс. 2024. 15 сентября. URL: <https://www.interfax.ru/world/982117>
19. De Toni C. New ties between Turkey and Egypt // Istituto Analisi Relazioni Internazionali. 2024. 17 Novembre. URL: <https://iari.site/2024/11/17/new-ties-between-turkey-and-egypt/>
20. Yeşiltaş M. From rivalry to alliance: The new phase in Türkiye-Egypt relations // SETA. 2024. 8 September. URL: <https://www.setav.org/en/opinion/from-rivalry-to-alliance-the->

new-phase-in-turkiye-egypt-relations

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают отношения между Турцией и Египтом. Учитывая достаточно напряжённую обстановку в исследуемом регионе, а также ключевую роль, которую играют в этом регионе обе страны, научную актуальность и практическую значимость выбранной темы следует признать весьма высокой. Однако методология исследования прописана автором достаточно невнятно. Совершенно непонятно выражение «в качестве метода... был использован метод качественного исследования [это какой конкретно метод? нет такого метода «качественного исследования»! – рец.]» Методологически (и стилистически!) странным представляется также выражение «дискурс-анализ, основанный на заявлениях». Это сам метод дискурс-анализа основан на заявлениях? Или соответствующие декларации политиков послужили эмпирическим материалом для применения метода дискурс-анализа? Тем более, что ниже автор вполне корректно формулирует свою мысль: «Источниками данных являются официальные заявления и дипломатические документы». Но с заявленным методом дискурс-анализа есть ещё одна проблема: в рецензируемой статье следов применения данного метода обнаружить не удалось. И причины, по которым автор декларировал этот метод, остались непрояснёнными. Тем не менее, из контекста можно понять, что в процессе работы автор действительно использовал некоторые научные методы, но недостаточно их отрефлексировал. Речь идёт, прежде всего, об институциональном методе (при анализе конкретных институтов, оказавших влияние на процесс нормализации отношений между Турцией и Египтом), концептуальный анализ (при изучении ключевых положений политических документов, посвящённых указанному процессу), статистический анализ вторичных данных (при исследовании изменений в отношениях между Турцией и Египтом в экономической сфере). Ещё одно следствие недостаточной теоретико-методологической рефлексии – это банальность полученных результатов и отсутствие научной новизны в тех выводах, которые формулирует сам автор в заключении (хотя это не означает полное отсутствие новизны в работе, просто сам автор недостаточно отрефлексировал эту новизну). В самом деле, когда читаешь, что результатом исследования стал вывод о том, что «нормализация отношений между Турцией и Египтом оказала положительное влияние на политическую, экономическую и геополитическую сферы между двумя странами», невольно задаёшься вопросом: а стоило ли огород городить ради такого слабого вывода? Этот вывод можно было сделать без всякого исследования, он самоочевиден. При этом тот вывод, который мог бы претендовать на некоторую новизну не только остался в тени, но и практически никак не обоснован в тексте: «Новый процесс, начавшийся между Турцией и Египтом, может приобрести структурный характер только тогда, когда две страны предпримут совместные шаги по определению границ морской юрисдикции в Восточном Средиземноморье». В связи с этим автору следует тщательно продумать, какими именно методологическими средствами он проводил исследование, в каком теоретическом контексте это делалось, какие научные результаты были получены в итоге, и какова научная новизна этих результатов. Только после этого можно будет говорить о публикации статьи. В структурном плане рецензируемая работа производит вполне нейтральное впечатление: автор поставил своей задачей анализ политических, экономических и геополитических последствий нормализации отношений между Турцией и Египтом, и реализовал этот

замысел, отразив в заголовках разделов текста, каждый из которых посвящён одному из выбранных направлений: политике, экономике и геополитике. А вот к стилю рецензируемой статьи вопросы есть. В целом стиль научно-аналитический, но перемежаемый досадными отклонениями вроде «политика двух стран... открыла дверь в новую эру». То есть, стиль очень неровный. Кроме того, в тексте встречается избыточное количество стилистических и грамматических погрешностей (помимо отмеченных выше можно указать также на повторы «В ходе этого исследования также будет... В ходе этого исследования результаты...», «В качестве метода... метод качественного...», «Египет предпринял... и принял участие..., в котором также участвовал...» и множество др.; или на не совсем корректные с точки зрения стиля выражения вроде «в процессе нормализации отношений между Турцией и Египтом сохраняется осторожность [настороженность? – рец.]», «влияние нормализации турецко-египетских отношений на политическую арену [арену? в таком контексте данное слово вообще не используют! как отношения могут влиять на арену? рец.]»; и др.), и этот факт окончательно перевесил чашу весов в пользу доработки статьи. Библиография насчитывает 20 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу недостаточной теоретико-методологической рефлексии: автор полностью проигнорировал этот этап работы, когда при постановке научной проблемы проводится анализ существующих подходов к решению этой проблемы, делается (и обосновывается!) теоретико-методологический выбор, на основании которого затем проводится анализ собранного эмпирического материала. Недостаток этой работы привёл автора к тому, что он декларировал те методы, которые реально не использовал, и получил результаты, новизна которых сомнительна. Тем не менее, в числе достоинств рецензируемой статьи можно упомянуть достаточно интересную и актуальную тему, а также немалый объём эмпирического материала, привлечённого для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе её подготовки можно квалифицировать в качестве научной работы, не полностью отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Автору следует провести более тщательную теоретико-методологическую работу, лучше продумать те результаты, которые были им получены, и описать их в заключении с акцентом на их научной новизне, а также устранить все стилистические и грамматические погрешности. В целом, выбранная автором тема для исследования представляет интерес для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Право и политика» и после устранения указанных недостатков может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи исследует политические, экономические и геополитические аспекты влияния нормализации отношений между Турцией и Египтом на современном этапе. Принимая во внимание сохраняющуюся напряженность в регионе Ближнего Востока на фоне обострения арабо-израильского конфликта, актуальность темы представляется бесспорной. В то же время, следует отметить ряд теоретико-

методологических недостатков данной статьи. Во-первых, по непонятным причинам автор дважды формулирует цель исследования – 1) «изучить влияние шагов по нормализации отношений, предпринятых администрациями Турции и Египта, на политическую, экономическую и геополитическую сферы между двумя странами», и 2) «изучить влияние политической нормализации отношений между Турцией и Египтом на политические, экономические и геополитические отношения между двумя странами». На мой взгляд, необходимо оставить одну формулировку – напр., - «определить влияние нормализации турецко-египетских отношений на геополитическую ситуацию в регионе». Поскольку такая формулировка сама по себе предполагает прогнозирование возможного развития ситуации, то лучше убрать из текста вторую цель – «рассмотреть будущие последствия улучшения турецко-египетских отношений». Во-вторых, несмотря на то, что автор пишет о «конструктивистском» и «реалистском» подходах к внешней политике, фактически ни один из этих подходов не применяется в теоретическом ключе. Вместо этого, автор рассматривает «конструктивизм» и «реализм» как внешнеполитические стратегии, используемые государствами от случая к случаю (получается так, что в одних случаях политика государства может быть «реалистской», а в других «конструктивистской»). При этом автор не ссылается на работы ведущих представителей реализма (Г. Моргентау, К. Уолтц, Дж. Миршаймер, и др.) и конструктивизма (А. Вендт, Ф. Кратчвил, М. Финнемор, и др.) и не описывает сущность этих теоретических течений. Стоит также подчеркнуть, что «реализм» и «конструктивизм» являются конфликтующими теориями, придающими центральное значение принципиально разным факторам, лежащим в основе внешней политики государств. Так, реализм делает акцент на национальных интересах, анархии и балансе сил как объективных категориях, которые ВСЕГДА оказывают решающее влияние на поведение государств. Напротив, конструктивизм исходит из того, что в основе внешней политики лежат смыслы – то есть, априори субъективные категории, формирующиеся в результате процессов взаимодействия акторов и интерпретации ими окружающего мира (а также себя самих по отношению к значимым «другим»). Судя по тому, что автор упоминает среди используемых в статье методов «дискурсивный анализ», исследование должно опираться на конструктивистский подход. Вместе с тем, сомнение вызывает «институциональный метод», суть которого автор не проясняет. Прежде всего, остается неясным – о каких именно институтах идет речь? Здесь же автор пишет, что в статье исследованы «стратегии других стран региона», хотя на самом деле в тексте ничего подобного нет. Более того, автор, по сути, исследует только стратегию Турции, в то время как о стратегии Египта не сказано практически ничего. В-четвертых, научная новизна статьи сомнительна. Тезис автора о том, что «основой нормализации турецко-египетских отношений является трансформация политики турецкого правительства в отношении Египта от конструктивистских подходов (...) к реалистическим подходам...», выглядит неубедительно, поскольку игнорирует роль Египта, других держав, а также регионального контекста в целом. Не говоря о том, что политику государств принято рассматривать ЛИБО с реалистской, ЛИБО с конструктивистской точек зрения. Если же мы утверждаем, что «Турция сначала проводила конструктивистскую политику, а затем перешла к реалистской», это значит, что целостного теоретического осмысления политики Анкары в отношении Каира нам достичь не удалось. Кроме того, остается неясным – почему произошел переход Турции от реализма к конструктивизму? Почему только (и только ли?) в отношении Египта? Почему Турция последовательно придерживается стратегии «пан-тюркизма», основанного на конструктивистском подходе, и преследует политику идентичности в отношении Палестины (как мусульманского государства), а в отношении Египта стала придерживаться реализма? Если бы автору удалось дать теоретически обоснованные ответы на эти вопросы, статья

могла бы претендовать на научную новизну. В-пятых, структура статьи выглядит несбалансированной - объем введения превышает объем разделов статьи, взятых по отдельности. На мой взгляд, имеет смысл добавить историографический раздел, вводящий читателя в курс дела – почему отношения Турции и Египта были разорваны, как началась и протекала нормализация, и т.д. Остальные разделы следует расширить, особенно тот, который касается экономической сферы (сейчас раздел состоит из двух абзацев). Библиографию необходимо расширить за счет привлечения большего числа академических работ. В текущей версии рукописи библиографический список состоит преимущественно из ссылок на новостные и аналитические материалы, исследовательские труды составляют менее половины списка. При условии проведения соответствующей доработки рукописи, статья может представлять интерес аудитории журнала.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена исследованию влияния нормализации турецко-египетских отношений на политическую, экономическую и геополитическую сферы.

Методология исследования базируется на использовании институционального метода, изучении официальных и дипломатических документов, анализе официальных статистических данных о развитии экономики и торговли в двух странах, обобщении научных публикаций на разных языках об отношениях между Турцией и Египтом.

Актуальность работы авторы связывают с процессом нормализации турецко-египетских отношений, с переходом турецкого правительства от политики, ориентированной на идентичность, к реалистичной политике, ставящей во главу угла национальные интересы в отношениях с Египтом, а также ответной положительной реакцией Египта и восстановлением двухсторонних отношений.

Научная новизна рецензируемого исследования состоит в авторской оценке влияния шагов по нормализации отношений, предпринятых администрациями Турции и Египта, на политическую, экономическую и геополитическую сферы между двумя странами, а также в обосновании политического прогноза о будущем турецко-египетских отношений.

Структурно в тексте публикации выделены такие озаглавленные разделы: Введение, Влияние нормализации турецко-египетских отношений на политическую сферу, Влияние нормализации отношений между Турцией и Египтом на экономическую сферу, Влияние нормализации отношений между Турцией и Египтом на геополитическую сферу, Вывод и Библиография.

В статье авторы отмечают, что что нормализация отношений между двумя странами имеет положительные последствия не только с точки зрения двусторонних отношений, но и с точки зрения выработки общих позиций в региональных кризисных зонах. Отмечено, что с восстановлением отношений наметилась положительная тенденция во взаимных экономических отношениях, увеличился объем товарооборота, наблюдается рост инвестиций турецких компаний в Египет, предпринимают шаги по развитию совместных инвестиций в африканских странах. Высказано также предположение, что Турецко-египетский альянс может стать важной вехой в объединении стран региона - от стран Персидского залива до Ирана.

Библиографический список включает 20 источников – научные публикации зарубежных и отечественных авторов по рассматриваемой теме на иностранных и русском языках, а также интернет-ресурсы. В тексте публикации имеются адресные отсылки к списку

литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Из замечаний, обращающих на себя внимание стоит отметить следующие. Во-первых, формулировка цели статьи повторяется дважды во введении почти дословно – это представляется излишним. Во-вторых, раздел «Вывод» уместно назвать в множественном числе, тем более, что здесь нашли отражение два новых с научной точки зрения результата.

Рецензируемый материал соответствует направлению журнала «Право и политика», отражает результаты проведенного авторского исследования, может вызвать интерес у читателей, может быть рекомендован к опубликованию после доработки в соответствии с высказанными замечаниями.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Ахмадова М.А., Щунина Т.Е. Расширение направлений экспериментальных правовых режимов (на примере федеральной территории «Сириус») // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73005 EDN: YJXRQH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73005

Расширение направлений экспериментальных правовых режимов (на примере федеральной территории «Сириус»)

Ахмадова Марьям Абдурахмановна

ORCID: 0000-0003-1423-7044

кандидат юридических наук

старший преподаватель; кафедра предпринимательского и корпоративного права; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Начальник отдела юридического сопровождения; ГБУ "Аналитический центр контрольной деятельности"

119618, Россия, г. Москва, ул. Татьянин Парк, 14/4

✉ 4ernijkvadrat95@gmail.com

Щунина Татьяна Евгеньевна

аспирант, институт общественных наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), руководитель проектов, преподаватель, младший научный сотрудник, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации РАНХиГС
ИНИОН РАН

119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82

✉ tatyanashchunina@gmail.com

[Статья из рубрики "Государственные институты и правовые системы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73005

EDN:

YJXRQH

Дата направления статьи в редакцию:

12-01-2025

Аннотация: Предметом исследования в настоящей статье выступает анализ предпосылок создания экспериментальных правовых режимов в правовом

регулировании Российской Федерации и расширения области их применения. Авторами выявлены положительные эффекты от установления экспериментальных правовых режимов в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета и подготовки соответствующих кадров в сжатые сроки и с максимальным погружением в сферу информационных технологий, а также обозначены риски для российской правовой системы, обусловленные стремительным распространением практики применения данного инструмента. Предметом исследования в настоящей статье выступает анализ предпосылок создания экспериментальных правовых режимов в правовом регулировании Российской Федерации и расширения области их применения. Авторами выявлены положительные эффекты от установления экспериментальных правовых режимов в условиях необходимости обеспечения технологического суверенитета и подготовки соответствующих кадров в сжатые сроки и с максимальным погружением в сферу информационных технологий, а также обозначены риски для российской правовой системы, обусловленные стремительным распространением практики применения данного инструмента. В фокусе авторского внимания находятся также особенности апробации новаторских подходов в сфере образования в рамках осуществления экспериментального правового режима на федеральной территории «Сириус». При исследовании использовались такие методы научного познания, как: общенаучный, диалектический и формально-юридический методы. Одновременно автор исходит из объективно-субъективной заданности процессов и явлений, и их взаимосвязанности. Новизна исследования заключается в постановке проблемы, подходах к ее исследованию. Автор делает вывод о том, что расширение практики применения экспериментального нормотворчества в целях нивелирования риска утраты правопорядком своей устойчивости указывает на необходимость создания федерального нормативного правового акта, который создаст единый понятийно-категориальный аппарат, введет стандарт (порядок) учреждения экспериментальных правовых режимов, а также создаст параметрическую шкалу показателей мониторинга эффективности и результативности экспериментальных правовых режимов.

Ключевые слова:

экспериментальный правовой режим, технологические инновации, образование, кадры, цифровые инновации, Сириус, информационные технологии, безопасность, государство, стратегическое планирование

В начале 2022 г. Россия оказалась в новых геополитических реалиях, когда одним из ключевых аспектов обеспечения безопасности государства и преодоления негативных последствий от антироссийских санкций [\[1\]](#) на отечественную экономику стал доступ к критическим технологиям. В этих условиях перед государством встала задача обеспечить формирование национального технологического суверенитета, который основывается на качественном прорыве в сфере научно-технологического развития [\[2\]](#).

Эта идея нашла отражение в ряде документов стратегического планирования, где ключевая роль отводится Указу Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Стратегия) (Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887), которым закрепляются цели, задачи, направления и приоритеты инновационного развития экономики страны, а также способы достижения такого

технологического рывка.

В этом контексте заслуживает внимания принятый в соответствии с указанными национальными целями по обеспечению технологического лидерства страны Федеральный закон от 28 декабря 2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 523) (Федеральный закон от 28 декабря 2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8533), который вступает в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования.

В этой связи в условиях динамичной действительности, как справедливо отмечает профессор А.В. Габов, наука активно начала продуцировать новые технологии внедрение которых требует изменения существующих подходов к правовому регулированию отношений в сфере их использования ^[3]. Следует отметить, что Федеральный закон № 523 в качестве одной из задач технологической политики выделяет, в том числе создание благоприятных правовых условий для осуществления деятельности по реализации технологической политики.

В области регулирования применения инновационных технологий правотворческий процесс осложняется отсутствием какого бы то ни было опыта аналитики применения таких технологий и возможности прогнозирования рисков, сопряженных с изменением устоявшихся моделей регулирования правоотношений. В целях преодоления таких сложностей стремительное развитие за последние годы получили формы экспериментального нормотворчества, предоставляющие возможность внедрения и апробацию новых юридических норм в ограниченных пределах перед их масштабированием. Конечно, при условии, если апробация по итогу будет признана состоявшейся.

По этой причине в современной правовой доктрине предмет исследования настоящей статьи вызывает очевидный интерес. В этом формате теоретическую основу исследования составили труды таких специалистов как Демченко М.В. ^[3], Дахненко С.С. ^[3], Дегтярев М.А. ^[11], Ефремов А.А. ^[9] и другие. Также на разных стадиях затрагиваются труды Тарасенко О.А. ^[4], Дмитрик Н.А. ^[10] о рисках применения форм экспериментального нормотворчества для правовой системы, Буянова А.В. ^[6] – о реформировании системы образования в России и пр.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод, который обосновывает взаимообусловленность всех социальных процессов, в том числе в области применения экспериментальных форм нормотворчества. Для получения конечных выводов автором были использованы такие общенаучные методы формальной логики как индукция, дедукция, анализ, синтез.

Экспериментальное нормотворчество набирает чрезвычайные темпы и об этом главным образом свидетельствует количество принятых за последние годы нормативно-правовых актов, носящих экспериментальный характер. Так, согласно исследованию, проведенному Агентством стратегических инициатив, с 2016 г. по 2023 г. количество ежегодно устанавливаемых правовых экспериментов увеличилось в 14 раз (Концепция формирования новой организационно-правовой модели установления экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации // URL:

<https://asi.ru/library/research/200471/> (дата обращения: 05.01.2025).

При этом для нас очевидно, что с учетом расширения области применения Федерального закона 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (Федеральный закон 31 июля 2020 года № 258-ФЗ // СР РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5017) очевидны предпосылки для их дальнейшего роста. Такое положение вещей позволяет сделать вывод о том, что данный инструмент становится одним из ключевых инструментов развития российской правовой системы [4].

Вместе с тем, признавая положительный эффект от установления экспериментальных правовых режимов, эксперты справедливо обращают внимание на наличие рисков использования такого инструмента, поскольку расширение его применения «несет риск утраты правопорядком его устойчивости» (Письмо Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ в адрес Агентства стратегических инициатив от 18.09.2023 № 01-28/305). Вместе с тем в доктрине озвучивается и иная позиция. Так, по мнению Н.А. Дмитрика перспективы применения форм экспериментального нормотворчества достаточно ограничены, поскольку распространяют свое действие только на ограниченный круг субъектов, в то время как, например, прорывные цифровые технологии трансформируют все сферы общества и потому правовая определенность не уменьшается, а, наоборот, увеличивается [10]. М.А. Дегтярев придерживается схожих научных взглядов, отмечая при этом, что Закон 258-ФЗ очень сужают предметные области применения экспериментальных правовых режимов, как бы широко мы ни трактовали «цифровизацию» [11].

В целях нивелирования этих рисков научному сообществу необходимо уделить особое внимание формированию фундаментальной научно-теоретической базы с целью приведения к единообразию понятийного и терминологического аппарата, выработки исчерпывающего перечня критериев, определяющих случаи, когда оправданно установление экспериментального правового регулирования [5]. Подобные исследования уже проводятся учеными и в числе таковых внимания заслуживают работы, в которых авторами формируются конкретные предложения по совершенствованию текущего регулирования. Так, А.А. Ефремов, признавая фрагментарный характер правового регулирования экспериментов, предлагает в том числе систематизировать нормы об их введении, а также обеспечить системную взаимосвязь между стратегическим планированием и планированием нормотворческого процесса [9].

Технологический прогресс основывается в первую очередь на достижениях науки. А наука, в свою очередь, - это люди. Следовательно, научно-технологический прогресс невозможен без интенсивной подготовки соответствующих кадров в сжатые сроки и с максимальным погружением в сферу информационных технологий. Эта идея проходит красной нитью через все ключевые документы, в том числе упомянутую Стратегию, Концепцию технологического развития РФ на период до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р) и пр.

Одновременно с этим отметим, что одним из 9 федеральных проектов, вошедших в новый национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // URL : <https://d-russia.ru/nacproekt-jekonomika-dannyh-i-cifrovaja-transformacija-gosudarstva-novye-svedenija-obnarodovany-na-prof-it.html> (дата обращения: 05.01.2025) является проект «Кадры для цифровой трансформации». Все это указывает на

необходимость реформирования в определенной части сферы образования и науки, в том числе с целью вовлечения бизнеса в образовательный процесс с целью формирования кадров, отвечающих потребностям наукоемкого бизнеса. Сейчас наукоемкий бизнес России с трибуны ведущих площадок (Восточный экономический форум, сессия «Цифровизация госуправления и экономика данных: конкуренты или партнеры?» // URL: <https://forumvostok.ru/programme/business-programme/> (дата обращения: 05.01.2025) для обсуждения ключевых вопросов экономики и права заявляют о том, что, например, выпускников ведущих отечественных образовательных учреждений им приходится переучивать в течение 3-х лет.

Такое положение вещей указывает на необходимость реформирования системы образования на всех уровнях. Вместе с тем сфера образования и науки является важным компонентом социальной политики государства и потому требует выраженной осторожности, поскольку любые изменения могут иметь как отрицательные, так и положительные стороны [6].

На сегодняшний день апробация и тестирование новаторских подходов к вопросу реформирования сферы образования осуществляется в федеральной территории «Сириус». Порядок разработки такого экспериментального правового режима определен постановлением Правительства Российской Федерации. Программа экспериментального правового режима на федеральной территории «Сириус» разработана в соответствии пунктом 10 перечня поручений Президента Российской Федерации, в котором рекомендовано органам публичной власти федеральной территории «Сириус» совместно с Научно-технологическим университетом «Сириус» обеспечить введение экспериментального правового режима для организации в 2022 – 2030 годах интенсивной подготовки кадров в области информационных технологий и информационной безопасности (Перечень поручений по итогам заседания попечительского совета образовательного фонда «Талант и успех» (утв. Президентом РФ 10.07.2022 № Пр-1224) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421687/ (дата обращения: 07.01.2025). Программой экспериментального правового режима предусматривается создание интегрированной образовательной программы, совмещающей в себе программу общего и высшего образования, что обеспечит критически важное сокращение сроков подготовки для сферы информационных технологий инженеров-исследователей с комплексными компетенциями уровня архитектора систем.

Прежде чем перейти к предметному анализу особенностей осуществления экспериментального правового режима (далее – ЭПР) на федеральной территории «Сириус» отметим, что в России в настоящее время реализуются ЭПР по двум основным направлениям – в сфере цифровых и технологических инноваций (объединенных под общее регулирование Федеральным законом 31.07.2020 № 258-ФЗ) и в сфере образования.

Фундаментальное значение для ЭПР в указанных направлениях имеет Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5006), который содержит условие о том, что «порядок установления и период действия ЭПР в сфере применения обязательных требований определяются в соответствии с федеральными законами». Эта норма позволяет путем внесения изменений (дополнений) в федеральные законы предусмотреть возможность создания в сферах их регулирования ЭПР. Именно по этому пути параллельно от цифровых

инноваций пошли создатели ЭПР в сфере образования (а также в перспективе создания ЭПР в сфере развития физической культуры и спорта), посредством внесения дополнений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598) и Федеральный закон от 4 декабря 2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (Федеральный закон от 4 декабря 2007 № 329-ФЗ // СЗ РФ, 10.12.2007, № 50, ст. 6242) соответственно.

Следовательно ЭПР в сфере образования осуществляется не в рамках «регуляторной песочницы», созданной Федеральным законом 31.07.2020 № 258-ФЗ в целях формирования благоприятных условий для развития и внедрения цифровых инноваций, опережающих действующее законодательство, путем снятия барьеров и ограничений, присущих текущему правовому регулированию.

Стоит отметить, что при отсутствии единого верхнеуровневого нормативного правового акта, регламентирующего цели, задачи, перечень критериев, обязательных к учету при создании ЭПР, а также общий порядок их формирования, на сегодняшний день формируемая практика экспериментального нормотворчества складывается не структурированно.

Вместе с тем фактическое отсутствие единой законодательной структуры ЭПР сложилось отчасти по причине создания ряда особенностей в регулировании тех территорий, на которых начали создаваться ЭПРы. Речь идет об установленных особенностях организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности в федеральной территории «Сириус» [\[7\]](#).

Сравнивая структуру законодательных актов ЭПР в сфере цифровых инноваций и образования, необходимо отметить следующие различия.

Так, по структуре ЭПР в цифровых инновациях первично регулирование на уровне федерального закона, который определяет цели и принципы, круг участников, а также регулирует отношения, связанные с их установлением и реализацией, в том числе изменением, приостановлением, прекращением, мониторингом, оценкой их эффективности и результативности.

Следующим этапом регулирования является создание целого ряда постановлений Правительства РФ, утверждающих:

1. Перечни технологий, применяемых в рамках ЭПР в сфере инноваций;
2. Правила ведения реестра ЭПР и доступа к нему;
3. Правила приостановления действия ЭПР в сфере цифровых инноваций, прекращения действия ЭПР, уведомления субъекта/субъектов ЭПР о приостановлении или прекращении действия ЭПР;
4. Положение о принятии Минэкономразвития России решения о приостановлении или прекращении статуса субъекта ЭПР в сфере цифровых инноваций в ЭПР и об уведомлении субъекта ЭПР о принятии такого решения;
5. Правила мониторинга ЭПР, оценки эффективности и результативности реализации ЭПР, общественного обсуждения вопросов эффективности и результативности реализации ЭПР.

Финальным этапом законодательного регулирования ЭПР в цифровых инновациях является перечень ведомственных актов Минэкономразвития России, регулирующих вопросы порядка заявки на присоединение, уведомления и присоединения к ЭПР, ведения реестра контактов участника ЭПР, порядка рассмотрения участниками ЭПР жалоб, порядка предоставления отчетов участников ЭПР.

К особенностям же ЭПР в сфере образования относится в первую очередь наличие поручения Президента РФ по итогам заседания попечительского совета образовательного фонда «Талант и успех» о необходимости обеспечения введения ЭПР для организации в 2022 – 2030 годах интенсивной подготовки кадров в области информационных технологий и информационной безопасности. Целью и научной гипотезой данного ЭПР является отмена части нормативных требований за счет апробации созданной интегрированной образовательной программы, совмещающей в себе программу среднего общего и высшего образования, что должно обеспечить критически важное сокращение сроков подготовки кадров. За счет отмены нормативных требований, касающихся поступления на программу высшего образования только после завершения среднего общего образования участники ЭПР (ученики) получают возможность поступления не после 11-го класса, а после 9-го.

Рассматривая нормативную регламентацию процессов создания ЭПР, следующим шагом на федеральном уровне, как уже ранее было отмечено, выступает внесение изменений в профильный федеральный закон в части установления возможности проведения ЭПР в сфере образования в федеральной территории «Сириус». Кроме того, на федеральном уровне утверждены Правила разработки программы экспериментального правового режима в федеральной территории «Сириус», направленного на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных программ, образовательных технологий, образовательных ресурсов, средств обучения и воспитания (утв. Постановлением Правительства РФ от 05.09.2023 № 1450).

В свою очередь на уровне федеральной территории «Сириус» разработаны и приняты следующий перечень локальных нормативных правовых актов, призванных регламентировать порядок осуществления в исследуемой сфере, а именно:

- Положение о введении о введении экспериментального правового режима в федеральной территории «Сириус», направленного на разработку, апробацию и внедрение новых образовательных программ, образовательных технологий, образовательных ресурсов, средств обучения и воспитания» (утв. Решением Совета федеральной территории «Сириус» от 2 февраля 2024 года № 1-34/235) (далее – Положение ЭПР) ([URL:https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/gwtXjAYRrEj3ZPp](https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/gwtXjAYRrEj3ZPp) (дата обращения: 09.01.2025));
- Программа экспериментального правового режима в федеральной территории «Сириус», направленного на разработку, апробацию и внедрение новой образовательной программы в области информационных технологий и информационной безопасности (Постановление главы администрации федеральной территории «Сириус» от 9 февраля 2024 года № 8-п) (далее – Программа ЭПР) ([URL:https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/28W9gQpykrigimb](https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/28W9gQpykrigimb) (дата обращения: 09.01.2025));
- Положение о Комиссии Совета федеральной территории «Сириус» по вопросам образования и подготовки кадров в сфере информационных технологий и информационной безопасности» (утв. Решение Совета федеральной территории «Сириус» от 2 февраля 2024 года № 1-34/236) (далее – Комиссия ЭПР) ([URL:](https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/28W9gQpykrigimb)

<https://nextcloud.sirius-ft.ru/index.php/s/HakwAJdJk8RAzMB> (дата обращения: 09.01.2025).

В данной правовой конструкции Положение ЭПР является верхнеуровневым правовым актом, структурирующим в себе цели и задачи ЭПР, реализуемого в федеральной территории «Сириус» в сфере образования, а также его порядок введения, перечень требований для участников ЭПР и иные условия, которые частично могут уточняться в Программе ЭПР в зависимости от специфики направления реализуемого ЭПР в сфере образования.

Важной особенностью в действующем ЭПР в сфере образования является обязанность согласования проекта Программы ЭПР в сфере образования, а также направление ежегодных докладов о ходе реализации ЭПР в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, а также Министерство просвещения Российской Федерации.

Также в особенностях ЭПР в сфере образования можно отметить срок его реализации – до 1 июля 2033 года. В то время, как ЭПР в сфере цифровых инновациях устанавливается срок 1 – 3 года. Такое положение вещей связано с особенностью ЭПР в сфере образования, обусловленной продолжительностью апробации интегрированной образовательной программы, когда для подтверждения обоснованности ее тиражирования необходимо провести от 4 до 5 выпусков обучающихся с верификацией плановых значений целевых показателей. Тем самым, срок действия ЭПР в сфере образования формирует особенность длительности его проведения.

Непосредственным контролем реализации ЭПР в сфере образования является оценка результативности ЭПР в сфере образования, которая осуществляется Комиссией ЭПР в рамках регулярного мониторинга в соответствии с утвержденными показателями результативности ЭПР в сфере образования, утвержденными Программой ЭПР. К этим показателям относятся как счетные (численность поступивших, количество участвующих компаний, доля успешно завершивших обучение, доля трудоустроенных выпускников), так и уникальные показатели, измеряющие уровень удовлетворенности. Стоит отметить, что наличие показателей уровня удовлетворенности соответствуют вектору работы Правительства РФ, в частности речь об обновленных национальных целях развития Российской Федерации, в которых впервые появились пять показателей по уровню удовлетворенности населения и эта тенденция имеет перспективы развития в качестве оценки уровня доверия населения к решениям, принимаемым властью. А от этого фактора зависит успех правового эксперимента и возможность его масштабирования на страну без встречи сопротивления от населения как к чему-то неизвестному.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что расширение практики и области применения экспериментального нормотворчества имеет очевидные предпосылки, однако авторы статьи считают, что в условиях отсутствия единого верхнеуровневого нормативного правового документа для ЭПР в различных областях в целях нивелирования риска утраты правопорядком своей устойчивости необходимо формировать фундаментальную научно-теоретическую базу с целью приведения к единообразию понятийно-категориального аппарата, выработки исчерпывающего перечня критериев, определяющих случай, когда оправданно установление экспериментального правового регулирования и пр.

По итогам проведенного исследования авторы статьи считают, что в первую очередь необходимо создание федерального нормативного правового акта, который сформирует единый понятийно-категориальный аппарат для всех экспериментальных правовых

режимов, вводимых в законодательстве Российской Федерации ^[9], введет стандарт (порядок) учреждения экспериментальных правовых режимов, а также создаст параметрическую шкалу показателей мониторинга эффективности и результативности экспериментальных правовых режимов. При реализации данной рекомендации будет качественно улучшена и систематизирована нормативная правовая база, что позволит говорить о системности применения механизма экспериментальных правовых режимов как эффективного инструмента адаптации законодательства под обновленные национальные цели развития Российской Федерации, изложенные в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 // СЗРФ, 13.05.2024, № 20, ст. 2584).

Библиография

1. Тюкавкин Н. М., Анисимова В. Ю. Процессы импортозамещения в промышленности России: теоретические и практические аспекты // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2023. Т. 14. № 1. С. 44.
2. Ахмадова М.А. Правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности как фактор роста или сдерживания развития технологического предпринимательства // Право и политика. 2024. № 12. С. 48-64. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.71781 EDN: YFIJIE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71781
3. Демченко М. В., Дахненко С. С. Правовое регулирование экспериментальных правовых режимов в условиях цифровой экономики и перспективы их использования в финансовом секторе // Финансовое право. 2022. № 12. С. 33-37.
4. Тарасенко О. А. Экспериментальное нормотворчество: доктрина, практика, техника: монография / отв. ред. О. А. Тарасенко. Москва: Проспект, 2024. 136 с.
5. Егоров П. Е. К вопросу об общем состоянии экспериментального нормотворчества // Право и бизнес. 2024. № 3. С. 11-16.
6. Буянова А. В. Реформирование системы образования в России: ожидания и реальность // Символ науки. 2019. № 2. С. 42-45.
7. Щунина Т. Е. Экспериментальный правовой режим как механизм обеспечения достижения национальных целей развития Российской Федерации // Наукосфера. 2024. № 6 (1). С. 182-188.
8. Сушильников И. С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 109-118.
9. Ефремов А. А. Проблемы экспериментального нормотворчества в сфере цифровых инноваций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 53-60.
10. Дмитрик Н. А. Экспериментальные правовые режимы: теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64-72.
11. Дегтярев М. А. Экспериментальные правовые режимы: постановка научной проблемы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 152-155.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Расширение направлений экспериментальных правовых режимов (на примере федеральной территории «Сириус»)».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам экспериментальных правовых режимов и их использования на практике. Автор анализирует правовые акты в рассматриваемой сфере, делаются выводы по направлениям их совершенствования. Так, отмечается, что «заслуживает внимания принятый в соответствии с указанными национальными целями по обеспечению технологического лидерства страны Федеральный закон от 28 декабря 2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 523) (Федеральный закон от 28 декабря 2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ, 30.12.2024, № 53 (Часть I), ст. 8533), который вступает в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования». В качестве конкретного предмета исследования выступили, положения правовых актов, мнения ученых, материалы практики.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса об экспериментальных правовых режимах и их использования на практике. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования. В самой статье указано, что «Методологическую основу исследования составил диалектический метод, который обосновывает взаимообусловленность всех социальных процессов, в том числе в области применения экспериментальных форм нормотворчества. Для получения конечных выводов автором были использованы такие общенаучные методы формальной логики как индукция, дедукция, анализ, синтез».

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов судебной практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства. Например, следующий вывод автора: «Прежде чем перейти к предметному анализу особенностей осуществления экспериментального правового режима (далее – ЭПР) на федеральной территории «Сириус» отметим, что в России в настоящее время реализуются ЭПР по двум основным направлениям – в сфере цифровых и технологических инноваций (объединенных под общее регулирование Федеральным законом 31.07.2020 № 258-ФЗ) и в сфере образования. Фундаментальное значение для ЭПР в указанных направлениях имеет Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ // СЗ РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5006), который содержит условие о том, что «порядок установления и период действия ЭПР в сфере применения обязательных требований определяются в соответствии с федеральными законами». Эта норма позволяет путем внесения изменений (дополнений) в федеральные законы предусмотреть возможность создания в сферах их регулирования ЭПР. Именно по этому пути параллельно от цифровых инноваций пошли создатели ЭПР в сфере образования (а также в перспективе создания ЭПР в сфере развития физической культуры и спорта), посредством внесения дополнений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-

ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7598) и Федеральный закон от 4 декабря 2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (Федеральный закон от 4 декабря 2007 № 329-ФЗ // СЗ РФ, 10.12.2007, № 50, ст. 6242) соответственно».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема экспериментальных правовых режимов и их использования на практике сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «В начале 2022 г. Россия оказалась в новых геополитических реалиях, когда одним из ключевых аспектов обеспечения безопасности государства и преодоления негативных последствий от антироссийских санкций [1] на отечественную экономику стал доступ к критическим технологиям. В этих условиях перед государством встала задача обеспечить формирование национального технологического суверенитета, который основывается на качественном прорыве в сфере научно-технологического развития».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«расширение практики и области применения экспериментального нормотворчества имеет очевидные предпосылки, однако авторы статьи считают, что в условиях отсутствия единого верхнеуровневого нормативного правового документа для ЭПР в различных областях в целях нивелирования риска утраты правопорядком своей устойчивости необходимо формировать фундаментальную научно-теоретическую базу с целью приведения к единообразию понятийно-категориального аппарата, выработки исчерпывающего перечня критериев, определяющих случаи, когда оправданно установление экспериментального правового регулирования и пр.».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. В частности,

«По итогам проведенного исследования авторы статьи считают, что в первую очередь необходимо создание федерального нормативного правового акта, который сформирует единый понятийно-категориальный аппарат для всех экспериментальных правовых режимов, вводимых в законодательстве Российской Федерации [9], введет стандарт (порядок) учреждения экспериментальных правовых режимов, а также создаст параметрическую шкалу показателей мониторинга эффективности и результативности экспериментальных правовых режимов. При реализации данной рекомендации будет качественно улучшена и систематизирована нормативная правовая база, что позволит говорить о системности применения механизма экспериментальных правовых режимов как эффективного инструмента адаптации законодательства под обновленные национальные цели развития Российской Федерации, изложенные в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 // СЗРФ, 13.05.2024, № 20, ст. 2584)».

Приведенный вывод может быть актуален и полезен для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного

сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Право и политика», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с экспериментальными правовыми режимами.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг поставленной цели работы.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено. При этом имеются некоторые незначительные технические неточности в плане оформления работы, что может быть исправлено в процессе редакторской правки.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Тюкавкин Н. М., Анисимова В. Ю., Тарасенко О. А., Дмитрик Н.А., Ефремов А. А. и другие).

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Пахомов В.Н. Блокчейн как технологическое средство обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.71379 EDN: YJCXSR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71379

Блокчейн как технологическое средство обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности

Пахомов Валерий Николаевич

аспирант; кафедра Гражданско-правовых дисциплин; Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

167005, Россия, республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Тентюковская, 83, кв. 45

✉ valeriy-pakhomov@yandex.ru

[Статья из рубрики "Трансформация правовых и политических систем"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.71379

EDN:

YJCXSR

Дата направления статьи в редакцию:

02-08-2024

Аннотация: Предметом статьи выступают правовые формы применения блокчейн как самостоятельной технологии, обеспечивающей защиту оригинальности и подтверждение авторства в отношении объектов интеллектуальной собственности. В статье раскрываются актуальные области использования блокчейна, в рамках которых эта технология позволяет решить традиционные проблемы информационной безопасности и идентификации объектов авторского права. В рамках совершенствования механизма частноправового регулирования в рассматриваемой области предлагается использование блокчейна для создания публичных реестров объектов авторского права, которые будут содержать сведения о созданном произведении, наличии правовых споров в отношении этих произведений, а также иную информацию, которая будет отражать основные характеристики произведения как объекта, пользующегося авторско-правовым режимом защиты. Для этого требуется разработка законотворческих инициатив, формирующих единые государственные стандарты размещения информации об объектах авторского права в распределенной базе данных. На основании

использования системного подхода и формально-юридического анализа в статье рассматриваются конкретные способы внедрения технологии блокчейн в механизм защиты объектов авторского права. Технология блокчейн может быть использована для создания публичных реестров объектов авторского права, которые будут содержать сведения о созданном произведении, наличии правовых споров в отношении этих произведений, а также иную информацию, которая будет отражать основные характеристики произведения как объекта, пользующегося авторско-правовым режимом защиты. Создание такого реестра возможно как в одинарном, так и в множественном варианте. При наличии нескольких реестров объектов авторского права целесообразно создать механизмы, исключающие возможность дублирования одного и того же произведения. Блокчейн технология позволяет подтвердить подлинность и уникальность экземпляра произведения, но не предоставляет покупателю токена автоматических прав на использование произведения вне рамок, установленных правообладателем. Таким образом, для укрепления доверия и защиты прав покупателей NFT токенов необходимы комплексные решения, направленные на верификацию и подтверждение авторства. Чтобы гарантировать пользователям, что эмиссия NFT токена действительно осуществляется автором, существует несколько решений. Одним из наиболее надежных методов является использование услуг нотариуса, который может официально подтвердить факт создания произведения искусства или любого другого объекта, представленного в виде NFT, его автором.

Ключевые слова:

авторское произведение, актив, произведение, гражданский оборот, интеллектуальная собственность, материальный носитель, блокчейн, цифровой токен, распределённый реестр данных, невзаимозаменяемый токен

Введение. Уровень развития технологий выступает значимым фактором изменений в регулировании общественных отношений, поскольку передовые технологические новации создают возможности для более эффективной защиты интересов участников гражданского оборота, в частности, при защите их интеллектуальных прав. Появление и широкое распространение технологии блокчейн не могло не затронуть практически все сферы жизнедеятельности человека, которые связаны с хранением и обработкой информации. Правовая защита результатов интеллектуальной собственности также тесно связана с необходимостью информационного обеспечения их оборота, что позволяет использовать блокчейн как эффективный технологический инструмент передачи интеллектуальных прав. До настоящего момента времени механизм правового регулирования в рассматриваемой области заметно отстает от уровня развития современных технологий. Правовые новеллы в сфере защиты результатов интеллектуальной деятельности не в полной мере охватывают собой все многообразие форм и способ использования технологии блокчейн для защиты авторских прав. Эти обстоятельства обуславливают необходимость исследования вопросов совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере.

Природа блокчейна как самостоятельной технологии. Блокчейн как обособленная форма хранения и обработки информации является относительно новым технологическим явлением. Ее распространение произошло в последние десятилетия благодаря активным усилиям по созданию новых способов обеспечения безопасности финансовых операций, идентификации пользователей в цифровой среде, иных аспектов кибербезопасности.

Появление блокчейна позволило разрешить достаточно традиционную для области информационной безопасности проблему незаметного внесения изменений в базы данных, накапливающие большие объемы информации. Благодаря этой технологии оказалось возможным создавать непрерывную цепочку блоков информации, внесение изменений в какой-либо из них приводит к автоматическому изменению других блоков информации. В результате любое изменение в распределенной базе данных становится явным для стороннего наблюдателя, что и позволяет достичь необходимого уровня безопасности и защиты от несанкционированного вмешательства извне. Появление блокчейна открыло новые перспективы для защиты информации в самых различных сферах деятельности человека, поскольку копии «цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга обрабатываются на разных компьютерах» [\[14, с. 85\]](#).

Возможность использования блокчейн как технологии обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности обусловлена также необходимостью защиты оригинальности и неприкосновенности авторского произведения. Оригинальность выступает качеством этого произведения, которое может иметь несколько значений. Традиционно в рамках цивилистической доктрины оригинальность принято рассматривать как качество, раскрывающее новизну творческого вклада автора. Однако, помимо этого значение, оригинальность также может означать неповторимость, или даже не-копируемость произведения. Защита авторского произведения от несанкционированного копирования чрезвычайно важна в условиях распространения цифровых произведений искусства.

На протяжении длительного периода истории создание любого авторского произведения, прежде всего, связывалось с необходимостью его фиксации на некотором материальном носителе, который служил средством для подтверждения, как самого факта создания, так и оригинальности и даже принадлежности этого произведения. Распространение цифровых объектов заметным образом усложнило эту задачу, поскольку их копирование не представляет сколь-либо серьезного технологического затруднения. Это обстоятельство актуализировало поиск новых средств обеспечения неприкосновенности произведений, созданных в цифровом виде, поскольку система «цифровой экономики предполагает наличие такой нормативной платформы, которая могла бы обеспечивать безопасный имущественный оборот» [\[2, с. 70\]](#).

Цифровое произведение может быть записано на материальный носитель, что предоставляет возможность для контроля каждого экземпляра продукции. В Интернете, где каждый файл может быть скопирован без счета, подобный подход предоставляет художникам способ защиты их авторских прав, превращая каждую копию произведения в нечто ценное и неповторимое, поскольку «в цифровом мире не существует никаких объектов прав, есть только цифровые права, причем только обязательственные права» [\[1, с. 55\]](#).

Способность участника вводить информацию в блокчейн – в частности, совершать все транзакции с криптовалютой – определяется доступом к определенному адресу. Такой доступ, независимо от его формы (логин и пароль, сертификат электронной подписи и т.д.), представляет собой определенную информацию, которой владеет участник блокчейна. Без этой информации, то есть без доступа, невозможно совершать действия в рамках блокчейна. Поскольку ни суд, ни кредитор не могут получить информацию, необходимую для доступа, становится невозможным посягательство на криптовалюту без согласия ее владельца. К этому требуется «добавить возможность защиты авторами своей интеллектуальной собственности и её коммерциализации посредством NFT-

токенов» [\[3, с. 8\]](#).

Технология блокчейн позволило преодолеть эту проблему двояким образом. С одной стороны, благодаря технологии реплицированного распределенного реестра данных оказывается возможным преобразовать в цифровую форму любой объект авторского права, вне зависимости от его первичного носителя. Это позволяет обеспечить достоверность сведений о месте, времени создания и авторстве произведения искусства. С другой стороны, благодаря технологии блокчейн оказалось возможным организовать оборот авторских произведений в информационной среде. Это достигается путем создания токенов произведения, с помощью которых можно вводить сведения о созданном произведении через децентрализованную систему блокчейн-платформ. Новым этапом развития технологии блокчейн стала возможность преобразования авторского произведения в токены, которые представляли собой новый этап развития криптографических токенов как единицы учета, представлявшей собой запись в регистре, распределенную в блокчейн-цепочке.

Формы использования технологии блокчейн в сфере авторского права.

Исторически понятие «токен» (от англ. «token» – знак, символ, жетон) было связано с металлическим жетоном, который обыкновенно имел монетовидный образ и использовался в качестве замены (эквивалента) фиатных денег. Развитие блокчейн-технологии сделало неизбежным появление особой единицы учета, которая может быть цифровым выражением баланса в некотором активе. Иными словами, токен как пример применения блокчейн-технологии стал рассматриваться как эквивалент ценных бумаг в цифровом мире. Так как «блоки постоянно добавляются, но никогда не удаляются, цепочку из них можно квалифицировать как структуру данных только для добавления» [\[10, с. 149\]](#).

Классические криптографические токены носили взаимозаменяемый характер, то есть такого свойства объекта, посредством которого он мог быть заменен абсолютно аналогичным объектом. Невзаимозаменяемость наделила криптографические токены свойством уникальности, что создало возможность для использования их в качестве сертификата, подтверждающего титул собственника в отношении определенного цифрового объекта. Практически любая информация может быть выражена в виде токена (единица учёта, не являющаяся криптовалютой, предназначенная для представления цифрового баланса в некотором активе) с использованием криптографической подписи. Любой такой токен может быть сохранен в блокчейне [\[2, 12, 17\]](#).

В сфере авторского права токены могут представлять ряд различных элементов. Во-первых, они могут представлять собой копию защищенного произведения. Это представление может быть сделано в момент создания (например, цифровая камера или текстовый процессор могут генерировать токен во время выражения работы) или впоследствии правообладателем или уполномоченной третьей стороной. Во-вторых, токены могут представлять собой запись удаленного вызова объекта для защищенного контента. Важно принимать во внимание, что «блокчейн гарантирует не достоверность размещенной в нем информации, а только неизменность информации, генерируемой внутри самой цепи» [\[7, с. 32\]](#).

Токен представляет собой цифровую единицу учета, которая выступает в качестве способа представления цифрового баланса в определенном активе. Это может быть все что угодно – от виртуальной валюты до акций в компании или прав на объект интеллектуальной собственности. Главной особенностью токена является его

способность обеспечить цифровую безопасность и верификацию наличия у его владельца определенного количества активов благодаря технологии блокчейн. Возможность токенизации реальных активов (процесс замены конфиденциального элемента данных на неконфиденциальный эквивалент – токен, введение в оборот «токена») открывает новые горизонты в сферах финансирования и инвестирования, позволяя преобразовывать любые ценности в цифровую форму и обращать их на товарных рынках [\[4, 18\]](#).

Токены выступают как инструмент, который способствует созданию новых экономических отношений и моделей взаимодействия между участниками рынка. Функциональная гибкость токенов и их способность к адаптации под конкретные требования делают их идеальным инструментом для реализации широкого спектра проектов, начиная от создания децентрализованных финансовых сервисов и заканчивая решениями в области цифровой идентификации и управления доступом к услугам. Взаимозаменяемость является качеством токена, отсутствие или наличие которого является критерием для их классификации. Взаимозаменяемые токены могут служить средством обеспечения доступа к различным сервисам, выступать в роли акций или кредитных средств. Наряду с ними достаточно быстро получили свое развитие невзаимозаменяемые токены (англ. non-fungible token, NFT), которые имеют уникальную природу - каждый NFT токен не может быть заменен на другой. NFT токены не являются средством платежа в традиционном понимании этого термина из-за отсутствия прямого эквивалента, хотя это не умаляет их ценности как инструментов цифровой идентификации и подтверждения уникальности.

Особенность NFT заключается в том, что каждый такой токен наделен уникальным набором характеристик и не может быть заменен на другой токен на взаимозаменяемой основе, в отличие от стандартных криптовалют. Это делает NFT идеальным инструментом для подтверждения владения или авторства над цифровыми объектами, будь то произведения искусства, коллекционные предметы, или даже редкие виртуальные товары в видеоиграх. Создатели контента могут использовать NFT для защиты своих авторских прав и получения дохода от продажи своих произведений на специализированных платформах. При этом покупатели получают уникальный и неповторимый токен, который служит подтверждением их прав на владение цифровым объектом. Это исключает возможность «уничтожения информации в результате технического сбоя, так как все данные хранятся сразу у нескольких пользователей» [\[8, с. 1455\]](#).

NFT токены стимулируют новые формы творчества, позволяя художникам, музыкантам, и другим творцам монетизировать свои произведения в цифровом пространстве. В последние годы цифровое искусство, аутентифицированное и хранимое с использованием технологии блокчейн, становится все более популярным среди коллекционеров и инвесторов. NFT токены являются криптоактивами, которые активно зарекомендовали себя на рынке цифровых активов благодаря уникальности и возможности подтверждения авторства и владения.

В Российской Федерации концепция токена на законодательном уровне связывается с сферой криптовалют и блокчейн-технологий. Токен рассматривается как специфическая единица учета, имеющая значение для обеспечения цифровой репрезентации баланса по определенному активу или для учета взаимозаменяемых цифровых активов. В России в настоящее время отсутствуют специальные правовые нормы, регулирующие оборот NFT токенов, что создает определенные риски и неопределенности для участников рынка. Особую актуальность это приобретает в ситуациях, когда покупатель приобретает токен,

предоставляющий права требования к третьему лицу, такие как право доступа к услугам, выполняемым через систему блокчейн [\[11, 16\]](#).

Используя потенциал блокчейн-цепочку для регистрации сделок с NFT, создается непрерывный реестр владения, который служит для подтверждения права собственности, и для фиксации истории его передач между пользователями. Хотя приобретатель NFT токена получает право собственности на сам токен, права на базовое цифровое произведение и его использование остаются за его автором. Передача этих прав приобретателю токена определяется условиями смарт-контрактов, которые могут включать в себя различные ограничения и полномочия. При создании NFT, эмитенты могут задействовать смарт-контракты для внедрения условий, относительно выплаты роялти. Это означает, что при каждой перепродаже или ином использовании токена, первоначальный создатель или указанная третья сторона могут автоматически получать процент от сделок. Такая платформа «должна представлять собой онлайн-сервис, на котором смогут регистрироваться как правообладатели, так и пользователи» [\[9, с. 252\]](#).

В этом отношении NFT токены могут быть рассмотрены как принадлежности и документы, относящиеся к товару, отсутствие которых является основанием для отказа покупателя от товара (ст. 464 ГК РФ). Принадлежности к товару включают в себя всю необходимую документацию, которая подтверждает качество и происхождение предмета. NFT токен превосходит традиционные способы подтверждения подлинности, ведь блокчейн технология предоставляет неизменяемую, защищенную от подделок историю владения и происхождения вещи. Это делает NFT токены частью документации, касающейся передаваемой вещи, что потенциально расширяет представление о принадлежностях, предоставляемых в форме цифровых активов. Поэтому «необходимо на законодательном уровне утвердить понятия, связанные с технологией блокчейн, например распределенный реестр и токен» [\[6, с. 86\]](#).

Рассмотрим правовые рамки применения NFT токенов как формы обоснования правомерности титула обладателя авторского права, подлинности произведения и его происхождения. Как известно, невзаимозаменяемый токен является своеобразным уникальным кодом с ограниченным сроком действия, который выдается после аутентификации пользователя и используется при взаимодействии с участниками системы обмена информацией. Ограничение возможности перепродажи файла чрез NFT подчеркивает уникальность смарт-контрактов как инструментов управления исключительными правами в цифровой среде. Это представляет собой некоторое отступление от традиционных подходов к распространению цифровых товаров, предоставляя авторам инновационные способы контроля за их произведениями после первичного распространения.

NFT токен, содержащий оригинальное произведение, попадает под защиту авторского права согласно нормам ГК РФ. Права на интеллектуальную собственность, ассоциированные с данным произведением, охраняются наравне с произведениями, распространенными в физической форме. Так, автор произведения, связанного с NFT токеном, сохраняет за собой все исключительные права на его использование, копирование и распространение, если изначально при создании или продаже токена не были установлены иные условия об этих правах.

Приобретение NFT токена не приносит покупателю автоматической передачи исключительных прав на произведение, связанное с токеном. Процесс преобразования произведения в NFT токен подразумевает, что создатель или владелец авторских прав

должен иметь возможность свободно распоряжаться оригиналом, включая его репродукцию, распространение и публичный показ в формате цифрового токена. Помимо цифрового объекта, токен может включать в себя и права на физическое имущество, если это предусмотрено условиями создания токена. Это предполагает, что NFT токен обращается в соответствии с общими принципами вещного и обязательственного права. оборот NFT токена осуществляется при условии сохранности информации о творце внутри уникального кода токена. Это предотвращает незаконное воспроизведение и распространение цифрового объекта, что является значительным преимуществом в цифровой эпохе, где контент легко теряет свою привязку к первоисточнику. С помощью NFT токенов оригинальное произведение приобретает уникальный идентификатор, который невозможно подделать или удалить, что позволяет исключить несанкционированное копирование и распространение [\[13, 15, 19\]](#).

Однако такой контекст рассмотрения правовой природы NFT токена, конечно, сужает его сущность. В законодательстве принято выделять следующие виды документации, относящейся к товару – техническая документация, сертификаты, транспортные и товарные документы. Символика, присущая NFT токенам, делает их чем-то большим, чем просто принадлежностью вещи. Сущность NFT токена позволяет также смотреть на него как на экспериментальный инструмент в юридической практике, предоставляя возможности для защиты авторских прав и других связанных с ними прав. Такая технология позволяет «правообладателям эффективно защищать и использовать результат их интеллектуальной деятельности одновременно в нескольких странах» [\[20, с. 124\]](#).

Таким образом, NFT токен, зарегистрированный в реестре блокчейн, представляет собой современное решение для доказательства права собственности и подлинности товара, делая процесс покупки и продажи более прозрачным, безопасным и эффективным. Использование этой технологии обеспечивает надежную защиту против подделок и мошенничества, одновременно с этим облегчая бремя доказывания исполнения обязательств между сторонами. Такое применение технологии бесспорно способствует вытеснению с рынка специалистов, традиционно выполняющих функции экспертов, удостоверяющих подлинность вещи и легальность ее происхождения. Будучи записанными на блокчейне, данные о произведении становятся доступными для просмотра и верификации всем желающим.

Использование NFT токенов в гражданском обороте позволяет продавцу предъявить доказательства того, что предлагаемый к продаже объект является оригиналом, а также устанавливает непрерывную историю его владения. Тем самым, NFT выступает в роли цифрового сертификата, который зарегистрирован в прозрачной базе данных блокчейн, обеспечивая верификацию подлинности товара на всех этапах его существования. Использование NFT токенов меняет парадигму взаимодействия между участниками рынка, вытесняя традиционных доверенных третьих лиц, таких как нотариусы или сертификационные центры, которые ранее были обязаны обеспечивать гарантированность и безопасность транзакций. Теперь же, благодаря блокчейну, продавец и покупатель могут непосредственно подтверждать сделки без необходимости внешнего подтверждения, что значительно снижает возможность фальсификации данных и упрощает процесс передачи права собственности.

Выводы. Технология блокчейн может быть использована для создания публичных реестров объектов авторского права, которые будут содержать сведения о созданном произведении, наличии правовых споров в отношении этих произведений, а также иную

информацию, которая будет отражать основные характеристики произведения как объекта, пользующегося авторско-правовым режимом защиты. Правовой основой для функционирования такого реестра может быть механизм опубликования авторских произведений в системе блокчейн, правовое регулирование которого будет опираться на единые государственные стандарты размещения информации об объектах авторского права в распределенной базе данных. Управление этими базами данных будет осуществляться операторами блокчейн-платформы, обладающими правами на создание и управление таких реестров.

Создание такого реестра возможно как в одинарном, так и в множественном варианте. При наличии нескольких реестров объектов авторского права целесообразно создать механизмы, исключающие возможность дублирования одного и того же произведения. Блокчейн технология позволяет подтвердить подлинность и уникальность экземпляра произведения, но не предоставляет покупателю токена автоматических прав на использование произведения вне рамок, установленных правообладателем.

Таким образом, для укрепления доверия и защиты прав покупателей NFT токенов необходимы комплексные решения, направленные на верификацию и подтверждение авторства. Эти меры включают в себя предварительную проверку авторов, использование блокчейн технологий для обеспечения невозможности подделки документов о создании и владении NFT, а также разработку прозрачных систем отзывов и рейтингов, которые могут помочь покупателям сделать осознанный выбор. Чтобы гарантировать пользователям, что эмиссия NFT токена действительно осуществляется автором, существует несколько решений. Одним из наиболее надежных методов является использование услуг нотариуса, который может официально подтвердить факт создания произведения искусства или любого другого объекта, представленного в виде NFT, его автором.

Библиография

1. Ефимова Л.Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8 (129). С. 52-62.
2. Захаркина А.В. Смарт-контракт в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 66-82.
3. Ипполитов С.С. Интеллектуальная собственность и точки роста творческой индустрии в российской экономике: блокчейн, крипто-арт, nft-токенизация // Культура и образование. 2021. № 2 (41). С. 5-18.
4. Карцхия А.А. Цифровизация в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1 (26). С. 36-40.
5. Купчина Е.В. Защита прав авторов при помощи смарт-контрактов // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5 (180). С. 235-238.
6. Матыченко Д.В. Технология блокчейн в сфере управления интеллектуальной собственностью // Научные записки молодых исследователей. 2019. Т. 7. № 4. С. 81-88.
7. Москаленко А.И. Биткоин, технологии блокчейн и развитие интеллектуальной собственности в сети Интернет // Право и экономика. 2021. № 3 (397). С. 29-34.
8. Новиков К.А. Технология блокчейн в сфере охраны авторских прав на музыкальные произведения // Синергия Наук. 2018. № 30. С. 1452-1458.
9. Новоселова Л.А. Об активных системах учета интеллектуальных прав // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 268-277.
10. Пономарченко А.Е. Технология блокчейн в сфере авторского права // Правовая

парадигма. 2021. Т. 20. № 4. С. 148-152.

11. Рузакова О.А. Договоры в сфере интеллектуальной собственности и цифровые технологии // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 9. С. 2-7.

12. Рузакова О.А., Гринь Е.С. Применение технологии blockchain к систематизации результатов интеллектуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 38. С. 508-520.

13. Савина В.С. Искусственный интеллект и современное искусство: проблемы и перспективы // Право и бизнес. 2021. № 3. С. 8-10.

14. Сальникова А.В. Технология блокчейн как инструмент защиты авторских прав // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 83-90.

15. Свиридова Е.А. NFT токены в контексте авторских прав на произведения // Государство и право. 2022. № 8. С. 83-92.

16. Тумаков А.В., Петраков Н.А. Развитие цифровых правоотношений в современных реалиях // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 121-122.

17. Харитонов Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 524-549.

18. Цветкова Л.А. Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. 2017. Т. 3. № 4. С. 275-296.

19. Цукерблат Д.М. Блокчейн в сфере интеллектуальной собственности: новые правоотношения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2021. № 3. С. 23-31.

20. Шахназаров Б.А. Комплексная взаимосвязь блокчейн-технологии и объектов интеллектуальной собственности в трансграничных частноправовых отношениях // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № S5. С. 121-148.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Блокчейн как технологическое средство обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности» предметом исследования являются нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения защиты прав авторов на объекты интеллектуальной собственности, в частности, автор анализирует возможность использования в целях охраны авторских прав такого технологического средства как блокчейн.

Методология исследования. В ходе написания статьи использовались современные методы исследования: общенаучные и частные. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы научного познания: абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, а также можно отметить применение типологии, классификации, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования. Актуальность темы статьи не вызывает сомнения. Современные процессы цифровизации затронули все сферы жизнедеятельности людей. В области защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности существуют юридические и фактические проблемы. Одним из новых способов защиты прав авторов является применение такого технологического средства как блокчейн (выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих какую-либо информацию). Как правильно отмечает автор статьи, «Правовая защита результатов интеллектуальной собственности

также тесно связана с необходимостью информационного обеспечения их оборота, что позволяет использовать блокчейн как эффективный технологический инструмент передачи интеллектуальных прав». Вместе с тем, данный правовой институт еще недостаточно разработан, неоднозначность и противоречивость правовых норм в данной сфере общественных отношений и их официального толкования требует дополнительных доктринальных разработок по данной проблематике с целью совершенствования законодательства и правоприменения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что и в этой статье тоже сформулированы некоторые заслуживающие внимания положения, которые имеют характер научной новизны, например: «Технология блокчейн может быть использована для создания публичных реестров объектов авторского права, которые будут содержать сведения о созданном произведении, наличии правовых споров в отношении этих произведений, а также иную информацию, которая будет отражать основные характеристики произведения как объекта, пользующегося авторско-правовым режимом защиты. Правовой основой для функционирования такого реестра может быть механизм опубликования авторских произведений в системе блокчейн, правовое регулирование которого будет опираться на единые государственные стандарты размещения информации об объектах авторского права в распределенной базе данных. Управление этими базами данных будет осуществляться операторами блокчейн-платформы, обладающими правами на создание и управление таких реестров». Представлены и другие результаты исследования, которые можно расценивать как вклад в современную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Статья написана научным стилем с использованием специальной юридической терминологии (однако не все термины, используемые автором, являются общепринятыми, например, «авторско-правовая защита»). Содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены требования по объему статьи. Статья логически структурирована и формально разделена на части (введение, основная часть и заключение). Материал изложен последовательно и ясно.

Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, есть ссылки на публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В статье представлена научная полемика. Обращения к оппонентам корректные, оформлены ссылками на источники опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленная на рецензирование статья «Блокчейн как технологическое средство обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности» может быть рекомендована к опубликованию. Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и практической значимостью. Публикация по данной теме могла бы представлять интерес для читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области цифрового права и гражданского права (а именно, подотрасли гражданского права – права интеллектуальной собственности), а также, могла бы быть полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Алтынникова Л.И. К вопросу об особенностях и классификации судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.73597 EDN: YHLOGE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73597

К вопросу об особенностях и классификации судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию

Алтынникова Лиля Игоревна

кандидат юридических наук

преподаватель; кафедра уголовно-процессуального права; ФГАОУ ВО "Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)"
Судья; Лефортовский районный суд города Москвы

123001, Россия, г. Москва, Пресненский р-н, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

✉ l.altynnikova@mail.ru

[Статья из рубрики "Судебная власть"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.73597

EDN:

YHLOGE

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2025

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу правовой регламентации и практической деятельности судов апелляционной инстанции по пересмотру судебных решений по уголовным делам. Автор акцентирует внимание на особенностях судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию. В частности, в научной статье автором подробно рассмотрены особенности апелляционного обжалования как итоговых, так и промежуточных судебных решений по уголовным делам. Кроме того, в представленном научном исследовании автор особое внимание уделяет правовому анализу некоторых ограничений, касающихся обжалования судебных решений в апелляционном порядке, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством. При этом автор анализирует позиции высших судов, касающиеся апелляционного обжалования судебных решений по уголовным делам, а также приводит актуальные примеры из судебной практики. Методологическую основу настоящего исследования составляют диалектический метод научного познания, логический,

сравнительно-правовой методы исследования, а также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. В научной статье автор акцентирует внимание на необходимости разграничения итоговых и промежуточных судебных решениях по уголовным делам, анализируя как законодательные определения данных понятий, так и доктринальные дефиниции указанных терминов. Более того, автором обосновывается вывод о влиянии указанного разграничения на порядок апелляционного обжалования судебных решений по уголовным делам. Новизна представленного научного исследования заключается, в частности, в том, что системный правовой анализ позволил автору классифицировать промежуточные решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, в зависимости от возможности их самостоятельного апелляционного обжалования до вынесения итогового судебного решения по уголовному делу. Кроме того, особым вкладом автора в исследование темы является систематизация законодательных ограничений, касающихся обжалования решений суда по уголовным делам в апелляционном порядке.

Ключевые слова:

уголовное судопроизводство, апелляционное производство, суд апелляционной инстанции, суд второй инстанции, итоговые судебные решения, промежуточные судебные решения, апелляционное обжалование, апелляционные жалобы, апелляционные представления, особенности обжалования

Обжалование судебных решений в апелляционном порядке является важным механизмом защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. В отличие от других проверочных стадий уголовного судопроизводства апелляционное разбирательство является единственной стадией, на которой осуществляется пересмотр не вступивших в законную силу решений суда, в связи с чем анализ особенностей таких судебных решений и выявление оснований их классификации приобретает особую актуальность.

Дискуссионной является позиция некоторых авторов о ревизионном характере апелляционного судопроизводства, что не согласуется с диспозитивным и состязательным характером контрольно-проверочных производств, в которых центральное место должна занимать исключительно воля заинтересованных лиц и «соответственно, императивная обязанность контролирующего суда исключительно к защите их интереса» [\[1\]](#).

Вопросы, касающиеся апелляционного пересмотра судебных решений по уголовным делам, исследовались, в частности, в научных трудах таких ученых, как Лупинская П.А., Воскобитова Л.А., Панокин А.М., Паничева А.И., Червоткин А.С. и др.

Вместе с тем, в настоящей статье автором на основе диалектического метода научного познания, логического, сравнительно-правового методов исследования, а также методов анализа и синтеза, индукции и дедукции проводится комплексный анализ особенностей судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию, и предлагается их классификация, что также свидетельствует о научной новизне представленной работы.

Согласно части 1 статьи 389.2 УПК РФ, в апелляционном порядке подлежат обжалованию решения суда первой инстанции, которые не вступили в законную силу.

Это касается и постановлений суда, вынесенных при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 1 ст. 401 УПК РФ).

Обратим внимание на то, что являясь частью механизма производства в суде апелляционной инстанции, ст. 389.1 УПК РФ гарантирует право обжалования судебных решений всем лицам, чьи интересы были ими затронуты.

Вместе с тем, при формулировании ст. 389.1 УПК РФ законодатель, например, не указал лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, включив его в понятие «иных лиц», поскольку отнесение данного лица к иным лицам в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы, в уголовно-процессуальной науке и правоприменительной практике является общепризнанным [\[2\]](#).

Однако согласимся с профессором Вандышевым В.В., который справедливо отмечает, что «ссылка на то, что право обжалования принадлежит иным лицам «...», не может служить оправданием указанного недостатка, поскольку неопределенность любого закона влечет за собой необъятность судебского усмотрения» [\[3\]](#).

Более того, по смыслу правовых позиций, сформулированных и изложенных Конституционным Судом Российской Федерации в отдельных его решениях, правомочие на личное обращение к суду за защитой своих прав и свобод является неотъемлемым элементом нормативного содержания указанного права и носит универсальный характер. Данного правомочия не могут быть лишены, в том числе, и лица, в отношении которых рассматривается вопрос о применении либо о продлении, изменении или прекращении принудительных мер медицинского характера [\[4\]](#).

Итак, апелляционному оспариванию подлежат как итоговые, так и промежуточные судебные решения, не вступившие в законную силу [\[5\]](#).

Итоговое судебное решение – это приговор или другое решение суда, принятое в рамках судебного разбирательства, которое окончательно разрешает уголовное дело по существу (п. 53.2 ст. 5 УПК РФ).

Согласимся с профессором Воскобитовой Л.А., отмечающей, что в суде апелляционной инстанции предметом разбирательства является не само обвинение, а уже принятое по нему судом первой инстанции решение, в связи с чем отказ от него становится невозможным. В случае выявления в суде апелляционной инстанции неправильного применения уголовного закона прокурор может просить суд только об отмене постановленного приговора и о прекращении производства по уголовному делу [\[6\]](#). В частности, это обусловлено тем, что законность, обоснованность и справедливость приговора суда первой инстанции как центрального акта правосудия не могут быть поставлены в зависимость от позиции другого государственного обвинителя, обеспечивающего участие в суде апелляционной инстанции, и (или) вышестоящего прокурора [\[7\]](#).

Интересно отметить, что согласно ч. 2 ст. 389.26 УПК РФ суд апелляционной инстанции наделен правом приведения приговора, противоречащего вердикту, в соответствие с вердиктом коллегии присяжных заседателей, что свидетельствует о том, что любые изменения приговора также будут ограничиваться содержанием вердикта присяжных [\[8\]](#).

К числу итоговых судебных решений, помимо приговора, в частности, относятся

следующие определения (постановления) суда: о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; о применении либо об отказе в применении принудительных мер медицинского характера; о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением принудительных мер воспитательного воздействия [\[9\]](#).

Кроме того, итоговыми судебными решениями также являются постановления или определения суда, завершающие производство по уголовному делу в отношении конкретного лица.

Законодательная дефиниция промежуточных судебных решений, будучи закрепленной в пункте 53.3 ст. 5 УПК РФ, носит самый общий характер. Так, к промежуточным судебным решениям относят все постановления и определения суда, кроме итоговых судебных решений. В частности, среди промежуточных судебных решений можно выделить следующие: постановления и определения суда, которые вынесены в ходе судебного разбирательства или досудебного производства, и которыми не завершается производство в отношении конкретного лица, или уголовное дело не разрешается по существу, а также решения суда, которые вынесены в процессе исполнения итоговых судебных решений [\[10\]](#).

Стоит отметить, что вопрос как о самом понятии промежуточных решений суда, так и об их отличительных признаках является предметом научного обсуждения. Так, формулируя доктринальное определение промежуточных судебных решений, Червоткин А.С. определяет их не иначе, как «вспомогательные решения суда, имеющие целью создание надлежащих условий для осуществления судопроизводства, принятые с соблюдением предусмотренных законом процедур в ходе производства по уголовным делам, зафиксированные в процессуальной форме, не разрешающие уголовные дела по существу и подлежащие, как правило, немедленному исполнению» [\[11\]](#). По отношению к итоговым судебным решениям вспомогательный характер промежуточных решений суда предопределен тем, что они благотворно влияют на создание условий, необходимых участникам процесса для реализации их прав и законных интересов, и способствуют разрешению уголовного дела без неоправданной задержки [\[12\]](#). Профессор Лупинская П.А. справедливо указывала, что «промежуточные решения принимаются по ходу производства в пределах одной стадии и касаются главным образом признания определенного процессуального статуса лица или вопроса о мере пресечения, производстве процессуальных действий» [\[13\]](#).

Проведенный нами системный анализ частей 2 и 3 ст. 389.2 УПК РФ позволил классифицировать не вступившие в законную силу промежуточные судебные решения в зависимости от возможности или невозможности их самостоятельного обжалования в апелляционном порядке до вынесения итогового решения суда, на следующие:

I. Подлежащие самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового судебного решения по делу.

Так, к указанной группе относятся промежуточные решения, нарушающие права участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию и на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, или затрагивающие конституционные права участников уголовного судопроизводства, а также препятствующие дальнейшему движению уголовного дела [\[14\]](#). Важно отметить такие два критерия промежуточных решений суда, которые могут быть обжалованы самостоятельно, как порождение

последствий, выходящих за рамки собственно уголовно-процессуальных правоотношений, и незатрагивание существа уголовного дела. Указанные критерии определены самим Конституционным Судом Российской Федерации [\[15\]](#).

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации, самостоятельно могут быть оспорены промежуточные судебные решения, которые не находятся в прямой связи с содержанием приговора, включающим выводы о квалификации деяния, фактических обстоятельствах дела, оценке доказательств, наказании осужденного и прочее. Вместе с тем, возможность проверки таких постановлений и определений не может поставить суд первой инстанции при рассмотрении дела в зависимость от позиции вышестоящей судебной инстанции, так как разрешаемые в них вопросы не касаются существа уголовного дела [\[16\]](#).

Так, самостоятельному обжалованию в апелляционном порядке до вынесения итогового решения суда подлежат:

1. Постановления мирового судьи о возвращении заявления подавшему его лицу, либо об отказе в принятии заявления к производству (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ).
2. Судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ).

Кроме того, самостоятельно до вынесения итогового решения по уголовному делу можно обжаловать изменение подсудимому по инициативе суда ограничений, ранее установленных при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, связанных с усилением запретов [\[17\]](#).

Обратим внимание на то, что в ч. 4 ст. 255 УПК РФ закреплена возможность апелляционного обжалования судебного решения о продлении срока содержания подсудимого под стражей. При этом право обжалования постановления или определения суда об отказе в продлении срока содержания подсудимого под стражей в УПК РФ прямо не предусмотрена. Однако такое решение может быть обжаловано в силу требований состязательности и равенства прав сторон [\[18\]](#).

Важно помнить, что положения ст. 389.2 УПК РФ были признаны несоответствующими Конституции Российской Федерации в той степени, в которой они исключали возможность обжалования в апелляционном порядке судебного решения, принятого в ходе рассмотрения уголовного дела по существу, которым было отказано в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде залога или изменении её на более мягкую, до вынесения итогового судебного решения. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что до внесения соответствующих изменений в законодательство такие постановления или определения подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию до вынесения итогового решения по делу [\[19\]](#).

3. Постановление о назначении судебного заседания, которое вынесено в соответствии со статьей 231 УПК РФ, с учетом положений ч. 7 ст. 236 УПК РФ [\[20\]](#).

В соответствии с положениями ч. 7 ст. 236 УПК РФ решение суда, которое принято по итогам предварительного слушания, подлежит обжалованию в апелляционном порядке, кроме решения суда о назначении судебного заседания в части разрешения вопросов, указанных в пунктах 1, 3-5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ. Обжалование и апелляционная проверка законности и обоснованности назначения предварительного слушания являлись бы преждевременными и означали бы подмену суда первой инстанции и принимаемых им решений вышестоящими судебными инстанциями и их актами [\[21\]](#). Поскольку судебное решение о назначении судебного заседания только определяет дату, время, место и условия проведения судебного заседания и, таким образом, направлено исключительно на обеспечение рассмотрения уголовного дела в разумные сроки, то оно не может воспрепятствовать подсудимому реализовать его право на доступ к правосудию и на защиту в состязательном процессе, равно как и не может нарушить его иные конституционные права [\[22\]](#).

4. Судебные решения, принимаемые на стадии досудебного производства по уголовному делу (ч. 1 ст. 127 УПК РФ) [\[23\]](#).

Так, например, с учетом положений п. 53.3 ст. 5, ч. 1 ст. 127 УПК РФ постановление судьи, вынесенное в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ, является промежуточным решением суда, которое может быть обжаловано в апелляционном порядке самостоятельно. По смыслу закона, апелляционное оспаривание постановления о производстве следственного действия не влечет за собой приостановление исполнения указанного постановления. В связи с тем, что удовлетворение ходатайства о реализации, об утилизации или уничтожении имущества, которое признано вещественным доказательством, связано с тем, что право собственности на данное имущество прекращается в принудительном порядке, судебное постановление подлежит исполнению не ранее его вступления в законную силу [\[24\]](#).

5. Судебные решения как о наложении денежного взыскания, так и об обращении залога в доход государства (статья 118 УПК РФ) [\[25\]](#).

6. Иные решения суда, которые затрагивают права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствуют дальнейшему движению уголовного дела, а также частные постановления или определения (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ).

В качестве примеров решений суда, которые создают препятствия для дальнейшего движения уголовного дела, можно привести постановления или определения об отложении или приостановлении судебного разбирательства [\[26\]](#). Оспаривание постановления или определения, которые вынесены во время судебного разбирательства, не влечет за собой его приостановление (ч. 4 ст. 389.2 УПК РФ), что, в свою очередь, выступает гарантией права не только на рассмотрение, но и на разрешение уголовного дела в разумный срок.

Важно помнить, что части 2 и 3 ст. 389.2 УПК РФ были признаны не соответствующими ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 41, ч.ч. 1 и 2 ст. 46, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации в той степени, в которой отсутствие итогового решения суда по делу создает препятствие апелляционному оспариванию определения или постановления суда первой инстанции об отказе в направлении подсудимого, находящегося под стражей, на медицинское освидетельствование, которое осуществляется в порядке, установленном постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 года № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении

преступлений», для выявления у подсудимого заболевания, включенного в перечень тяжелых заболеваний, которые делают невозможным содержание подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений под стражей [\[27\]](#).

В случае, если по уголовному делу уже вынесено итоговое решение суда, то самостоятельное оспаривание промежуточных решений суда в апелляционном порядке становится невозможным, за исключением судебных решений об избрании таких мер пресечений, как заключение под стражу или домашний арест, о продлении сроков действий указанных мер пресечения, о помещении лица в медицинский или психиатрический стационар для производства судебной экспертизы, а также решений, которые не связаны с разрешением уголовного дела по существу (в частности, о наложении денежного взыскания за несоблюдение порядка в судебном заседании или за неявку в суд), апелляционное обжалование которых осуществляется в установленный законом срок либо по правилам восстановления пропущенного срока на апелляционное обжалование [\[28\]](#).

II. Подлежащие одновременному апелляционному обжалованию с итоговым решением по делу.

Так, судом апелляционной инстанции в одно и то же время может быть осуществлена проверка законности и обоснованности как итогового решения по уголовному делу, так и иных промежуточных решений суда, за исключением тех, которые затрагивают конституционные права участников уголовного процесса или нарушают их права на доступ к правосудию и на рассмотрение уголовного дела в разумные сроки, а также препятствуют движению уголовного дела [\[29\]](#). При этом отсутствие возможности незамедлительного оспаривания в вышестоящий суд вынесенных в ходе судебного разбирательства промежуточных постановлений и определений суда первой инстанции и перенос указанного оспаривания на более поздний срок (одновременно с обжалованием итогового решения) признано допустимым и не нарушающим права граждан, которые гарантируются Конституцией Российской Федерации [\[30\]](#).

Вместе с тем, если постановлением или определением суда первой инстанции порождаются последствия, которые выходят за рамки уголовно-процессуальных отношений, при этом существенно ограничиваются конституционные права и свободы личности и причиняется им вред, восполнение которого в последующем может оказаться невозможным, их судебная проверка по жалобам участников уголовного судопроизводства, чьи права и свободы затронуты, должна быть обеспечена незамедлительно, еще до вынесения приговора [\[31\]](#). Данное положение направлено, в том числе, на обеспечение независимости судей при осуществлении ими уголовного судопроизводства. Тем со стороны вышестоящих судебных инстанций самым исключается текущий контроль за ходом рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции и, как следствие, вмешательство в осуществление им своих дискреционных полномочий. Вместе с тем, возможность судебной проверки законности и обоснованности промежуточных решений и действий суда при этом не устраняется, – она осуществляется после постановления приговора, тем самым только переносится на более поздний срок [\[32\]](#).

Так, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ одновременному обжалованию с итоговым судебным решением по уголовному делу подлежат:

- постановления или определения о порядке исследования доказательств;

- постановления или определения об удовлетворении (отклонении) ходатайств участников судебного разбирательства;

Согласно правовой позиции, сформулированной Конституционным Судом Российской Федерации, апелляционное оспаривание судебных решений об отклонении ходатайств участников судебного разбирательства, в частности, ходатайств об изменении или отмене меры пресечения, с одновременным обжалованием итогового решения по уголовному делу не выходит за рамки уголовно-процессуальных отношений. Таким образом, положения ч.ч. 2 и 3 ст. 389.2 УПК РФ не являются препятствием к доступу подсудимого к правосудию [\[33\]](#).

Кроме того, факт отказа в удовлетворении ходатайства об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу не влияет на правовое положение обвиняемого, в частности, не влечет за собой продление срока его содержания под стражей, установленного ранее вынесенным судебным решением, подлежащим самостоятельному оспариванию в вышестоящем суде [\[34\]](#).

- другие судебные решения, которые вынесены в ходе судебного разбирательства, кроме решений суда, закрепленных в ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ; к числу иных судебных решений, которые вынесены в ходе судебного разбирательства и подлежат одновременному оспариванию с итоговым решением по делу, относят следующие:

- постановление суда об удовлетворении ходатайства государственного обвинителя об изменении предъявленного обвинения на менее тяжкое [\[35\]](#);

- отказ суда в удовлетворении ходатайства об отмене или изменении меры пресечения либо о возвращении уголовного дела прокурору [\[36\]](#);

- решение суда об отклонении отвода, заявленного судье [\[37\]](#);

- постановление мирового судьи о принятии заявления потерпевшего к производству по делу частного обвинения, учитывая, что оно является промежуточным решением суда, которое направлено на создание надлежащих условий для реализации участниками процесса их законных прав и для обеспечения выполнения указанными участниками своих процессуальных обязанностей;

- постановление судьи об удостоверении или об отклонении правильности замечаний на протокол судебного заседания [\[38\]](#).

Обратим внимание, что ст. 260 УПК РФ прямо не предусматривает возможность обжалования постановления об удостоверении правильности или об отклонении замечаний на протокол судебного заседания в апелляционном порядке, однако и не предполагает лишение участников судопроизводства возможности оспаривать постановление судьи об отклонении замечаний на протокол судебного заседания и при обжаловании приговора ссылаться на необоснованность отклонения поданных замечаний [\[39\]](#). Конституционный Суд Российской Федерации указал, что ст. 260 УПК РФ не содержит каких-либо предписаний, которые лишали бы участников судопроизводства возможности оспаривать постановление судьи об отклонении замечаний на протокол судебного заседания, а суд вышестоящей инстанции – права на проверку обоснованности отклонения замечаний. Напротив, приобщение замечаний к протоколу судебного заседания и к материалам уголовного дела, предусмотренное данной статьей, является условием, предоставляющим возможность вышестоящим судебным инстанциям

ознакомиться с указанными замечаниями и оценить правомерность или неправомерность их отклонения [\[40\]](#). В связи с изложенным содержание некоторых определений Верховного Суда Российской Федерации, закрепляющих, что решение по поводу замечаний на протокол судебного заседания оспариванию в силу действующего уголовно-процессуального законодательства не подлежит, признано не соответствующим правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации [\[41\]](#).

Промежуточные судебные решения, которые не подлежат самостоятельному апелляционному обжалованию, вступают в законную силу и обращаются к исполнению немедленно, о чем свидетельствуют положения ч. 2 ст. 391, ч. 2 ст. 389.2 и п. 53.3 ст. 5 УПК РФ [\[42\]](#). Решения суда, уже приведенные в исполнение, тоже могут быть обжалованы в апелляционном порядке, так как то обстоятельство, что указанные судебные решения реализуются незамедлительно, не может служить препятствием для исправления вышестоящими судами допущенных судебных ошибок [\[43\]](#).

III. Подлежащие апелляционному обжалованию как до вынесения итогового решения по делу, так и одновременно с ним.

К таким судебным решениям относятся:

- частные постановления или определения суда первой инстанции [\[44\]](#);
- определения или постановления о применении меры воздействия за нарушение порядка (ст. 258 УПК РФ) [\[45\]](#).

Не подпадающим под указанную классификацию промежуточным судебным решением является постановление суда о продлении срока задержания, принятое в порядке ч. 7 ст. 108 УПК РФ по результатам рассмотрения ходатайства о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу. В УПК РФ возможность апелляционного оспаривания постановления о продлении срока задержания прямо не закреплена, однако анализ судебной практики свидетельствует о том, что такое постановление признается промежуточным судебным решением, которое подлежит обжалованию только одновременно с решением суда об избрании или об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, принятым по итогам рассмотрения ходатайства следователя [\[46\]](#).

Уголовно-процессуальным законом предусмотрены некоторые ограничения, касающиеся обжалования судебных решений в апелляционном порядке, а именно:

- судебные решения, вынесенные с участием коллегии присяжных заседателей, и приговоры, постановленные в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, не подлежат обжалованию в апелляционном порядке по основанию несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции (ст.ст. 317, 389.27 УПК РФ); законодательный запрет обжалования приговоров, постановленных в особом порядке, по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ, обусловлен тем, что в судебном разбирательстве по таким уголовным делам исследование и оценка доказательств не проводится (ч. 5 ст. 316 УПК РФ, ч. 4 ст. 317.7 УПК РФ);
- постановления председательствующего о роспуске коллегии присяжных заседателей и направлении уголовного дела на новое рассмотрение иным составом суда со стадии

предварительного слушания апелляционному обжалованию не подлежат (ч. 5 ст. 348 УПК РФ);

- постановления председательствующего о прекращении рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей и направлении его для рассмотрения судом в порядке, установленном гл. 51 УПК РФ, в связи с установлением обстоятельств, свидетельствующих о неваемости подсудимого в момент совершения деяния, в котором он обвиняется, или свидетельствующих о том, что после совершения преступления у подсудимого наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, что подтверждается результатами судебно-психиатрической экспертизы, обжалованию не подлежат (ч. 2 ст. 352 УПК РФ).

В заключение отметим, что по результатам проведенного исследования нами обоснован вывод о влиянии разграничения судебных решений по уголовным делам на итоговые и промежуточные на порядок их апелляционного обжалования. Также нами выявлены и проанализированы особенности апелляционного обжалования указанных судебных решений. Системный правовой анализ позволил нам классифицировать промежуточные решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, в зависимости от возможности их самостоятельного апелляционного обжалования до вынесения итогового судебного решения по уголовному делу, что, в частности, свидетельствует о новизне представленного научного исследования. Кроме того, особое внимание нами уделено правовому анализу и систематизации ограничений, касающихся обжалования судебных решений в апелляционном порядке, что также отражает особый вклад автора в исследование настоящей темы.

Библиография

1. Вандышев В.В., Калиновский К.Б. Некоторые проблемы, которые могут возникнуть в суде апелляционной инстанции после 1 января 2013 года: Сборник статей по материалам Межвузовской научно-практической конференции "Формы пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве: актуальные проблемы": 27 марта 2012 г. СПб.: Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО "Российская академия правосудия", 2012. URL: <http://www.iuaj.net/node/939>.
2. Воскобитова Л.А. Апелляция - принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы. Материалы всероссийской межведомственной научно-практической конференции к 75-летию Нижегородского областного суда (г. Нижний Новгород, 24-25 октября 2013 г.). С. 39.
3. Кондратов П.Е. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.04.2011 № 6 "О практике применения судами принудительных мер медицинского характера" / Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2014. 816 с.
4. Lupinskaya P.A. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. С. 42.
5. Насонов С.А. Модели пересмотра не вступивших в законную силу приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных заседателей, в России и зарубежных странах // Lex russica. 2013. № 4. С. 379-390.
6. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России // дисс... докт.юрид.наук. Москва, 2013. С. 300; Уголовный процесс России: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва. М., 2003. 821 с. С. 654-656.
7. Рудакова С.В. Проблемы расширения апелляции в российском уголовном процессе //

Российский судья. 2013. № 3. С. 27-29.

8. Червоткин А.С. Новое в законодательстве о пересмотре промежуточных судебных решений по уголовным делам // Российский судья. 2011. № 3. С. 4-8.

9. Червоткин А.С. Промежуточные судебные решения и порядок их пересмотра в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Червоткин Александр Сергеевич. М., 2014. С. 8-9.

10. Шалумов М.С. Апелляция в уголовном процессе: спорные вопросы и развитие // Уголовный процесс. 2013. № 9. С. 58-67.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «К вопросу об особенностях и классификации судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию» предметом исследования являются нормы уголовно-процессуального права, регулирующие общественные отношения в сфере апелляционного пересмотра судебных решений по уголовным делам.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Отмечается применение современных научных методов, таких как формально-логический, историко-правовой, сравнительно-правовой, статистический, социологический и др.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования не вызывает сомнения.

Автор правильно отмечает, что «Обжалование судебных решений в апелляционном порядке является важным механизмом защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса. В отличие от других проверочных стадий уголовного судопроизводства апелляционное разбирательство является единственной стадией, на которой осуществляется пересмотр не вступивших в законную силу решений суда, в связи с чем анализ особенностей таких судебных решений и выявление оснований их классификации приобретает особую актуальность».

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье сформулированы заслуживающие внимания положения, которые указывают на важность этого исследования для юридической науки и его практическую значимость: «... по результатам проведенного исследования нами обоснован вывод о влиянии разграничения судебных решений по уголовным делам на итоговые и промежуточные на порядок их апелляционного обжалования. Также нами выявлены и проанализированы особенности апелляционного обжалования указанных судебных решений. Системный правовой анализ позволил нам классифицировать промежуточные решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, в зависимости от возможности их самостоятельного апелляционного обжалования до вынесения итогового судебного решения по уголовному делу, что, в частности, свидетельствует о новизне представленного научного исследования. Кроме того, особое внимание нами уделено правовому анализу и систематизации ограничений, касающихся обжалования судебных решений в апелляционном порядке, что также отражает особый вклад автора в исследование настоящей темы».

Стиль, структура, содержание. Содержание статьи соответствует ее названию. В целом

тема раскрыта. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Автором предпринята попытка структурировать статью. Так, статья состоит из введения, основной части и заключения. Введение и заключение отвечают установленным требованиям. Во введении обоснована актуальность темы исследования, определены его цель, задачи и методология. В заключении сформулированы итоги исследования. В основной части материал изложен последовательно и ясно. Замечаний по содержанию нет.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, однако отсутствуют ссылки на публикации последних лет (самая "свежая" публикация датирована 2014 годом). Ссылки на имеющиеся источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования. Анализируя разные точки зрения, автор высказывает собственное аргументированное мнение.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «К вопросу об особенностях и классификации судебных решений по уголовным делам, подлежащих апелляционному обжалованию» может быть рекомендована к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Право и политика». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья может представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области уголовно-процессуального права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Право и политика

Правильная ссылка на статью:

Багандова Л.З. Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история // Право и политика. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.72577 EDN: YHTNMB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72577

Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история

Багандова Лейла Закировна

ORCID: 0000-0001-5060-9015

Младший научный сотрудник научно-организационного отдела; Институт государства и права
Российской академии наук

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, каб. 207

✉ leyla.bagandova@mail.ru

[Статья из рубрики "История государства и права"](#)

DOI:

10.7256/2454-0706.2025.3.72577

EDN:

YHTNMB

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Аннотация: Предметом настоящего исследования является рассмотрение запрета на ведение войны в разных религиозных течениях в период Средневековья. Автор выбрал для анализа такие конфессиональные течения, как Христианство и Ислам. Отдельно внимание посвящено изучению теологической литературы для обоснования позиции о различиях между войной и агрессией. Так автор отмечает, что на всех этапах исторического развития люди стремились ограничить насилие, включая такую его узаконенную форму, как война, потому что насилие противоречит природе человеческой цивилизации. При этом, в рассматриваемых религиозных течениях всегда присутствовали черты, которые характеризуют войну как обоснованную и справедливую. Новизна настоящего исследования заключается в том, что для правильного толкования термина «война» и «агрессия» в настоящее время, а также определения эволюции запрета на ведение войн проводится комплексный обзор становления института войны в религиозных течениях Средневековья. Автором использовались такие методы как исторический, формально-догматический, сравнительный, а также методы анализа и

индукции. Основными выводами настоящего исследования является то, что справедливая война и агрессивная война являются противоположными понятиями, представляющими собой важный аспект международных отношений и правопорядка. В рамках моральных основ и принципов справедливой войны, существует определенная система оценки законности и моральной допустимости военных действий. Важным аспектом здесь является соответствие войны определенным критериям, таким как необходимость, пропорциональность, недопустимость нарушения прав человека и принципов гуманности. Все конфессии выступали против агрессивных войн, и с особым вниманием относились к классификациям причин войн для установления их справедливости. Особым вкладом автора в настоящее исследование является обращение к зарубежным теологическим источникам, а также к философии канонического права для более подробного рассмотрения соответствующей темы.

Ключевые слова:

агрессивная война, история права, теория права, война, запрет на войну, ведение войны, каноническое право, философия права, теология, преступление

На всех этапах исторического развития люди стремились ограничить насилие, включая такую его узаконенную форму, как война, потому что насилие противоречит природе человеческой цивилизации. На протяжении долгого времени это были нормы обычного права, в основе которых лежали религиозные постулаты: народы, принадлежащие к одной культурной среде и почитающие одних и тех же богов, соблюдали эти правила, но о них быстро забывали, когда нужно было сражаться с врагами, говорящими на другом языке и поклоняющимися другим богам. Новизна настоящего исследования заключается в том, что для правильного толкования термина «война» и «агрессия» в настоящее время, а также определения эволюции запрета на ведение войн проводится комплексный обзор становления института войны в религиозных течениях Средневековья, а также путем использования формально-юридических, исторических методов, а также методов анализа и индукции доказывається, что разграничения двух вышеуказанных понятий проводилось еще до периода деятельности Гуго Гроция и его труда "О праве войны и мира". Данная тема являлась предметом научных изысканий ряда авторов (А. Куманьков, Г. Кюнг [\[1\]](#), И.П. Добаев, С.В. Резник).

Анализ сущности, противоречивости и тенденций доктрины войны и мира был неотъемлемой частью религиозных воззрений в Средневековье. Различными конфессиональными течениями войны рассматривались по-своему, при этом религиозные постулаты во многом можно назвать гибкими, так как на разных этапах становления общества и канонического права в целом отношение к войне менялось. Отличительной особенностью данного периода является то, что сторонники тех или иных позиций прибегали к двухаспектной аргументации – правовой и богословской.

Отношение ранних христиан к войне можно разделить на два периода оценки: первый – это отрицательное отношение ранней Церкви к ведению военных конфликтов; второй – более гибкая позиция по отношению к войне. Мы попытаемся дать краткий обзор этих двух периодов, пытаясь определить место агрессии в каждом временном интервале.

В первоначальный период церковь отвергала идею войны в целом, и в соответствии с новой религией война считалась греховной процедурой. Таким образом, христианам не разрешалось участвовать в какой-либо войне. Им даже запрещалось записываться в

солдаты. В трудах церковных деятелей пропагандируется ненасилие, характерное для Евангелия. В трактате «Об идолопоклонстве» Тертуллиан подчеркивает запрет на участие в войне как непозволительном деле для христиан: «...хоть к Иоанну и приходили солдаты, и приняли они некую форму благочестия, а центурион так даже уверовал, но всю последующую воинскую службу Господь упразднил, разоружив Петра» [2]. После того как в IV веке христианство стало государственной религией Римской империи, позиции Церкви относительно пацифизма и ненасилия были пересмотрены. Амвросий Медиоланский и Аврелий Августин создали христианскую доктрину справедливой войны (*bellum justum*), объяснявшую, когда и по каким причинам христиане могут обращаться к военной силе и каким образом следует ее применять. Миланский епископ вводит идею войны, санкционированной Богом. Примером для него служит царь Давид, который «не начинал войны иначе, как по испрошении совета от Господа». Именно такая война, ведущаяся с благословения Бога и буквально руководимая им, приемлема для христиан. Насилие не осуждается, когда оно становится средством служения другим, способом обеспечения жизни политического сообщества, к которому принадлежат христиане. На войне, однако, не все дозволено: «атлет Христов» получает венец «только в том случае, если он сражается законно». Военная прагматика должна соотноситься с христианской моралью. Милосердие, кротость и умеренность не менее важны, чем храбрость [1].

Категорическое отношение церкви к войне, сохранявшееся на протяжении трех столетий после Рождества Христова, постепенно менялось, и под влиянием христианской философии появилась и развилась теория оправдания войны. Согласно этой теории, война признавалась необходимостью при определенных условиях. Концепция справедливого ведения войны была выдвинута и развита на этом этапе истории либо теологами и канонистами, либо схоластами. В некотором смысле, ограничивая возможности государства прибегать к войне, Церковь выражала мнение, что «война, связанная с применением оружия и принесением в жертву бесчисленных жизней, может быть оправдана только в том случае, если ее цель справедлива» [3]. Следовательно, согласно христианскому мировоззрению, никакая война не будет справедливой и законоположительной (*bellum justum*), если у нее нет веской причины (*usta causa*).

Исходя из этого краткого изложения отношения Церкви к войне на ранних этапах, следует задать следующие вопросы:

1. Что такое справедливое дело в понимании христианской доктрины? и по какому критерию можно определить, является ли война справедливой?
2. Кто должен решать, есть ли справедливая причина для ведения или начала войны? У кого есть полномочия для этого?

Святой Августин, один из основателей идей справедливой войны, дает ответ на первый вопрос, говоря, что:

«Справедливую войну обычно описывают как войну возмездия за причиненное зло, когда нация или государство должны быть наказаны за отказ возместить ущерб, причиненный их подданным, или вернуть то, что они несправедливо захватили».

Следовательно, для того чтобы война велась на справедливой основе, необходимо, чтобы кто-то потерпел поражение.

Что касается второго вопроса, Августин говорит:

«Естественный порядок, наилучшим образом приспособленный для обеспечения мира человечества, требует, чтобы полномочия на ведение войны и ее целесообразность находились в руках суверенного князя». Поскольку у наций не было международного суда, который мог бы определить справедливость дела, каждое государство должно было принимать решение изнутри; то есть князь должен был принимать решение после консультаций со своими советниками».

Фома Аквинский продолжал передавать Учение святого Августина о справедливой войне. Он утверждает, что для того, чтобы война была справедливой, необходимы следующие условия:

Во-первых, авторитет суверена, по приказу которого ведется война. Ведь объявлять войну - не дело частного лица...

Во-вторых, требуется справедливая причина, а именно, чтобы на тех, кто подвергается нападению, нападали, потому что они этого заслуживают из-за какой-то вины.

В-третьих, необходимо, чтобы у воюющих сторон были законные намерения, чтобы они стремились к продвижению добра или предотвращению зла. является

Взгляды, выраженные Фомой Аквинским на мир и войну, были очень похожи на взгляды Августина.

Из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что в течение рассматриваемого периода была проведена граница между оборонительными и сдерживающими войнами. Первая рассматривалась как оправданная только для возмещения причиненного вреда, и ее целью должно быть установление мира, в то время как вторая, которая носит агрессивный характер, ведется ради личной славы, политических интересов или территориального расширения, является «великим латросиниумом» и не может быть оправдана [\[3\]](#).

Богословское изучение справедливых войн продолжалось в XIV веке. В XV и XVI веках. Активное развитие философской науки о справедливой войне было вызвано процессами испанской оккупации индейских территорий. Проблемами обоснования правомерности такого процесса занимался Франциск де Витория. Он разработал перечень законных и незаконных титулов, с помощью которых варвары нового света могли прийти к власти над испанцами. К незаконным титулам он отнес: всеобщее правление императора, всеобщая временная власть римского понтифика, отказ индейцев менять христианскую веру, грехи индейцев, исповедующих христианство, отчуждение суверенитета, божественное предопределение. К законным основаниям Ф. Витория определил право на естественное общество, проповедь Евангелия, защита обращенных в христианскую веру, человеческие жертвы и антропофагия, истинный и добровольный выбор, неудачи альянса. Витория утверждал, что свободная миссия и свободная торговля являются юридическими основаниями справедливой войны, а, следовательно, и правом на оккупацию для угнетения индейцев. При этом Витория не ограничивает определение справедливой войны исключительно религиозными причинами: то, что индейцы не исповедуют христианство, не дает испанцам неоспоримое право на захват земель нехристианских суверенных народов. Право на захват земли возникает исключительно косвенным образом через аргументацию справедливой войны. Последняя будет иметь место в условиях противодействия иноверцев проповеди и свободной торговле, так как перечисленное приравнивалось к оскорблению, а оскорбление оправдывало начало войны. Исследуя справедливость войны, придерживался мнения, что каждое

государство имеет право объявлять войну. В этом отношении князь обладает такой же властью, как и государство, и там, где в государстве уже есть законные князья, вся власть находится в их руках. Другие мелкие правители и князья, которые не стоят во главе совершенного государства, а являются частями другого государства, не могут вести войну. Существует только одна веская причина для начала войны, а именно, нанесенный ущерб. Еще одной важной чертой работ Витории о войне было проведение различия между наступательными и оборонительными войнами: «не просто действия врага, направленные на причинение ущерба нам, следует предотвращать - или, если врагу уже удалось их совершить, то воздавать за них причинением ему равного ущерба и принуждением к возмещению из его собственных средств того, чего он прежде лишил нас. Этого недостаточно, потому что цель войны - мир и безопасность - так не достигается. Она достигается лишь тогда, когда враг оказывается не только лишен возможности совершить задуманное против нас, но и уstraшен нашими действиями: в этом случае от бесчинств в будущем его удержит страх» [4].

Витория, наряду с другими теологами, разработал теорию, согласно которой война в некоторых случаях может быть справедливой с обеих сторон. Согласно этой теории, так называемому вероятностному подходу, проводится различие между истинной или объективной справедливостью и субъективной невиновностью. В этой связи Витория объяснил, что «возможно, с той стороны, где царит истинная справедливость, война справедлива сама по себе, в то время как с другой стороны война справедлива в том смысле, что ее оправдывают добросовестностью, потому что непреодолимое невежество - это полное оправдание» [5].

В религиозно-правовой доктрине Ислама также развивалось учение о допустимых и недопустимых войнах – «Исламская концепция «Джихад». При буквальном толковании термин «джихад» означает «усилие, устремление к цели» ил «старания приложить усилия» [6]. По шариату, такие усилия прикладываются только во имя бога. Таким образом, истинное назначение джихада заключается в том, чтобы применять свою силу во имя бога для распространения веры в него, и чтобы слово божье стало высшим в мире.

Обычно понятие «джихад» используется для обозначения священной или религиозной войны, однако, настоящая трактовка не является истинной. Это борьба с помощью имущества, жизни, языка и иного во имя бога. Верующий может исполнять свои обязанности в процессе джихада руками, сердцем, своим мечом и языком [7]. Следовательно, с юридико-технической точки зрения понятие «джихад» шире, чем война. Война является одним из способов распространения Ислама, а соответственно и джихада.

Изучение эволюции Ислама как религии показывает, что во времена Ниспослания мусульмане не имели территориальных притязаний за пределами Аравийского полуострова. Их первоочередной целью было искоренение многобожия и установление Ислама на полуострове. После того, как монотеизм был утвержден, доктрина джихада, сводившаяся к борьбе между мусульманами и неверными, претерпела изменения. С тех пор понятие «джихад» стало обозначать справедливую войну в таком же смысле, как доктрина *bellum justum* воспринималось в праве Европы. Теологи-правоведы разделили мир на две части: первая, Дар-аль-Ислам («мир Ислама») относилась к территориям, население которых исповедовало Ислам и на которых действовали нормы шариата. Вторая часть – Дар-аль-Харб («мир войны») – вражеские территории или территории за пределами мира Ислама. Теоретически, первая часть должна была находиться в

состоянии перманентной войны со второй частью до тех пор, пока вторая часть так же не превратится в «мир Ислама». Таким образом, мусульманская теория основана на том, что Ислам и многобожие не могут существовать вместе, следовательно, приверженцы многобожия должны принять Ислам либо мирным путем, либо путем убеждения, либо путем джихада.

Все светские войны, однако, религия запрещает. Война ради самовозвеличивания за счет других, даже неверующих, запрещена, так как эти войны несправедливы и запрещаются мусульманским правом. Война, ведущаяся для отражения нападения врагов, напротив, справедлива и допустима. В связи с соответствующими трактовками неразрешенными остаются вопросы о том, какие причины для джихада являются справедливыми, и кто несет ответственность за джихад и обладает необходимыми полномочиями для его объявления.

М. Хамидулла классифицировал причины следующим образом:

- 1) Продолжение существующей войны, то есть джихад, который был приостановлен по тем или иным причинам ранее;
- 2) Оборонительный, путем отражения вражеских нападений;
- 3) Сочувствующий, посредством оказания помощи мусульманам другой национальности в вопросах религии, если они обращаются за ней к мусульманскому государству;
- 4) Карательный, направленный против лицемерия, вероотступничества, мятежа, нарушения одной стороной соглашения, серьезные разногласия с действующим правительством и настаивание на необязательном характере дополнительного налога на имущество либо любого другого долга религиозного характера;
- 5) Идеологический, направленный на распространение религии [\[8\]](#).

Буддизм выступает категорически против войны. «Дхаммапад» предусматривает, что ненависть не прекращается ненавистью: «Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма»; «Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказывающийся от победы и поражения». В то же время в ином документе отмечается, что правитель государства должен иметь армию, обеспечивающую защиту и безопасность для народа страны от внутренней и внешней угрозы. Царь должен обеспечить защиту, охрану и безопасность в своих владениях: «Устрой себе по дхарме защиту, охрану и оборону своих людей, военной силы, кшатриев, князей, брахманов и домовладык, горожан и селян, шраманов и брахманов, зверей и птиц» (Чаккаватти Сиханада сутта Львиный рык миродержца [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dhamma.ru/canon/dn/dn26.htm> (дата обращения - 12.12.2024)). Таким образом, представляется целесообразным согласиться с точкой зрения М.С. Уланова, что «Будда не отрицал или запрещал воинскую службу как профессию или род занятий, в т.ч. и право правителя или правительства на содержание армии для защиты государства и его граждан. Напротив, Будда признавал необходимость армии, а защиту государства и его подданных Будда считал приоритетной задачей правителя государства» [\[9\]](#)

Буддизм как религия возник в ответ на насилие, существовавшее в тот момент в регионах восточной Азии. буддизм возник в условиях вооружённых конфликтов на субконтиненте, и ранние буддийские писания содержат подробные описания войн и их

последствий [\[10\]](#). Век до рождения Будды, традиционно считающийся 563 годом до н. э. или 480 годом до н. э., по-видимому, был особенно беспокойным: племенные государства постепенно уступали место соперничающим монархиям, а военная организация становилась всё более систематизированной [\[11\]](#). Шакья-республике, к которой, как считается, принадлежал Будда, при его жизни пришлось пережить войну, и она стала вассалом Косалы [\[12\]](#). Согласно легенде, когда Будда был стар, царь Косалы Видудхабха устроил резню шакьев, «начиная с младенцев у материнской груди». Этот акт геноцида напоминает недавние военные преступления.

Именно в ответ на эскалацию войн и насилия, а также на брахманские жертвоприношения животных Будда и его современник Махавира, основатель джайнизма, разработали свою ненасильственную этику отречения и самоконтроля. Поскольку оба они принадлежали к касте кшатриев, они выражали эти идеи на языке воинственного духа, в котором были воспитаны/ Война была чем-то большим, чем просто метафора, для обоих мужчин, которые в некотором смысле никогда не переставали быть воинами, перенаправляя свою энергию с внешних сражений на развитие своего внутреннего мира [\[13\]](#).

Будда отвергал дхарма-юддху и традиционную воинскую идею о том, что война праведна или благотворна. Таким образом, буддизм критиковал брахманские или индуистские правила ведения войны, смягчая и адаптируя их положения, чтобы предотвратить войну или ещё больше ограничить её жестокость. Текстовые ссылки свидетельствуют о том, что это оказало значительное, хотя и эпизодическое, гуманизирующее воздействие.

Важно отметить, что Будда также отвергал кастовую систему брахманов как показатель духовной чистоты. Его превращение Дхармы в универсальный закон или истину, которая в равной степени применима ко всем живым существам и регулирует естественный и нравственный порядок в космосе, стало историческим гуманитарным прорывом, наиболее ярко проявившимся в его формулировке золотого правила: «Все существа трепещут перед бичом; все боятся смерти». Видя их подобие себе, ты не должен ни убивать, ни заставлять убивать. Таким образом, буддийская дхарма также является эквивалентом естественного права, столь важного для развития международного права на Западе. Признание нашей общей человечности и человеческого достоинства имеет фундаментальное значение как для буддизма, так и для международного гуманитарного права и подчеркивает обязанность воюющих сторон уважать друг друга и беспристрастно заботиться о жертвах войны.

Радикальная эмпатия буддизма по отношению ко всем живым существам по-прежнему кажется основополагающей, а признание «общего разума» за пределами нашего вида разоблачает шовинизм гуманизма. Хотя буддизм отдаёт предпочтение человечеству, поскольку перерождение в человеческом теле даёт редкую возможность для духовного развития, он, тем не менее, подчёркивает взаимосвязь всех существ, которые постоянно перерождаются в новых формах. Это подтверждается буддийскими доктринами, такими как отсутствие постоянного «я» (пали *anattā*, санскрит *anātman*), согласно которым у существ нет постоянной идентичности, непостоянство (пали *anicca*, санскрит *anitya*) и равенство (*samatā*). В отличие от этого, положения международного гуманитарного права, направленные на защиту окружающей среды, появились совсем недавно, после того как Соединенные Штаты широко использовали гербициды во время войны во Вьетнаме.

Анализ религиозных постулатов мировых конфессиональных течений, широко

распространенных в мире в античный период и период Средневековья показал, что справедливая война и агрессивная война являлись двумя противоположными понятиями, представляющими собой важный аспект международных отношений и правопорядка. Настоящее исследование показало, что люди проводили разграничение между войнами и отражали это в своем законодательстве и общих принципах общественной жизни задолго до развития международного права и появления трудов Гуго Гроция. В рамках моральных основ и принципов справедливой войны, существует определенная система оценки законности и моральной допустимости военных действий. Важным аспектом здесь является соответствие войны определенным критериям, таким как необходимость, пропорциональность, недопустимость нарушения прав человека и принципов гуманности [\[14\]](#).

Библиография

1. Кюнг Г. Религия, насилие и «священные войны» // Международный журнал Красного Креста. 2005. № 858. С. 27-46.
2. Тертуллиан. Об идолопоклонстве / Пер. с лат. И. Маханькова // Избр. соч. М.: Прогресс, 1994. С. 266.
3. Scott J.B. The Spanish Origin of International Law. Part 1. London, 1934. Pp. 181-182.
4. Иванова Ю.В. Ad Marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. 2014. № 1 (13). С. 10-25.
5. Franciscus de Victoria. On the Law of War. The Classics of International Law. Washington, 1917. P. 168.
6. Nawaz M.K. The Doctrine of "Jihad" in Islamic Legal Theory and Practice. 8 Indian Yrbk. of Int. Affairs, Madras, 1959. P. 32.
7. Khadduri M. War and Peace in the Law of Islam. Baltimore, 1955. P. 51.
8. Hamidullah M. Muslim Conduct of State. 1945.
9. Уланов М.С. Религиозно-философский взгляд буддизма на проблему войны и мира // Вестник Калмыцкого университета. 2015. 4 (28). С. 53-58.
10. Харрис Э. Дж. Буддийский эмпирический реализм и ведение вооружённых конфликтов // Современный буддизм. 2021. С. 22.
11. Singh U. Political Violence in Ancient India // Cambridge: Harvard University Press. 2017.
12. Bodhi B. War and Peace: A Buddhist Perspective // Inquiring Mind, Spring 30: 2.
13. Jenkins S. Once the Buddha Was a Warrior: Buddhist Pragmatism in the Ethics of Peace and Armed Conflict // In The Nature of Peace and the Morality of Armed Conflict, edited by F. Demont-Biaggi. London: Palgrave Macmillan. 2017. 159-178.
14. Бьюнор Ф. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. № 845-847. 2002. С. 205-233.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, развитие запрета на ведение войны в религиозных течениях Средневековья. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "На всех этапах исторического развития люди стремились

ограничить насилие, включая такую его узаконенную форму, как война, потому что насилие противоречит природе человеческой цивилизации. На протяжении долгого времени это были нормы обычного права, в основе которых лежали религиозные постулаты: народы, принадлежащие к одной культурной среде и почитающие одних и тех же богов, соблюдали эти правила, но о них быстро забывали, когда нужно было сражаться с врагами, говорящими на другом языке и поклоняющимися другим богам". Ученым раскрыта степень изученности поднимаемых в статье проблем: "Данная тема являлась предметом научных изысканий ряда авторов (А. Куманьков, Г. Кюнг [1], И.П. Добаев, С.В. Резник)".

Научная новизна работы проявляется, как указывает автор, в следующем: "... для правильного толкования термина «война» и «агрессия» в настоящее время, а также определения эволюции запрета на ведение войн проводится комплексный обзор становления института войны в религиозных течениях Средневековья". Научный интерес представляют следующие заключения ученого: "Отношение ранних христиан к войне можно разделить на два периода оценки: первый – это отрицательное отношение ранней Церкви к войне; второй – более гибкая позиция по отношению к войне"; "После того как в IV веке христианство стало государственной религией Римской империи, позиции Церкви относительно пацифизма и ненасилия были пересмотрены. Амвросий Медиоланский и Аврелий Августин создали христианскую доктрину справедливой войны (*bellum justum*), объяснявшую, когда и по каким причинам христиане могут обращаться к военной силе и каким образом следует ее применять. Миланский епископ вводит идею войны, санкционированной Богом"; "Из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что в течение рассматриваемого периода была проведена граница между оборонительными и сдерживающими войнами"; "Изучение эволюции Ислама как религии показывает, что во времена Ниспослания мусульмане не имели территориальных притязаний за пределами Аравийского полуострова. Их первоочередной целью было искоренение многобожия и установление Ислама на полуострове. После того, как монотеизм был утвержден, доктрина джихада, сводившаяся к борьбе между мусульманами и неверными, претерпела изменения. С тех пор понятие «джихад» стало обозначать справедливую войну в таком же смысле, как доктрина *bellum justum* воспринималось в праве Европы. Теологи-правоведы разделили мир на две части: первая, Дар-аль-Ислам («мир Ислама») относилась к территориям, население которых исповедовало Ислам и на которых действовали нормы шариата. Вторая часть – Дар-аль-Харб («мир войны») – вражеские территории или территории за пределами мира Ислама. Теоретически, первая часть должна была находиться в состоянии перманентной войны со второй частью до тех пор, пока вторая часть так же не превратится в «мир Ислама»" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор исследует эволюцию запрета на ведение войны в религиозных течениях Средневековья. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "В-третьих, необходимо, чтобы у воюющих сторон были законные намерения, чтобы они стремились к продвижению добра или предотвращению зла. является" - имеется опечатка.

Ученый отмечает: "В XV и XVI веках. Франциск де Витория, исследуя справедливость войны, придерживался мнения, что каждое государство имеет право объявлять войну" -

первая точка является лишней.

Автор указывает: "При буквальном толковании термин «джихад» означает «усилие, устремление к цели» ил «старания приложить усилия» [5]" - "или".

Ученый пишет: "Буддизм выступает категорически против войны. «Дхаммапад» предусматривает, что ненависть не прекращается ненавистью" - в конце предложения отсутствует точка.

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются опечатки.

Библиография исследования представлена 8 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения источников должно быть не менее 10. Следовательно, теоретическая база работы нуждается в расширении.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер. В научную дискуссию с конкретными учеными автор не вступает.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Таким образом, справедливая война и агрессивная война являются двумя противоположными понятиями, которые представляют собой важный аспект международных отношений и правопорядка. В рамках моральных основ и принципов справедливой войны, существует определенная система оценки законности и моральной допустимости военных действий. Важным аспектом здесь является соответствие войны определенным критериям, таким как необходимость, пропорциональность, недопустимость нарушения прав человека и принципов гуманности [8]"), однако, во-первых, они не отражают всех научных достижений автора; во-вторых, не все из них обладают свойством научной новизны (что отчасти подтверждается ссылкой на использованный источник информации), и потому нуждаются в уточнении и конкретизации.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере истории политических и правовых учений, международного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, расширении теоретической базы работы, введении дополнительных элементов дискуссионности, уточнении и конкретизации выводов по результатам проведенного исследования, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история» предметом исследования является «институт войны в религиозных течениях Средневековья».

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования на сегодняшний день не вызывает сомнения. Внесение терминологической ясности на основе изучения исторического опыта, бесспорно, способствует совершенствованию правового регулирования современных общественных отношений. Автор правильно отмечает, что «на всех этапах исторического развития люди стремились ограничить насилие, включая такую его узаконенную форму, как война, потому что насилие противоречит природе

человеческой цивилизации. На протяжении долгого времени это были нормы обычного права, в основе которых лежали религиозные постулаты: народы, принадлежащие к одной культурной среде и почитающие одних и тех же богов, соблюдали эти правила, но о них быстро забывали, когда нужно было сражаться с врагами, говорящими на другом языке и поклоняющимися другим богам». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по этой проблематике в целях правильного толкования термина «война» и «агрессия» в настоящее время, а также определения справедливых запретов на ведение войн.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье не сформулированы положения, отличающиеся научной новизной, которые можно было бы расценить как вклад в науку, не определена авторская позиция по заявленной им тематике. Хотя отдельные высказывания автора заслуживают внимания (например, «анализ религиозных постулатов ряда религий, широко распространенных в мире в период Средневековья показал, что справедливая война и агрессивная война являются двумя противоположными понятиями, представляющими собой важный аспект международных отношений и правопорядка»).

Стиль, структура, содержание. Содержание статьи соответствует ее названию. Статья написана научным стилем, использована специальная терминология. Однако нельзя сказать, что тема раскрыта. Автором не соблюдены даже минимальные требования по объему научной статьи. Такую сложную тему невозможно раскрыть на 5 неполных страницах текста. Исследуется большой отрезок истории, поэтому следует изучить разные точки зрения, не только представителей прошлого, но и труды современных авторов. Автором предпринята попытка структурировать статью. Вместе с тем, введение не отвечает установленным требованиям. Во введении необходимо обосновать актуальность темы исследования, определить его цель, задачи и методологию, а также указать предполагаемые результаты исследования. В заключении следует сформулировать итоги исследования, а не ограничиться общим выводом. И конечно же, ссылки на мнения других авторов в заключении неуместны.

Библиография. Автором использовано недостаточное количество доктринальных источников, отсутствуют ссылки на научные публикации последних лет. Имеющиеся ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа. Апелляция к оппонентам. По некоторым спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история» не может быть рекомендована к опубликованию. Статья нуждается в доработке. Хотя статья соответствует тематике журнала «Право и политика» и написана на актуальную тему, но не отвечает всем требованиям, предъявляемым к научным статьям (не отличается научной новизной, не соблюдены требования по объему печатных знаков, не изучены научные публикации последних лет по данной тематике). Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области философии права, истории права, теории права, международного права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Запрет на ведение войны в религиозных течениях Средневековья: эволюция и история».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам развития представлений о запрете на ведение войны в религиозных течениях Средневековья. Как указано в самой статье, «Новизна настоящего исследования заключается в том, что для правильного толкования термина «война» и «агрессия» в настоящее время, а также определения эволюции запрета на ведение войн проводится комплексный обзор становления института войны в религиозных течениях Средневековья, а также путем использования формально-юридических, исторических методов, а также методов анализа и индукции доказывається, что разграничения двух вышеуказанных понятий проводилось еще до периода деятельности Гуго Гроция и его труда "О праве войны и мира"». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясна понята при анализе названия и содержания статьи. Цель исследования может быть обозначена в качестве обсуждения актуальных вопросов развития представлений о запрете на ведение войны в религиозных течениях Средневековья. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из эмпирических данных.

Важную роль сыграл, в частности метод сравнения явлений в разные исторические периоды. В частности, отметим следующий авторский вывод: «Изучение эволюции Ислама как религии показывает, что во времена Ниспослания мусульмане не имели территориальных притязаний за пределами Аравийского полуострова. Их первоочередной целью было искоренение многобожия и установление Ислама на полуострове. После того, как монотеизм был утвержден, доктрина джихада, сводившаяся к борьбе между мусульманами и неверными, претерпела изменения. С тех пор понятие «джихад» стало обозначать справедливую войну в таком же смысле, как доктрина *bellum justum* воспринималось в праве Европы. Теологи-правоведы разделили мир на две части: первая, Дар-аль-Ислам («мир Ислама») относилась к территориям, население которых исповедовало Ислам и на которых действовали нормы шариата. Вторая часть – Дар-аль-Харб («мир войны») – вражеские территории или территории за пределами мира Ислама. Теоретически, первая часть должна была находиться в состоянии перманентной войны со второй частью до тех пор, пока вторая часть так же не превратится в «мир Ислама». Таким образом, мусульманская теория основана на том, что Ислам и многобожие не могут существовать вместе, следовательно, приверженцы многобожия должны принять Ислам либо мирным путем, либо путем убеждения, либо путем джихада».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как

теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема развития представлений о запрете на ведение войны в религиозных течениях Средневековья сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «На всех этапах исторического развития люди стремились ограничить насилие, включая такую его узаконенную форму, как война, потому что насилие противоречит природе человеческой цивилизации. На протяжении долгого времени это были нормы обычного права, в основе которых лежали религиозные постулаты: народы, принадлежащие к одной культурной среде и почитающие одних и тех же богов, соблюдали эти правила, но о них быстро забывали, когда нужно было сражаться с врагами, говорящими на другом языке и поклоняющимися другим богам».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать. Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Анализ религиозных постулатов мировых конфессиональных течений, широко распространенных в мире в античный период и период Средневековья показал, что справедливая война и агрессивная война являлись двумя противоположными понятиями, представляющими собой важный аспект международных отношений и правопорядка. Настоящее исследование показало, что люди проводили разграничение между войнами и отражали это в своем законодательстве и общих принципах общественной жизни задолго до развития международного права и появления трудов Гуго Гроция».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению материалов по теме исследования с авторскими комментариями, что может быть полезно специалистам по теме исследования.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенный интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Есть сомнения в том, что тематика статьи соответствует специализации журнала «Право и политика». Скорее, может соответствовать журналам, посвященным историческим вопросам, а также международной политике.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, в целом достиг цели своего исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует средне оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Scott J.B., Hamidullah M., Singh U., Bodhi B., Jenkins S. И др.). При этом работы процитированных авторов написаны достаточно давно. Также мало представлена литература авторов из России. Представляется, что стоит расширить литературу из России и добавить источники последних лет.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, но не обладают признаком достаточности, не способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Вопрос об апелляции к оппонентам может быть разрешен в случае расширения библиографического списка.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье вопросам. При этом перед публикацией стоит уточнить вопрос о журнале, в котором может быть опубликована статья, а также следует расширить библиографический список.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Англоязычные метаданные

Intentional Analysis of Social Acts in Adolf Reinach's "The Apriori Foundations of the Civil Law"

Liu Yi

Postgraduate student; Department of Theory and History of State and Law; St. Petersburg State University

7-9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia

✉ liuyi_1996@outlook.com

Abstract. The subject of this study is the intentional analysis of social acts in Adolf Reinach's "The Apriori Foundations of the Civil Law" (1913) within the framework of Edmund Husserl's phenomenology from the Logical Investigations' period. The research investigates the structure of social acts as intentional experiences, including their immanent components and the connections between them through the lens of intentional analysis. A critical examination is provided of the "linguistic" interpretation of Reinach's a priori theory of law, particularly the contentious reduction of social acts to speech acts (J.L. Austin, J.R. Searle). Special attention is given to the absence of a methodological section in The Apriori Foundations of the Civil Law, which necessitates the reconstruction of phenomenological analysis of social acts within the jurist's work. The aim of the article is to undertake a problem-theoretical reconstruction (following D.I. Lukovskaya's interpretive method) of the methodology underlying Reinach's phenomenology of law. It conducts a comparative analysis of Husserl's Logical Investigations and Reinach's works on social acts — The Apriori Foundations of the Civil Law, The Essence and Systematics of Judgments (1908), and Non-Social and Social Acts (1911). The novelty lies in the application of intentional analysis to social acts. The study reconstructs the process of analyzing social acts using Husserl's framework and shows how Reinach's method is consistent with phenomenological principles. This paper argued: 1) every social act is an intentional experience that constitutes part of the complex intentional experience termed an "effective social act"; 2) the inner experience of a social act is a partial intentional experience whose objective correlate is identical to the intentional object of the social act. Thus, Reinach's apriori theory of law explores legal experiences and their interconnections through Husserlian phenomenology (Logical Investigations), despite Reinach's phenomenology retains a realist orientation.

Keywords: efficacy, validity, social moment, intentionality, intentional analysis, phenomenological attitude, social act, phenomenology of law, Reinach, Husserl

References (transliterated)

1. Belousov M. A. K voprosu ob ochevidnosti v fenomenologii Gusserlya: dannost' i gorizont // Filosofskii zhurnal. 2021. T. 14. № 2. S. 66-81.
2. Belousov M. A. Ponyatie perezhivaniya u Gusserlya i Il'ina // Natsional'noe svoeobrazie v filosofii: materialy mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 10-11 dekabrya 2014 goda / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Rossiiskoi Federatsii, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet"; otvetstvennyi redaktor: T. A. Shiyan. M.: RGGU, 2014. S. 61-72.
3. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. T. I: Prolegomeny k chistoi logike / Per. s nem.

- E. A. Bernshtein pod red. S. L. Franka; Novaya red. R. A. Gromova. M.: Akademicheskii Proekt, 2011. 253 s.
4. Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya / Per. s nem. V. I. Molchanova. M.: Akademicheskii Proekt, 2011. 565 s.
 5. Kol'tsov A. V. Ponyatie "perezhivanie" v realisticheskoi fenomenologii A. Rainakha: Dis. ... kand. filos. nauk: 5.7.2. M.: RGGU, 2023. 205 s.
 6. Kurennoi V. A. Kommentarii i primechaniya [k "Apriornym osnovaniyam grazhdanskogo prava"] // Rainakh A. Sobr. soch. / Per. s nem., sost. poslesl. i komment. V. A. Kurenno. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2001. S. 455-469.
 7. Kurennoi V. A. Kommentarii i primechaniya [k "Teorii negativnogo suzhdeniya"] // Rainakh A. Sobr. soch. / Per. s nem., sost. poslesl. i komment. V. A. Kurenno. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2001. S. 441-455.
 8. Kurennoi V. A. Ot redaktora // Gusserl' E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii. Kniga pervaya. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu / Per. s nem. A. V. Mikhailova; Vstup. st. V. A. Kurenno. M.: Akademicheskii Proekt, 2009. S. 5-14.
 9. Lukovskaya D. I. Politicheskie i pravovye ucheniya: istoriko-teoreticheskii aspekt. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1985. 161 s.
 10. Molchanov V. I. Analiticheskaya fenomenologiya v Logicheskikh issledovaniyakh Edmunda Gusserlya // Gusserl' E. Logicheskie issledovaniya. T. II. Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya / Per. s nem. V. I. Molchanova. M.: Akademicheskii proekt, 2011. S. 462-557.
 11. Molchanov V. I. Odinochestvo soznaniya i kommunikativnost' znaka // Logos. 1997. № 9. S. 5-24.
 12. Molchanov V. I. Fenomenologiya i terminologiya v Ideyakh I. Chto estestvennogo v "estestvennoi ustanovke"? // Filosofskii zhurnal. 2018. T. 11. № 4. S. 21-35.
 13. Motroshilova N. V. Printsipy i protivorechiya fenomenologicheskoi filosofii. M.: Izdatel'stvo "Vysshaya shkola", 1968. 128 s.
 14. Motroshilova N. V. Rannyaya filosofiya Edmunda Gusserlya (Galle, 1887–1901). M.: Progress-Traditsiya, 2018. 624 s.
 15. Pantykina M. I. Adol'f Rainakh i ego zabytyi proekt fenomenologii prava // Voprosy filosofii. 2022. № 4. S. 116-126.
 16. Polyakov A. V. Fenomenologicheskoe pravovedenie: A. Rainakh // Kozlikhin I. Yu., Polyakov A. V., Timoshina E. V. Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii: uchebnik. 2-e izdanie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2015. S. 444-455.
 17. Pruzhinin B. I., Artemenko N. A., Belousov M. A., Vasil'ev V. V., Kurilovich I. S., Mikhailov I. A., Molchanov V. I., Patkul' A. B., Reznichenko A. I., Savin A. E., Chernavin G. I., Shestova E. A., Shchedrina T. G. Fenomenologiya segodnya: istoricheskie problemy i sovremennye tendentsii. Vozvrashchayas' k diskussii 1988 goda (materialy "kruglogo stola") // Voprosy filosofii. 2024. № 10. S. 5-39.
 18. Rainakh A. Apriornye osnovaniya grazhdanskogo prava // Rainakh A. Sobr. soch. / Per. s nem., sost. poslesl. i komment. V. A. Kurenno. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2001. S. 153-326.
 19. Stovba A. V. A. Rainakh i N.N. Alekseev: u istokov fenomenologii prava // Pravo i politika. 2012. № 2. S. 371-376.
 20. Yampol'skaya A. V. Fenomenologicheskii metod i ego granitsy: ot nemetskoj k

- frantsuzskoi fenomenologii: Dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.03. M.: RGGU, 2014. 351 s.
21. Burkhardt A. Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen. A. Reinachs Rechtsphilosophie und die moderne Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1986. 476 p.
 22. Cadena N. Husserl and Reinach, the idea of promise // Revista Ética E Filosofia Política. 2017. Vol. II (XX). P. 85-100.
 23. Dubois J. M. Judgment and Sachverhalt: An Introduction to Adolf Reinach's Phenomenological Realism. Dordrecht: Springer Science&Business Media, 1995. 168 p.
 24. Elsenhans T. Phänomenologie, Psychologie, Erkenntnistheorie // Kant-Studien. 1915. Vol. 20 (1-3). S. 224-275.
 25. Husserl E. Adolf Reinach // Husserliana. Bd. XXV. Aufsätze und Vorträge (1911-1921) / Mit ergänzenden. Texten hg. von Th. Nenon und H. R. Sepp. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 300-303.
 26. Mulligan K. Promisings and other Social Acts: Their Constituents and Structure // Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology / ed. by K. Mulligan. Netherlands: Springer, 1987. P. 29-90.
 27. Reinach A. Die apriorischen Grundlagen des bürgerlichen Rechts // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 141-278.
 28. Reinach A. Nichtsoziale und soziale Akte // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 355-360.
 29. Reinach A. Wesen und Systematik des Urteils // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band I. Die Werke / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 339-345.
 30. Schuhmann K. Die Entwicklung der Sprechakttheorie in der Münchener Phänomenologie // Phänomenologische Forschungen. 1988. Vol. 21. S. 133-166.
 31. Schuhmann K., Smith B. Einleitung: Adolf Reinach (1883-1917) // Reinach A. Sämtliche Werke. Textkritische Ausgabe in 2 Bänden. Band II. Kommentar und Textkritik / A. Reinach / Hrsg. von K. Schuhmann und B. Smith. München, Hamden, Wien: Philosophia-Verlag, 1989. S. 613-626.
 32. Smith B. Adolf Reinach: An Annotated Bibliography // Mulligan K. (ed.) Speech Act and Sachverhalt: Reinach and the Foundations of Realist Phenomenology. Netherlands: Springer, 1987. P. 299-372.

About the legal regulation of generative artificial intelligence in China

Sayapin Sergei Petrovich

PhD in Law

Junior Researcher; Civil and Business Law Sector; Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

117535, Russia, Moscow, Chertanovo Yuzhnoye district, 3rd Dorozhny passage, 8 k. 2, sq. 1

✉ spsayapin@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is modern technologies of generative artificial intelligence (GII), their impact on society and law (using the example of China). The rapid development of GII is associated with the growth of venture capital investments and active

support from large technology companies and states. Since 2022, China has adopted a number of laws on the regulation of artificial intelligence. At the same time, the PRC focuses on the unconditional protection of state security and national interests. An important aspect of AI regulation in China is the desire to form an AI bill that significantly expands the regulatory architecture. It is expected that the bill will be adopted during 2025, which will contribute to a more complete and detailed regulation of artificial intelligence. In the course of the research, the author used the following methods of cognition (research methodology): dialectical method of cognition, general scientific empirical methods of cognition (comparison and description), general scientific theoretical methods of cognition (generalization and abstraction, induction and deduction, analogy), as well as private scientific empirical methods of cognition (method of interpretation of legal norms) and private scientific theoretical methods cognition (legal and dogmatic). The main conclusions of the study are as follows. To date, the draft law on AI proposed by Chinese legal scholars is still under discussion, but it is already clear that it significantly complements and expands the already established architecture of legal regulation of artificial intelligence in the People's Republic of China. It contains a lot of bold ideas (for example, about the legal protection of data obtained as a result of the work of the GII). It seems that during 2025, the specified draft law (apparently with improvements) will be adopted. Based on the existence of regulatory legal acts that have already entered into force and are currently in force regarding artificial intelligence (including generative), as well as trends towards the rapid formation of the basic law on AI, it clearly follows that China is following the path of legal regulation of this area for general use within the PRC, while giving freedom of use and study AI for government purposes, in order to protect national interests.

Keywords: regulations, regulatory control, laws, PRC, People's Republic of China, China, GAI, AI, generative artificial intelligence, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Belikova K.M. Osnova pravovogo regulirovaniya razvitiya i primeneniya iskusstvennogo intellekta v voennoi sfere Kitaya v kontekste gosudarstvennoi strategii i okhrany avtorskikh i patentnykh prav // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2020. T. 13. № 5. S. 223-233.
2. Demkin V.O. Dipfeiki: modeli pravovogo regulirovaniya v kontinental'nom, obshchem i kitaiskom prave // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. 2024. T. 19. № 5. S. 148-175.
3. Li Yao. Normativno-pravovoe regulirovanie generativnogo iskusstvennogo intellekta v Velikobritanii, SShA, Evropeiskom soyuze i Kitae // Pravo. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki. 2023. № 3. S. 245-267.
4. Troshchinskii P.V. Tsifrovoy Kitai do i v period koronavirusa: osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya // Pravo i tsifrovaya ekonomika. 2021. № 1 (11). S. 44-58.
5. Tszya Sh. Obzor pravovogo regulirovaniya servisov generativnogo iskusstvennogo intellekta v Kitae // Yuridicheskaya nauka i praktika. 2023. T. 19. № 4. S. 53-62.
6. Kharitonova Yu.S. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v voennom dele: opyt Rossii i Kitaya // Zhurnal prikladnykh issledovaniy. 2021. № 1-2. S. 72-80.
7. Khasanai A.M. Pravovoe regulirovanie primeneniya iskusstvennogo intellekta v voennoi sfere: opyt Kitaya // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan. 2024. № 4 (79). S. 300-308.

8. Filipova I.A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: opyt Kitaya // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. T. 2. № 1. S. 46-73.
9. Shurshalova E.S. Programmno-strategicheskoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v sfere realizatsii sotsial'no-ekonomicheskikh prav cheloveka v Kitae // Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii. 2020. № 5 (136). S. 88-95.
10. Persuasive technologies in China: Implications for the future of national security. - URL: https://ad-aspi.s3.ap-southeast-2.amazonaws.com/2024-11/Persuasive%20technologies%20in%20China_0.pdf?VersionId=VMSOrM97iQU.i.gV7tMrKO9ACny9z.b2 (data obrashcheniya: 01.03.2025).
11. Executive order "Removing barriers to american leadership in artificial intelligence". - URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/> (data obrashcheniya: 01.03.2025).

Realpolitik, noopolitik and cryptopolitik: on the issue of the Peculiarities of the Russian Foreign Policy Course at the present stage

Ilikaev Aleksandr

PhD in Politics

Associate Professor, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

Zaki Validi str., 32, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russia

✉ jumo@bk.ru

Abstract. The subject of this research is the analysis of the features of the Russian foreign policy course at the present stage through the prism of the concepts of realpolitik, noopolitik and cryptopolitik. Based on the subject of the article, the author makes : a general overview of Russia's foreign policy, an analysis of the terms realpolitik, noopolitik, cryptopolitik, highlighting the features of Russian foreign policy characterized by the above-mentioned terms. To solve these research tasks, the following media resources were used : TASS, Kommersant, Fontaka, the Levada Center, Forbes, Reuters, YouTube , etc. The methodological basis of this research consists of using the results of monitoring various media resources, political science literature on the issue. The author used an analysis of the current, rapidly changing political situation, which gives relevance and practical significance to this research. The novelty of this work lies in the study of the features of the modern Russian foreign policy, its conditioning factors. The author of the article consistently examines the prerequisites for the emergence of the current configuration of international relations since the entry of the Russian state as a sovereign player on the international political scene. This allows us not only to single out and use the terms noopolitik and cryptopolitik, which are still poorly developed in Russian political science, but also to fill them with new content in relation to the topic of the article, as well as to put forward a whole range of recommendations for adjusting the current Russian foreign policy, mainly against the background of its conduct in Ukraine. The author of the article analyzed the current, rapidly changing political situation, which, in his opinion, gives relevance and practical significance to this study.

Keywords: discourse, means of communication, narrative, crypto-politics, noopolitik, realpolitik, Special military operation, international relations, USA, Russia

References (transliterated)

1. Baichik A.V., Nikonov S.B. Noopolitika kak global'naya informatsionnaya strategiya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2012. Seriya 9. Vypusk I. S. 207-213.
2. Vallerstain I. Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire. Per. s angl. P. M. Kudyukina. Pod obshch. red. kand. polit. nauk B.Yu. Kagarlitskogo. SPb.: Izdatel'stvo "Universitetskaya kniga", 2001. 416 s.
3. Voronova O.K. Informatsionno-psikhologicheskaya bezopasnost' Rossii v usloviyakh novykh global'nykh ugroz. M.: Izdatel'stvo "Akspekt-Press", 2019. 240 s.
4. Gadzhiev G.A. Realpolitik, eskobarstvo, konstitutsionnaya politika i russkaya kul'turno-etnicheskaya traditsiya // Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii: XII Mezhdunar. Likhachev. nauch. chteniya, 17-18 maya 2012 g. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoyuzov, 2012. Doklady Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii. T. 1. 499 s. S. 55-58.
5. Go Ch. Novye media v informatsionnom prostranstve Rossii: problemy i perspektivy // Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy. 2022. Tom 11. № 4. S. 162-169. DOI: 10.34670/AR.2022.99.18.019
6. Zishan M. Formiruetsya li na Vostoke novyi blok Rossiya-Kitai-Indiya? // InoSMI. URL: <https://inosmi.ru/20230407/vostok-261991119.html> (data obrashcheniya: 23.02.2025)
7. Zubov V.V. Nemetskaya doktrina "realpolitik" skvoz' prizmu sovremennoi mirovoi politiki // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. № 12(1). S. 100-107. doi: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-100-107
8. Ilikaev A.S. Etnopoliticheskie aspekty pedagogicheskoi kommunikatsii: politicheskaya mifologizatsiya voprosa o vozniknovenii Rusi v ukrainskikh uchebnikakh istorii // Aktual'nye problemy kommunikatsii: teoriya i praktika. Materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa: UUNiT, 2023. S. 154-159.
9. Kalugina E.G., Nikonov S.B. Noopolitika i internet-SMI: informatsionnoe protivostoyanie v setevom prostranstve: monografiya. M.: RUDN, 2020. 287 s.
10. Knyazeva D.D. Potreblenie khleba i khlebobulochnykh izdelii v Rossiiskoi Federatsii // Nauka bez granits. 2021. № 3. S. 67-73.
11. Konflikt s Ukrainoi v dekabre 2024 goda: vnimanie, podderzhka, otnoshenie k peregovoram, emotsional'nyi nastroi. Levada-tsentr. (Material proizveden inostrannym agentom). URL: <https://www.levada.ru/2025/01/13/konflikt-s-ukrainoj-v-dekabre-2024-goda-vnimanie-podderzhka-otnoshenie-k-peregovoram-emotsionalnyj-nastroy/> (data obrashcheniya: 23.02.2025)
12. Lukmanov Kh.Kh., Ilikaev A.S. O suverennoi demokratii: opyt kriticheskogo prochleniya odnoi politiko-pravovoi doktriny // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2010. № 2 (20). S. 5-9.
13. Martin G.-P., Shumann Kh. Zapadnya globalizatsii: ataka na protsvetanie i demokratiyu. Per. s nemets. M.: Izdatel'skii Dom "Al'pina", 2001. 335 s.
14. Matison A. Media-diskurs. Analiz media-tekstov. Per. s angl. Khar'kov: "Gumanitarnyi tsentr", 2013. 264 s.
15. Minniakhmetova A.A., Ilikaev A.S. Sovremennyi rossiiskii shkol'nyi kurs istorii kak fundament prepodavaniya obshchestvenno-politicheskikh distsiplin v vuze // Aktual'nye problemy kommunikatsii: teoriya i praktika. Materialy XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Ufa: UUNiT, 2023. S. 182-185.
16. Neiro. YandexGPT (versiya ot 16 aprelya 2024) [servis dlya poiska informatsii v internete s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta]. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=172> (data obrashcheniya: 23.02.2025)
17. Nikonov S.B. Genezis transformatsii mediakratii v noopolitiku // Vlast'. 2014. № 7. S.

39-42.

18. Nikonov S.B. Noopolitika v kommunikatsionnom protsesse vneshnepoliticheskoi deyatelnosti gosudarstv: dissertatsiya... doktora politicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2020. 545 s.
19. Politicheskaya entsiklopediya. V 2 t. T. 2 / Nats. obshchestv.-nauch. fond; Ruk. proekta G.Yu. Semigin. M.: Mysl', 1999. 701 s.
20. Rossiiskaya politicheskaya nauka: v 5 t. T. 5: 1995–2006 gg. / pod obshch. red. A.I. Solov'eva. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2008. 1000 s.
21. "Slava Rossii" i "Da zdravstvuet Rossiya" – bol'shaya raznitsa! Chto vybrat'? // Komsomol'skaya pravda. URL: <https://www.kp.ru/daily/27511/4773968/> (data obrashcheniya: 02.03.2025)
22. Stetsko E.V. Amerikanskie nepravitel'stvennye organizatsii: ikh vidy, rol' i otsenka vliyaniya na formirovanie grazhdanskogo obshchestva // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2015. № 1. S. 49-54.
23. Subbotina O.A., Pasikovskaya V.R. Noopoliticheskaya strategiya: mekhanizmy konstruirovaniya informatsionnoi povestki (opyt issledovaniya zarubezhnykh i rossiiskikh mediatekstov nakanune spetsial'noi voennoi operatsii) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyi zhurnal. 2023. T. 9 (75). № 2. S. 149-164.
24. Filosofiya politiki i prava. 100 osnovnykh ponyatii. Slovar': Uchebnoe posobie / Pod obshch. red. E.N. Moshchelkova; Filosofskii fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova. Pushkino: Tsentr strategicheskoi kon'yunktury, 2014. 248 s.
25. Sharp D. Ot diktatury k demokratii. Antiputch. Per. s angl. N. Makarovoi. Ekaterinburg: Ul'tra. Kul'tura, 2005. 224 s.
26. Arquilla J., Ronfeldt D. The Emergence of Noopolitik: Toward an American Information Strategy. Santa Monica: RAND, 1999. 102 p.
27. Gati Ch. Zbig: The Strategy and Statecraft of Zbigniew Brzezinski. Baltimore: JHU Press, 2013. 253 p.
28. Gilbert M.J. A Century of Revolution: Insurgent and Counterinsurgent Violence during Latin America's Cold War. American Encounters Global Interactions. Grandin & Joseph, Greg & Gilbert. Durham, NC: Duke University Press, 2010. 456 p.
29. Haslam J. No Virtue Like Necessity: Realist Thought in International Relations since Machiavelli. London: Yale University Press, 2002. 272 p.
30. Kaniewski D. New "Glory to Ukraine" army chant invokes nationalist past // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/new-glory-to-ukraine-army-chant-invokes-nationalist-past/a-45215538>
31. McMahon R.J. The Limits of Empire: The United States and Southeast Asia since World War II. New York: Columbia University Press, 1999. 276 p.
32. Morgenthau H., Thompson K. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 6th ed. New York: Knopf, Distributed by Random House, 1985. 688 p.
33. Russia and Eritrea Ink Deal to Build a Logistic Base in the Horn of Africa Country // Strategic Intelligence. URL: <https://intelligencebriefs.com/russia-and-eritrea-ink-deal-to-build-a-logistic-base-in-the-horn-of-africa-country>
34. Shtromas A. Totalitarianism and the Prospects for World Order: Closing the Door on the Twentieth Century. Lanham, Md.: Lexington Books, 2003. 524 p.
35. Vegh K. The North Atlantic Treaty and Its Relationship to Other "Engagements" of Its Parties: A Commentary on Article 8. URL:

https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d4f53092-67baef34-69778084-74722d776562/https://scholarlycommons.law.emory.edu/eilr/vol34/iss0/9/

36. Wilson E.J. III Hard Power, Soft Power, Smart Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616, n. 1. P. 110-124.

The Impact of the Normalization of Turkish-Egyptian Relations on the Political, Economic and Geopolitical Spheres

Guzaltan Onur Sinan

Postgraduate student; Department of Comparative Political Science, RUDN University, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

18/1 Arbat street, building 2, Moscow, 119002, Russia

✉ onurguzaltan@yahoo.com

Abstract. Relations between Turkey and Egypt, which worsened after the fall of the government of Mohammed Morsi on July 4, 2013, began to improve after a 10-year hiatus. In 2023, the diplomatic representation was mutually increased. Representatives of the two countries came together and signed cooperation agreements. This article examines the consequences of the normalization of relations between Turkey and Egypt in the political, economic and geopolitical spheres. The purpose of this article is to study the impact of the steps taken by the administrations of Turkey and Egypt to normalize relations on the political, economic and geopolitical spheres between the two countries. The mutual policies and strategies of the Turkish and Egyptian governments were examined within the framework of the institutional method. In this direction, official documents were examined within the scope of conceptual analysis and discourse analysis was conducted based on the statements of authorities. Economic relations were addressed by examining official data with the statistical analysis method. Although much research has been conducted on Turkish-Egyptian relations, there is not enough research on the effects of the recently initiated normalization process in various fields. This article fills this gap. The article concludes that the normalization of relations between Turkey and Egypt has had a positive impact on bilateral relations in various fields, but relations between the two countries have not yet been established on a structural and regular basis. Relations are still fragile due to ideological differences between the governments of Turkey and Egypt, as well as instability in the region. The article concludes that if Turkey and Egypt sign an agreement determining the maritime jurisdiction boundaries in the Eastern Mediterranean, relations between the two countries will reach a structural and strategic level.

Keywords: Syria, Geopolitics, Realist approach, Palestine, Constructivist approach, Eastern Mediterranean, Libya, Egypt, Turkey, Middle East

References (transliterated)

1. Grafov D. Perspektivy vneshnei politiki Turtsii cherez prizmu razlichnykh paradigm mezhdunarodnykh otnoshenii // Vostochnaya analitika. 2021. T. 22. S. 64-89.
2. Sarab'ev A. V. Terpenie kak iskusstvo skryvat' neterpimost', ili Dolgosrochnaya strategiya Brat'ev-musul'man po izmeneniyu Blizhnego Vostoka // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo. 2019. № 12 (4). S. 183-208. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-183-208 EDN: KPMFGW.
3. Mole R. Discursive Constructions of Identity in European Politics. London: Palgrave Macmillan, 2007. 236 p.

4. Bozdağlıoğlu Y. Turkish Foreign Policy and Turkish Identity: A Constructivist Approach. London: Routledge, 2003. 232 p.
5. Magued S. Reconsidering Elitist Duality: Persistent Tension in the Turkish-Egyptian Relations // Digest of Middle East Studies. 2016. Vol. 25, No 2. P. 285-314.
6. Aksoy H.A., Roll S. A thaw in relation between Egypt and Turkey // The German Institute for International and Security Affairs (SWP). 2021. 29 June. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/comments/2021C39_EgyptAndTurkey.pdf
7. Egypt, Turkey sign joint declaration to restructure Strategic Cooperation Council // Egypt State Information Service. 2024. 14 February. URL: <https://sis.gov.eg/Story/191608/Egypt%2C-Turkey-sign-joint-declaration-to-restructure-Strategic-Cooperation-Council?lang=en-us>
8. Türkiye ile Mısır arasında 17 anlaşma imzalandı. // Institute of Strategic Thinking. 2024. 5 September. URL: <https://www.sde.org.tr/haber/turkiye-ile-misir-arasinda-17-anlasma-imzalandi-haberi-55420>
9. Ankara. Erdogan soobshchil, chto otnosheniya Turtsii i Egipta posle pauzy v 12 let snova aktivizirovalis' // TASS. 2024. 15 fevralya. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19994477>
10. Saraslan F. Türkiye ve Mısır ilişkileri: Ekonomik süreklilik ve siyasi normalleşme // Türkiye Research Foundation. 2024. 21 September. URL: <https://turkiyearastirmalari.org/2024/09/21/yayinlar/analiz/turkiye-misir-iliskileri/>
11. Davut M., Karsu S., Solyman A.F.F. Türkiye ile Mısır 15 milyar dolarlık ticaret hedefi için yeni işbirliklerine odaklandı // Anadolu Agency. 2025. 30 January. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/turkiye-ile-misir-15-milyar-dolarlik-ticaret-hedefi-icin-yeni-isbirliklerine-odaklandi/3466496>
12. Editör. Türkiye ile Mısır arasındaki ekonomik ilişkilerde yeni bir adım // Foreign Economic Relations Board (DEİK). 2017. 12 March. URL: <https://www.deik.org.tr/basin-aciklamalari-turkiye-ile-misir-arasindaki-br-ekonomik-iliskilerde-yeni-bir-adim>
13. Demirtash T. Türkiye-Mısır ilişkilerinde yeni dönem i Afrika // SETA. 2024. 17 February. URL: <https://www.setav.org/yorum/turkiye-misir-ilisiklerinde-yeni-donem-ve-afrika>
14. Elgendy K. Egypt as an Eastern Mediterranean power in the age of energy transition // Middle East Institute. 2022. 18 July. URL: <https://www.mei.edu/publications/egypt-eastern-mediterranean-power-age-energy-transition>
15. Parlanova A.T. Turtsiya vs Egipet v Vostochnom Sredizemnomor'e // Konfliktologiya / nota bene. 2023. № 2. S. 1-11. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.2.40119 EDN: TYKDDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40119
16. Memorandum of Understanding Between The Government of The Republic Of Turkey and The Government of National Accord-State of Libya on Delimitation of The Maritime Jurisdiction Areas in The Mediterranean // United Nations. 2019. 27 November. URL: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/TREATIES/Turkey_11122019_%28HC%29_MoU_Libya-Delimitation-areas-Mediterranean.pdf
17. Cevrioğlu E.Ş., Begçecanlı B. Doğu Akdeniz'de olası Türkiye-Mısır ittifakı iki ülke için yeni kapılar açabilir // Anadolu Agency. 2021. 16 April. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/dogu-akdenizde-olasi-turkiye-misir-ittifaki-iki-ulke-icin-yeni-kapilar-acabilir/2210828>
18. Moskva. SMI soobshchili o davlenii Turtsii i Egipta na Liviyyu dlya vozobnovleniya postavki ee nefti // Interfaks. 2024. 15 sentyabrya. URL: <https://www.interfax.ru/world/982117>

19. De Toni C. New ties between Turkey and Egypt // Istituto Analisi Relazioni Internazionali. 2024. 17 Novembre. URL: <https://iari.site/2024/11/17/new-ties-between-turkey-and-egypt/>
20. Yeşiltaş M. From rivalry to alliance: The new phase in Türkiye-Egypt relations // SETA. 2024. 8 September. URL: <https://www.setav.org/en/opinion/from-rivalry-to-alliance-the-new-phase-in-turkiye-egypt-relations>

Expansion of the directions of experimental legal regimes (on the example of the federal territory "Sirius")

Akhmadova Maryam Abdurakhmanovna

PhD in Law

Senior Lecturer; Department of Business and Corporate Law; O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGU)
Head of the Legal Support Department; GBU 'Analytical Center for Control Activities'

14/4 Tatyatin Park St., Moscow, 119618, Russia

✉ 4ernijkvadrat95@gmail.com

Schunina Tat'yana Evgen'evna

Postgraduate student; Institute of Social Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Project Manager, Lecturer, Junior Researcher, RANEPA Analytical Center under the Government of the Russian Federation
INION RAS

82 Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russia

✉ tatyanashchunina@gmail.com

Abstract. The subject of the research in this article is the analysis of the prerequisites for the creation of experimental legal regimes in the legal legislation of the Russia. The authors have identified the positive effects of establishing experimental legal regimes in the context of the need to ensure technological sovereignty and train personnel with maximum immersion in the information technologies. The subject of the research is the analysis of the prerequisites for the creation of experimental legal regimes in the legal regulation of the Russian Federation and the expansion of their scope. The authors have identified the positive effects of establishing experimental legal regimes in the context of the need to ensure technological sovereignty and train personnel in a short time and with maximum immersion in the field of information technology, as well as identified the risks to the Russian legal system caused by the rapid spread of the practice of using this tool. The author's attention is also focused on the specifics of testing innovative approaches in the field of education within the framework of the experimental legal regime in the federal territory of Sirius. The author concludes that the need to mitigate the risk of loss of stability by the rule of law indicates the need to create a federal regulatory legal act that will create a unified conceptual framework, introduce a standard for establishing experimental legal regimes, and create a parametric scale of indicators for monitoring the effectiveness and efficiency of experimental legal regimes.

Keywords: strategic planning, state, safety, Information technology, Sirius, digital innovation, frames, education, technological innovation, experimental legal regime

References (transliterated)

1. Tyukavkin N. M., Anisimova V. Yu. Protsessy importozameshcheniya v promyshlennosti

- Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty // MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie). 2023. T. 14. № 1. S. 44.
2. Akhmadova M.A. Pravovoe regulirovanie v sfere intellektual'noi sobstvennosti kak faktor rosta ili sderzhivaniya razvitiya tekhnologicheskogo predprinimatel'stva // Pravo i politika. 2024. № 12. S. 48-64. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.71781 EDN: YFIJIE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71781
 3. Demchenko M. V., Dakhnenko S. S. Pravovoe regulirovanie eksperimental'nykh pravovykh rezhimov v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki i perspektivy ikh ispol'zovaniya v finansovom sektore // Finansovoe pravo. 2022. № 12. S. 33-37.
 4. Tarasenko O. A. Eksperimental'noe normotvorchestvo: doktrina, praktika, tekhnika: monografiya / otv. red. O. A. Tarasenko. Moskva: Prospekt, 2024. 136 s.
 5. Egorov P. E. K voprosu ob obshchem sostoyanii eksperimental'nogo normotvorchestva // Pravo i biznes. 2024. № 3. S. 11-16.
 6. Buyanova A. V. Reformirovanie sistemy obrazovaniya v Rossii: ozhidaniya i real'nost' // Simvol nauki. 2019. № 2. S. 42-45.
 7. Shchunina T. E. Eksperimental'nyi pravovoi rezhim kak mekhanizm obespecheniya dostizheniya natsional'nykh tselei razvitiya Rossiiskoi Federatsii // Naukosfera. 2024. № 6 (1). S. 182-188.
 8. Sushil'nikov I. S. Konstitutsionno-pravovye osnovy eksperimental'nykh pravovykh rezhimov // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya. 2023. № 1 (15). S. 109-118.
 9. Efremov A. A. Problemy eksperimental'nogo normotvorchestva v sfere tsifrovyykh innovatsii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 12. S. 53-60.
 10. Dmitrik N. A. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: teoretiko-pravovoi aspekt // Zakon. 2020. № 6. S. 64-72.
 11. Degtyarev M. A. Eksperimental'nye pravovye rezhimy: postanovka nauchnoi problemy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 11 (191). S. 152-155.

Blockchain as a technological means of ensuring copyright protection of the results of intellectual activity

Pakhomov Valeriy Nikolaevich

Postgraduate student; Department of Civil Law Disciplines; Syktykar State University named after Pitirim Sorokin

83 Tentyukovskaya str., 45 sq., Syktykar, Komi Republic, Russia, 167005

✉ valeriy-pakhomov@yandex.ru

Abstract. The subject of the article is the legal forms of using blockchain as an independent technology that ensures the protection of originality and confirmation of authorship in relation to intellectual property objects. The article reveals the current areas of blockchain use, within which this technology allows solving traditional problems of information security and identification of copyright objects. As part of the improvement of the mechanism of private law regulation in this area, it is proposed to use blockchain to create public registers of copyright objects, which will contain information about the created work, the presence of legal disputes in relation to these works, as well as other information that will reflect the main characteristics of the work as an object enjoying copyright protection. This requires the development of legislative initiatives that form unified state standards for the placement of information about copyright objects in a distributed database. Based on the use of a systematic approach and formal legal analysis, the article discusses specific ways to introduce

blockchain technology into the mechanism of copyright protection. Blockchain technology can be used to create public registers of copyright objects, which will contain information about the created work, the existence of legal disputes in relation to these works, as well as other information that will reflect the main characteristics of the work as an object enjoying copyright protection. The creation of such a registry is possible in both single and multiple versions. If there are several registers of copyright objects, it is advisable to create mechanisms that exclude the possibility of duplication of the same work. Blockchain technology allows to confirm the authenticity and uniqueness of a copy of a work, but does not provide the buyer of the token with automatic rights to use the work outside the framework established by the copyright holder. Thus, in order to strengthen trust and protect the rights of buyers of NFT tokens, comprehensive solutions aimed at verification and confirmation of authorship are needed. In order to ensure to users that the issue of the NFT token is actually carried out by the author, there are several solutions. One of the most reliable methods is to use the services of a notary, who can officially confirm the creation of a work of art or any other object presented in the form of an NFT by its author.

Keywords: non-fungible token, distributed data registry, digital token, material carrier, blockchain, intellectual property, civil turnover, work, asset, author's work

References (transliterated)

1. Efimova L.G. Al'ternativnyi vzglyad na pravovoe regulirovanie grazhdansko-pravovykh otnoshenii v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2021. T. 16. № 8 (129). S. 52-62.
2. Zakharkina A.V. Smart-kontrakt v usloviyakh formirovaniya normativnoi platformy ekosistemy tsifrovoi ekonomiki Rossiiskoi Federatsii // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2020. № 47. S. 66-82.
3. Ippolitov S.S. Intellektual'naya sobstvennost' i tochki rosta tvorcheskoi industrii v rossiiskoi ekonomike: blokchein, kript-art, nft-tokenizatsiya // Kul'tura i obrazovanie. 2021. № 2 (41). S. 5-18.
4. Kartskhiya A.A. Tsifrovizatsiya v prave i pravoprimeneniі // Monitoring pravoprimeneniya. 2018. № 1 (26). S. 36-40.
5. Kupchina E.V. Zashchita prav avtorov pri pomoshchi smart-kontraktov // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2023. № 5 (180). S. 235-238.
6. Matychenko D.V. Tekhnologiya blokchein v sfere upravleniya intellektual'noi sobstvennost'yu // Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei. 2019. T. 7. № 4. S. 81-88.
7. Moskalenko A.I. Bitkoin, tekhnologii blokchein i razvitie intellektual'noi sobstvennosti v seti Internet // Pravo i ekonomika. 2021. № 3 (397). S. 29-34.
8. Novikov K.A. Tekhnologiya blokchein v sfere okhrany avtorskikh prav na muzykal'nye proizvedeniya // Sinergiya Nauk. 2018. № 30. S. 1452-1458.
9. Novoselova L.A. Ob aktivnykh sistemakh ucheta intellektual'nykh prav // Permskii yuridicheskii al'manakh. 2018. № 1. S. 268-277.
10. Ponomarchenko A.E. Tekhnologiya blokchein v sfere avtorskogo prava // Pravovaya paradigma. 2021. T. 20. № 4. S. 148-152.
11. Ruzakova O.A. Dogovory v sfere intellektual'noi sobstvennosti i tsifrovyte tekhnologii // Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava. 2019. № 9. S. 2-7.
12. Ruzakova O.A., Grin' E.S. Primenenie tekhnologii blockchain k sistematizatsii rezul'tatov intellektual'noi deyatel'nosti // Vestnik Permskogo universiteta.

- Yuridicheskie nauki. 2017. № 38. S. 508-520.
13. Savina V.S. Iskusstvennyi intellekt i sovremennoe iskusstvo: problemy i perspektivy // Pravo i biznes. 2021. № 3. S. 8-10.
 14. Sal'nikova A.V. Tekhnologiya blokchein kak instrument zashchity avtorskikh prav // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. 2020. T. 15. № 4 (113). S. 83-90.
 15. Sviridova E.A. NFT tokeny v kontekste avtorskikh prav na proizvedeniya // Gosudarstvo i pravo. 2022. № 8. S. 83-92.
 16. Tumakov A.V., Petrakov N.A. Razvitie tsifrovyykh pravootnoshenii v sovremennykh realiyakh // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2. S. 121-122.
 17. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Tekhnologiya iskusstvennogo intellekta i pravo: vyzovy sovremennosti // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2020. № 49. S. 524-549.
 18. Tsvetkova L.A. Perspektivy razvitiya tekhnologii blokchein v Rossii: konkurentnye preimushchestva i bar'ery // Ekonomika nauki. 2017. T. 3. № 4. S. 275-296.
 19. Tsukerblat D.M. Blokchein v sfere intellektual'noi sobstvennosti: novye pravootnosheniya // Patenty i litsenzii. Intellektual'nye prava. 2021. № 3. S. 23-31.
 20. Shakhnazarov B.A. Kompleksnaya vzaimosvyaz' blokchein-tekhnologii i ob'ektov intellektual'noi sobstvennosti v transgranichnykh chastnopravovykh otnosheniyakh // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2019. № 55. S. 121-148.

On the issue of the specifics and classification of court decisions in criminal cases subject to appeal

Altynnikova Lilya Igorevna

PhD in Law

Lecturer; Department of Criminal Procedure Law; Kutafin Moscow State Law University (MGU)
Judge; Lefortovo District Court of Moscow

123001, Russia, Moscow, Presnensky district, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9

✉ l.altynnikova@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of the legal regulation and practical activities of the courts of appeal for the review of judgments in criminal cases. The author focuses on the specifics of court decisions in criminal cases subject to appeal. In particular, the author examines in detail the features of the appeal of both final and interim court decisions in criminal cases. In addition, in the presented scientific research, the author pays special attention to the legal analysis of some restrictions regarding the appeal of court decisions. At the same time, the author analyzes the positions of the higher courts regarding the appeal of court decisions in criminal cases, and also provides relevant examples from judicial practice. The methodological basis of this research consists of the dialectical method of scientific cognition, logical, comparative legal research methods, as well as methods of analysis and synthesis, induction and deduction. The author focuses on the need to distinguish between final and interim court decisions in criminal cases, analyzing both the legislative definitions of these concepts and the doctrinal definitions of these terms. Moreover, the author substantiates the conclusion about the influence of this distinction on the procedure for appealing court decisions in criminal cases. The novelty of the presented scientific research lies, in particular, in the fact that a systematic legal analysis allowed the author to classify interim decisions of the court of first instance that have not entered into force, depending on the possibility of their independent appeal before the final court decision in the criminal case.

In addition, the author's special contribution to the research of the topic of the systematization of legislative restrictions concerning the appeal of court decisions in criminal cases on appeal.

Keywords: features of the appeal, appeal submissions, appeals, appeal, final court decisions, interim court decisions, second instance court, Court of appeal, appeal proceedings, criminal proceedings

References (transliterated)

1. Vandyshev V.V., Kalinovskii K.B. Nekotorye problemy, kotorye mogu vozniknut' v sude apellyatsionnoi instantsii posle 1 yanvarya 2013 goda: Sbornik statei po materialam Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Formy peresmotra sudebnykh reshenii v ugovnom sudoproizvodstve: aktual'nye problemy": 27 marta 2012 g. SPb.: Severo-Zapadnyi filial FGBOU VPO "Rossiiskaya akademiya pravosudiya", 2012. URL: <http://www.iuaj.net/node/939>.
2. Voskobitova L.A. Apellyatsiya - printsipial'no novyi institut v ugovnom sudoproizvodstve // Apellyatsiya: realii, tendentsii i perspektivy. Materialy vserossiiskoi mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 75-letiyu Nizhegorodskogo oblastnogo suda (g. Nizhnii Novgorod, 24-25 oktyabrya 2013 g.). S. 39.
3. Kondratov P.E. Kommentarii k postanovleniyu Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 07.04.2011 № 6 "O praktike primeneniya sudami prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera" / Kommentarii k postanovleniyam Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po ugovnym delam / Pod obshch. red. V.M. Lebedeva. 3-e izd., pererab. i dop. M.: NORMA, 2014. 816 s.
4. Lupinskaya P.A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo i praktika. M.: Yurist", 2006. S. 42.
5. Nasonov S.A. Modeli peresmotra ne vstupivshikh v zakonnyu silu prigovorov, postanovlennykh na osnovanii verdikta pris'yazhnykh zasedatelei, v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Lex russica. 2013. № 4. S. 379-390.
6. Potapov V.D. Osnovnye nachala proverki sudebnykh reshenii v kontrol'no-proverochnykh stadiyakh i proizvodstvakh ugovnogo sudoproizvodstva Rossii // diss... dokt.yurid.nauk. Moskva, 2013. S. 300; Ugolovnyi protsess Rossii: uchebnik / A.S. Aleksandrov, N.N. Kovtun, M.P. Polyakov, S.P. Serebrova. M., 2003. 821 s. S. 654-656.
7. Rudakova S.V. Problemy rasshireniya apellyatsii v rossiiskom ugovnom protsesse // Rossiiskii sud'ya. 2013. № 3. S. 27-29.
8. Chervotkin A.S. Novoe v zakonodatel'stve o peresmotre promezhutochnykh sudebnykh reshenii po ugovnym delam // Rossiiskii sud'ya. 2011. № 3. S. 4-8.
9. Chervotkin A.S. Promezhutochnye sudebnye resheniya i poryadok ikh peresmotra v rossiiskom ugovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Chervotkin Aleksandr Sergeevich. M., 2014. S. 8-9.
10. Shalumov M.S. Apellyatsiya v ugovnom protsesse: spornye voprosy i razvitie // Ugolovnyi protsess. 2013. № 9. S. 58-67.

The development of the prohibition of warfare in the religious movements of the Middle Ages

Abstract. The subject of this study is the consideration of the prohibition of warfare in various religious movements during the Middle Ages. The author has chosen such confessional movements as Christianity and Islam for analysis. Special attention is devoted to the study of theological literature to substantiate the position on the differences between war and aggression. Thus, the author notes that at all stages of historical development, people sought to limit violence, including such a legalized form of it as war, because violence contradicts the nature of human civilization. At the same time, the religious movements under consideration have always had features that characterize the war as justified and just. The novelty of this study lies in the fact that for the correct interpretation of the term "war" and "aggression" at the present time, as well as determining the evolution of the prohibition of warfare, a comprehensive review of the formation of the institution of war in religious movements of the Middle Ages is conducted by the author using such methods as historical, formal dogmatic, comparative, as well as methods of analysis and induction. The main conclusions of this study are that just war and aggressive war are two opposite concepts that represent an important aspect of international relations and the rule of law. Within the framework of the moral foundations and principles of a just war, there is a certain system for assessing the legality and moral permissibility of military action. An important aspect here is the compliance of the war with certain criteria, such as necessity, proportionality, inadmissibility of violations of human rights and the principles of humanity. All denominations opposed aggressive wars, and paid special attention to the classifications of the causes of wars in order to establish their justice. The author's special contribution to this study is to turn to foreign theological sources, as well as to the philosophy of canon law for a more detailed consideration of the relevant topic.

Keywords: theology, philosophy of law, Canon law, waging war, prohibition of war, war, theory of law, history of law, aggressive war, crime

References (transliterated)

1. Kyung G. *Religiya, nasilie i «svyashchennye voyny»* // *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta*. 2005. № 858. S. 27-46.
2. Tertullian. *Ob idolopoklonstve* / Per. s lat. I. Makhan'kova // *Izbr. soch.* M.: Progress, 1994. S. 266.
3. Scott J.B. *The Spanish Origin of International Law. Part 1.* London, 1934. Pp. 181-182.
4. Ivanova Yu.V. *Ad Marginem socialitatis: logika voyny Fransisko de Vitoriya* // *Artikul't.* 2014. № 1 (13). S. 10-25.
5. Franciscus de Victoria. *On the Law of War. The Classics of International Law.* Washington, 1917. P. 168.
6. Nawaz M.K. *The Doctrine of "Jihad" in Islamic Legal Theory and Practice.* 8 Indian Yrbk. of Int. Affairs, Madras, 1959. P. 32.
7. Khadduri M. *War and Peace in the Law of Islam.* Baltimore, 1955. P. 51.
8. Hamidullah M. *Muslim Conduct of State.* 1945.
9. Ulanov M.S. *Religiozno-filosofskii vzglyad buddizma na problemu voyny i mira* // *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2015. 4 (28). C. 53-58.

10. Kharris E. Dzh. Buddiiskii empiricheskii realizm i vedenie vooruzhennykh konfliktov // Sovremennyi buddizm. 2021. S. 22.
11. Singh U. Political Violence in Ancient India // Cambridge: Harvard University Press. 2017.
12. Bodhi B. War and Peace: A Buddhist Perspective // Inquiring Mind, Spring 30: 2.
13. Jenkins S. Once the Buddha Was a Warrior: Buddhist Pragmatism in the Ethics of Peace and Armed Conflict // In The Nature of Peace and the Morality of Armed Conflict, edited by F. Demont-Biaggi. London: Palgrave Macmillan. 2017. 159-178.
14. Byun'on F. Spravedlivaya voyna, agressivnaya voyna i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo // Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta. № 845-847. 2002. S. 205-233.